Эндрю МОРТОН

Женские судьбы

ДИАНА

ЕЁ ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ

ОРТ

ФЭС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга потрясает своей правдивостью. Она рассказывает о юной девушке, которая стала принцессой прежде, чем в ней проснулась женщина, и о женщине, которая вопреки обстоятельствам отстояла свое право быть личностью.

Трагическая смерть Дианы еще больше обострила интерес читателей к этой незаурядной личности.

Для широкого круга читателей.

- Эндрю Мортон
  - От автора
  - 1. «Это только начало…»
  - 2. «Я должна была родиться мальчиком…»
  - 3. «Можете называть меня просто «сэр»…»
  - 4. «Моя душа жила надеждой…»
  - 5. «Отчаянные крики о помощи…»
  - 6. «Дорогой, мне плохо…»
  - 7. «Моя жизнь изменилась…»
  - 8. «Я не вмешиваюсь в их дела…»
  - 9. «Я сделала все, что в моих силах…»

Эндрю Мортон
Диана. Ее истинная история

От автора

Когда берешься за жизнеописание члена королевского дома, всегда сталкиваешься с одной и той же проблемой: как убедить читателя в достоверности рассказа? В ряде случаев автор получает информацию от лиц, которые соглашаются дать интервью, но просят не упоминать их имени в печати. Поверит ли читатель анонимным цитатам? Другое дело, если книгу заказывает Букингемский дворец. В этом случае автор получает допуск к официальным архивам, берет интервью у высокопоставленных придворных и именитых друзей царствующей особы, но у читателя нет-нет да и шевельнется сомнение: пусть автор говорит правду, но до конца ли правдивы источники?

Книга о принцессе Уэльской, которую я предлагаю вниманию читателей, не является официальной биографией. Она написана без «благословения» Букингемского дворца на основании рассказов многочисленных друзей, сторонников и родственников принцессы. Некоторые факты звучали, как откровение. Люди, хорошо знающие принцессу, говорили о ее жизни абсолютно искренне, хотя обычно, когда речь заходит о королевском семействе, все невольно настраиваются на почтительный лад и предпочитают умалчивать о неприятных вещах. Я отдаю должное их мужеству и выражаю сердечную благодарность за содействие в создании этой книги.

Хотелось бы особо поблагодарить брата принцессы Уэльской, 9-го графа Спенсера, который поделился воспоминаниями о детстве сестры и тонкими наблюдениями за ее характером, внеся, таким образом, весомый вклад в этот труд.

Я выражаю искреннюю признательность также баронессе Фокендер, Кэролин Бартоломью, Сью Бичи, Джеймсу Колтэрсту, Джеймсу Джилби, Малколму Гроувзу, Люсинде Крейг-Харви, Питеру и Нейлу Хиклингам, Феликсу Лайлу, Майклу Нэшу, Делиссе Нидгэм, Адаму Расселу, Рори Скотту, Анджеле Серота, Мьюриел Стивенз, Уне Тофоло, Стивену Твиггу.

К сожалению, нельзя назвать всех имен: многие из тех, кто любезно согласился дать интервью, в силу занимаемого в обществе положения, не могут афишировать свое участие в работе над книгой. Тем не менее, я от души благодарю их за помощь.

Спасибо моему издателю Майклу О'Мара, чьи мудрые советы помогли преодолеть тернистый путь от идеи к ее воплощению. Благодарю также мою жену Линн за моральную поддержку и

терпение.

Эндрю Мортон. Апрель 1992 года

1. «Это только начало…»

Голос на другом конце провода звучал резко и тревожно. «Идите к скремблеру», — коротко приказал голос. Только не подумайте, что это происходило в рубке военного корабля или в какой-нибудь засекреченной комнате Белого дома. Скремблер (кодирующее устройство против прослушивания) был предусмотрительно вмонтирован в обычный телефонный аппарат, стоявший в моем скромном офисе в северной части Лондона. Мне сообщили подробности о причинах отставки личного секретаря принца Чарльза сэра Кристофера Эри.

Мой осторожный собеседник воспользовался телефоном-автоматом на одном из шумных перекрестков столицы островного государства на северо-западе Европы, и этот звонок стал первым шагом по извилистой тропинке, которая вела к самому сердцу британской монархии. Этот разговор послужил толчком к началу расследования с целью установить истину о личности принцессы Уэльской, истории ее брака и жизни в королевском семействе. Мне не пришлось сожалеть о выборе предмета расследования: история жизни моей героини оказалась на редкость поучительной и полной драматических коллизий.

Лет десять я посвятил изучению современной монархии, написал немало книг, прослыл знатоком в этой области на радио и телевидении. Мне казалось, что я действительно досконально изучил этот предмет. Однако последнее исследование, на которое ушел год, показало, как мало я, в сущности, знаю о том, что происходит за чугунными воротами Букингемского дворца и какие тайны скрывает кирпичный фасад Кенсингтонской резиденции членов королевского семейства.

Материал об отставке секретаря появился на страницах «Санди-Таймс». Спустя неделю я опубликовал более подробную статью, посвященную проблеме соперничества между офисами принца Уэльского и его жены, принцессы Уэльской. Прошло еще несколько недель, и в прессе поднялся шум в связи с 30-летним юбилеем принцессы Дианы. Я откликнулся очередной статьей о закулисных маневрах, призванных примирить супругов после скандальной публикации об отказе Дианы отметить этот праздник вместе с мужем в Хайгроуве, их загородной резиденции.

Публикация статей в «Санди-Таймс» повлекла за собой целую цепочку событий. Прежде всего началась «охота на ведьм» в кулуарах Букингемского дворца: искали источник утечки информации. Впрочем, я не новичок в своем деле и был к этому готов. Ричард Эйлард, новый личный секретарь принца Чарльза,

пристально изучал статьи, в надежде найти какую-нибудь зацепку, а личный секретарь королевы сэр Роберт Феллоуз утверждал, что предатель — из служащих Кенсингтонского дворца.

Предположения переросли в уверенность после краткого разговора по телефону с Артуром Эдвардзом, опытным фоторепортером из газеты «Сан». Артур — тертый калач, и своей удачливостью он во многом обязан отличным информаторам из придворной среды. «Я было решил, что твоя последняя статья — блеф, — сказал Артур, — но потом поговорил с одним хорошим знакомым, и он подтвердил, что за информацию хорошо заплатили. Я звоню, чтобы предупредить: будь осторожен, они ищут источник информации». Любопытно, что эта история повторилась спустя несколько месяцев, когда я обнародовал материал о том, что герцогиня Йоркская собирается покинуть своего супруга, младшего брата наследника престола. Тогда мне тоже позвонил надежный друг и сообщил, что в Букингемский дворец был вызван офицер службы безопасности королевского дома и дипломатического корпуса, который получил специальное задание разыскать источник утечки информации. «Телефонные разговоры прослушиваются», — утверждал мой хорошо информированный знакомый. Через несколько дней мой офис взломали и подвергли обыску.

Вместе с тем эти первые публикации привлекли внимание друзей принцессы Уэльской. У них появилась надежда, что теперь ее роль в семейной драме может быть освещена объективно и беспристрастно. Эти люди (многие из которых впоследствии окажут мне большую помощь в работе над книгой) были возмущены тенденциозностью многочисленных статей и книг, выпущенных к 10-летней годовщине свадьбы принца Уэльского и в связи с 30-летним юбилеем принцессы Дианы. В этих изданиях, как правило, рисовался портрет наивной и легкомысленной девушки, чьим эмоциональным и интеллектуальным развитием заботливо руководил мудрый супруг. Рассуждая о семейной жизни принца и принцессы, сочинители сходились в одном: несмотря на некоторое несходство характеров и периодически возникающие размолвки, принц и принцесса являются в настоящее время хорошими партнерами, которых объединяет общая цель, хотя каждый идет к ней своим путем.

Вскоре мне стало известно, что те, кто близко знает принцессу, считают эти благостные рассуждения карикатурным подобием правды. Решающее значение для меня имела встреча с одним из старых друзей Дианы, которая состоялась в будний день в скромной рабочей забегаловке на окраине Лондона — подальше

от любопытных глаз. Пока посетители за соседними столиками жадно уписывали яичницу с беконом, мой собеседник посвящал меня в драматические подробности жизни Дианы в клетке Кенсингтонского дворца.

Вопреки хронологическому порядку всплыла характерная деталь из давнего прошлого — и сразу померк радужный блеск красивой сказки о любви принца и принцессы. Под дружный стук ножей и вилок и звяканье стаканов мой собеседник поведал мне, как Диана собиралась разорвать помолвку накануне свадьбы. Это было за два дня до торжественной церемонии в соборе св. Павла. Поводом послужила привязанность принца Чарльза к Камилле Паркер-Боулз, супруге одного из придворных королевы. Когда-то, задолго до женитьбы, у Чарльза был роман с этой дамой, и, по мнению Дианы, странная дружба между Камиллой и ее будущим мужем представляла серьезную угрозу ее браку. Диана расстроилась до слез, обнаружив случайно, что принц Чарльз собирается послать Камилле весьма символический подарок: браслет, украшенный монограммой в виде инициалов их прозвищ — Фред и Глэдис. К тому времени Диане уже было известно, что так называли друг друга в узком кругу ее жених и его старая подруга. Ей рассказали об этом, когда Чарльз послал заболевшей Камилле букет цветов с запиской «Глэдис от Фреда».

В день свадьбы в ее сердце соседствовали радость и тревожное предчувствие. Медовый месяц не развеял тревоги: сначала Диана увидела выпавшие из дневника Чарльза фотографии соперницы, а несколькими днями позже ей бросились в глаза новые запонки на манжетах его рубашки: их украшала хорошо знакомая монограмма. Чарльз признался, что это подарок от женщины, которую он любил когда-то… С самого начала их брак дал трещину, и это предопределило дальнейший ход событий. Итогом нескольких лет совместной жизни стала взаимная неприязнь, которую обоим с трудом удается скрывать приличия ради.

Непривычный стиль жизни при дворе, новые трудные обязанности, семейные неурядицы — все это вкупе спровоцировало болезнь, которая в ряде случаев приводит к летальному исходу — нервную булимию. Диана чувствовала себя отверженной в этом новом мире, среди фальшивых улыбок и освященных традицией ритуалов. Безысходность толкала на крайности: она многократно покушалась на самоубийство, хотя, как правило, это было лишь жестом безумного отчаяния, а не проявлением твердой воли лишать себя жизни. Это был самый мрачный период ее жизни, и ей до сих пор тяжело вспоминать первые годы в королевском семействе.

Тем большее впечатление произвел на меня рассказ о том, как Диана сумела найти в себе силы, чтобы противостоять обстоятельствам, как искала путь к духовному и физическому обновлению, опираясь на друзей и наставников, как боролась за право быть самой собой. Она была уничтожена, раздавлена — и сумела вновь обрести себя. Эта удивительная метаморфоза стала ключевой темой моей книги.

Процесс духовного раскрепощения протекал медленно и до сих пор еще не завершен. Некоторые события в жизни Дианы в большей или меньшей степени стимулировали этот процесс: решительный разговор с Камиллой Паркер-Боулз на праздничном приеме; мужественное поведение Дианы в горах в Швейцарии, когда внезапно сошла лавина и ее муж чудом избежал гибели; встреча в Ноттингемской больнице с незнакомым рабочим, которому она помогла пережить смерть жены; наконец, твердое решение бороться с хроническим заболеванием — булимией. В 1991 году она в течение нескольких месяцев ухаживала за умирающим от СПИДа Адрианом Уорд-Джексоном, и, по ее собственному признанию, эти месяцы заставили ее в корне пересмотреть свои представления о жизни. Это был незабываемый урок, который обогатил ее духовно, помог лучше познать самое себя и свое предназначение в жизни. Любопытно, что внутренние изменения сказались и на ее внешности: именно в тот период Диана решила изменить прическу и выбрала более короткую стрижку в спортивном стиле. Эта прическа — своего рода символ внутренней независимости, освобождения от оков прошлого.

Мне было ясно, что произойдет, если опубликовать этот материал: книга перевернет стереотипные представления о личности принцессы, укоренившиеся в массовом сознании. Мой издатель Майкл О'Мара, американец из Пенсильвании потребовал документальных доказательств. «Если Диана была так несчастна, почему же она всегда улыбалась?» — недоумевал Майкл, опубликовавший в свое время больше фотографий, чем кто бы то ни было в мире. Как назло, в эти дни по телевидению как раз передавали сообщение о разоблачении очередной фальшивки: никому не известный мистификатор сумел одурачить английских и немецких журналистов, а также местных историков, подсунув доморощенную подделку рукописных дневников Адольфа Гитлера. О'Мара был настроен весьма скептически.

Пришлось организовать специальную встречу с моими информаторами и другими заинтересованными лицами. О'Мара внимательно прослушал выдержки из нескольких интервью, записанных на магнитофонную ленту, изучил некоторые

документы, долго рассматривал никогда до этого не публиковавшиеся фотографии. Магнитофон умолк, и повисло напряженное молчание. Глубоко затянувшись гаванской сигарой, О'Мара, наконец, изрек: «Каким образом, черт побери, мы все это докажем?»

Проблема достоверности материала стояла наиболее остро. Многие документы, поступившие в наше распоряжение, нельзя было обнародовать из соображений конфиденциальности. В конце концов решение было найдено: я продолжу собирать материал и фиксировать высказывания членов семьи, друзей и помощников принцессы Уэльской, с тем, чтобы каждый тезис будущей повести иллюстрировался конкретным свидетельством хорошо информированного лица. На осуществление этой задачи ушло десять месяцев. Сбылось предсказание астролога Феликса Лайла, сделанное во время беседы о судьбе героини погожим вечером в августе 1991 года, что я ступил на тернистый путь. Задача действительно была не из легких. Чтобы побеседовать с важными свидетелями, пришлось побывать в графстве Глостершир, где находится загородный дом принца и принцессы, в графствах Гемпшир и Дорсетшир, в Шотландии и даже слетать в Америку. К счастью, я мог обратиться за помощью к людям, которые ранее оказывали мне содействие в подготовке предыдущих книг, в частности «За фасадом Букингемского дворца» и «Герцогиня».

При этом нужно было соблюдать конспирацию. Придворные чиновники болезненно реагируют на любую утечку информации и стремятся держать под контролем все, что говорят и пишут о королевском семействе. В этом отношении Букингемский дворец ничем не отличается от любой другой крупной бюрократической структуры. Если писатель действует на свой страх и риск, а не по указке сверху, перед ним захлопываются все двери и прячутся источники информации.

Впрочем, вскоре я обнаружил, что мои дела не так уж плохи. Нашлось немало сторонников Дианы, которые считали, что пришла пора расставить все по своим местам. Они были твердо убеждены, что невозможно больше скрывать правду о горьком прошлом принцессы и о проблемах, которые стоят перед ней сегодня. Так что далеко не все мои письма с просьбой об интервью остались без ответа. Некоторые соглашались дать интервью без права публикации, однако большая часть материала была записана на пленку. Таким образом, основной костяк книги оброс дополнительными фактами и деталями, документально подтверждающими исходную посылку. Один из близких друзей Дианы объяснил, почему многие ее знакомые так охотно идут на сотрудничество: «Десять лет мы беспомощно наблюдали, как

чахнет Диана. Все чувствовали, что дальше так не может продолжаться. Однако время шло, а перемен не было. Она задыхалась в тисках придворного стиля жизни, и смотреть на это было невыносимо больно».

Всю эту секретную операцию пришлось осуществить в максимально сжатые сроки, поскольку вскоре после того, как я приступил к работе над книгой, выяснилось, что принцесса собирается порвать с королевским семейством еще до ее публикации, намеченной на сентябрь. По словам Джеймса Джилби, старого друга Дианы, с которым она познакомилась, когда ей было 17 лет, «Диана призналась, что, начиная с августа, у нее в дневнике не запланировано ни одного официального мероприятия, поскольку она рассчитывает к тому времени уйти из королевского дома». Я понимал, что все не так просто, и обстоятельства могут оказаться сильнее стремления к свободе, продиктовавшего это отчаянное заявление, однако на всякий случай решил форсировать издание книги. Она вышла уже в июне. У меня были все основания спешить, особенно если учесть, что в марте того же года неожиданно для всех «сбежала» из королевского дома герцогиня Йоркская.

По мере накопления материала все рельефнее проступал облик реальной Дианы, мало похожей на многократно тиражированный официальный имидж. Забудьте лицо, привычно улыбающееся с журнальных обложек, и вы увидите перед собой очень одинокую и несчастную молодую женщину, обреченную на брак без любви, которая так и осталась чужой в королевском доме и с годами все острее чувствует бессмысленность монархических устоев, во многом ставших анахронизмом. В связи с этим уместно привести слова мисс Тофоло, которая в свое время лечила герцога Виндзорского, а теперь проводит с Дианой сеансы акупунктуры и медитации: «Она настоящая узница монархической системы — вроде тех несчастных, что томятся в женской тюрьме Холлоуэй».

В личных покоях принцессы в Кенсингтонском дворце уютно мерцают серебряные рамки фотографий, нежно звенит старинный фарфор из ее коллекции, но среди милых ее сердцу вещей есть куда более прозаичные: бумагорезальная машинка для уничтожения частных писем и телефонный аппарат, оборудованный кодирующим устройством. Втайне от всех она даже велела «прощупать» каждый закоулок специальной электронной аппаратурой: нет ли «жучков» — миниатюрных подслушивающих устройств. «Жучков» не нашли, однако сомнения остались. Она не бросает в корзинку для бумаг даже самые безобидные записки. В этих стенах никому нельзя доверять.

Диана дорого заплатила за попытку найти счастье в браке с наследником престола. Теперь она мечтает только об одном: чтобы поскорее наступил тот день, когда она сможет провести уик-энд в Париже, не спрашивая ни у кого разрешения, или прогуляться вдоль пустынного пляжа одна, без телохранителя. Но об этом можно только мечтать, а наяву — жесткий регламент придворной жизни и давно остывший семейный очаг. Надеяться не на что, иллюзий больше нет. Лучшая подруга Дианы Кэролин Бартоломью, которая знает принцессу еще со школьной скамьи, говорит о ее судьбе так: «Она несчастна. Но я помню, какой она была счастливой и беззаботной когда-то, и всей душой надеюсь, что настанет время, когда Диана вновь обретет личное счастье, которого, несомненно, заслуживает».

Не проходит дня, чтобы Диана не обсуждала с кем-либо из друзей центральную дилемму своей жизни. Если она разведется с принцем Чарльзом, у нее отнимут детей и лишат возможности в полной мере реализовать свое призвание — помогать обездоленным, будь то больные СПИДом, бездомные бродяги или прокаженные. Если же она смирится с противоестественным семейным союзом, придется отречься от надежды на семейное счастье. На карту поставлено все ее будущее.

Диана не сломлена. Несмотря на холодное отчуждение, окружающее ее в придворном мире, она верит в свое предназначение. Дети, Уильям и Гарри, являются для нее неисчерпаемым источником энергии и надежды. Любовь к детям составляет, без сомнения, главный смысл ее жизни и дает силы противостоять ударам судьбы. Материнский инстинкт подсказывает ей, как воспитывать сыновей, чтобы уберечь их от ошибок, когда они вырастут. «Я хочу привить им здравый смысл, — говорит Диана, — чтобы они принимали жизнь такой, какая она есть. Если вы ожидаете от жизни слишком многого, вас неминуемо ждет разочарование. Когда я поняла это, мне стало гораздо проще жить. Я обнимаю и целую моих мальчишек, всегда сама укладываю их спать. Постоянная любовь и нежность нужны детям, как воздух. Это очень важно».

Диана знает, что принц Уильям когда-нибудь станет королем. В то же время у нее давно уже появилось предчувствие, что ей самой королевой не бывать. Обостренная интуиция и способность слышать зов судьбы во многом предопределили ее жизнь и подсказывают ей, что нужно идти своей дорогой, выполняя свою, особую миссию. Королевские регалии — не самоцель, поскольку ее истинное призвание в другом.

Ее дорога ведет к больным, умирающим, отчаявшимся. Источник внутренней духовной энергии, питавший Диану в самые

мрачные времена, теперь нашел выход в искреннем стремлении помочь тем, кто в этом нуждается. Это призвание. Брат Дианы, граф Спенсер, так и сказал мне: «В моем представлении Диана — воплощение христианского милосердия. Она обладает силой духа, которая свойственна лишь истинным христианам, и в отличие от многих знает, зачем живет. Меня поражает ее целеустремленность и твердая решимость использовать свое положение в обществе, чтобы творить добро. Я уверен, что она многого добьется на этом поприще».

По иронии судьбы эти качества проявились в полной мере именно благодаря тому, что Диана познала тяжелейшее разочарование в любви и семейной жизни. Ее деятельность не вписывается в рамки официальной благотворительности. По зову сердца она идет к тем, кто понес тяжелую утрату и нуждается в ее доброте и сочувствии; ухаживает за неизлечимо больными. Эта работа приносит ей истинное удовлетворение. «Я, как голодная, жду не дождусь, когда можно будет взяться на настоящее дело. Это то, что мне нужно», — говорит Диана.

Последние десять лет она много страдала, зато этот тяжкий опыт закалил ее характер и вооружил твердостью духа, необходимой, чтобы выдержать эмоциональные перегрузки, сопряженные с ее милосердной миссией. Когда Диана специально приехала в Рим, чтобы повидаться с матерью Терезой, та сказала ей: «Чтобы облегчать страдания других, нужно уметь страдать самой». Диана горячо согласилась с этими словами.

Диана борется за то, чтобы жить полноценной жизнью, и сама замечает, что ее усилия не бесплодны. Она говорит: «Я расправила плечи. Моя жизнь начинает меняться. И это только начало».

2. «Я должна была родиться мальчиком…»

Память об этом событии оставила неизгладимый отпечаток в ее душе. Родной дом в Норфолке… Маленькая Диана тихо сидит на холодной каменной ступеньке, прижимаясь к чугунным перилам. В суматохе о ней все забыли. Ей слышно, как отец заталкивает в багажник тяжелые чемоданы. Вот зашуршал гравий под торопливыми шагами Франсис, ее матери, резко захлопнулась дверца автомобиля. До сих пор в ушах звучит шум удаляющегося автомобиля, который уносит мать из усадьбы и из ее жизни. Диане было тогда шесть лет. Четверть столетия спустя воспоминания о прошлом прежней болью отдаются в душе. Она чувствует то же, что чувствовала тогда: горечь обманутого доверия, отверженность и одиночество. Разрыв между родителями был для нее тяжелым потрясением.

Кто знает, как все было на самом деле, но именно таким запечатлелся тот день в памяти Дианы. Воспоминания раннего детства смутны, обрывочны: следы слез на лице матери, мрачное молчание отца, чопорные бонны и гувернантки, тихие всхлипывания брата Чарльза, который никак не может заснуть в своей кроватке. Девочку перебрасывали, словно мячик, от отца к матери и обратно. Ей казалось, что она в чем-то виновата, что-то делает не так. А может быть, она сама — ошибка, досадное недоразумение? По ошибке она родилась девочкой вместо долгожданного мальчика… Так хотелось, чтобы ее обняли, приласкали, но взамен она получала каталог дорогого магазина игрушек. Нет, в детстве Диане не пришлось пережить нужду и лишения, однако недостаток любви и тепла она ощутила в полной мере. По словам астролога Дианы Феликса Лайла, «несмотря на привилегированную среду, в которой она появилась на свет, ее детские годы были нелегкими».

Высокородная леди Диана Спенсер родилась вечером 1 июля 1961 года. Она была третьей дочерью виконта Олторпского, которому было тогда 37 лет. Ее мать, виконтесса Олторпская, была двенадцатью годами моложе супруга. Новорожденная весила 7 фунтов 12 унций (3 кг 514, 8 г). По словам ее отца, это был «отменно здоровый и крепкий ребенок». Виконт вслух выражал восторг по поводу малышки, однако ему с трудом удавалось скрыть растерянность, даже разочарование. Еще бы: он с таким нетерпением ждал сына — наследника имени и титула графа Спенсера. Родилась девочка, а супруги, мечтавшие о сыне,

даже не позаботились заранее о том, чтобы выбрать для нее имя. Миновала неделя, прежде чем они остановились на имени Диана Франсис — в честь матери и одной из прабабушек по линии Спенсеров.

Нет ничего странного в том, что счастливый отец гордился новорожденной дочерью (Диана впоследствии станет его любимицей). И все же виконт Олторпекий слишком уж акцентировал внимание на физическом здоровье ребенка. Дело в том, что за полтора года до рождения Дианы, ее мать произвела на свет неполноценного ребенка, мальчика. Злополучный младенец умер, не прожив и десяти часов. Это было тяжелым ударом для обоих супругов, тем более что старшие родственники не оставляли их в покое: им не терпелось выяснить, способна ли виконтесса вообще произвести на свет ребенка мужского пола. Мать Дианы, которой было всего лишь 23 года, когда умер младенец Джон, была вынуждена согласиться на обследование в лучших клиниках Лондона. Молодой виконтессе, отличавшейся гордым и решительным нравом, нелегко было смириться с несправедливым и унизительным требованием. Кстати, в наши дни достоверно известно, что пол ребенка зависит от отца. Спустя много лет брат Дианы Чарльз говорит, что «это был кошмарный период в жизни родителей, и скорее всего именно в этом коренятся причины их развода — ведь, судя по всему, они так и не оправились от пережитого».

Конечно, Диана была слишком мала, чтобы понять суть происходящего. Но, интуитивно чувствуя причины разлада в семье, она приняла на себя бремя вины за постигшее родителей разочарование. Ей предстояло долгие годы жить с этим бременем в душе.

Спустя три года после рождения Дианы появился долгожданный наследник. Если Диану крестили в обычной церкви в Сандрингеме, а восприемниками были состоятельные, но не принадлежавшие к высшему обществу граждане, то младенец Чарльз был окрещен по высшему разряду: в Вестминстерском аббатстве, и его крестной матерью стала сама королева. Как ни стремительно таяли родовые богатства семьи Спенсеров, малышу предстояло стать наследником все еще внушительного состояния. Его предки разбогатели в пятнадцатом веке на разведении овец. Выдвинувшись в ряд богатейших семейств Европы, Спенсеры получили графский титул от короля Карла I, возвели Олторпский замок в Северном Хэмптоншире, приобрели фамильный герб и девиз: «Господь хранит праведных». Тогда же в родовом гнезде появилась богатая коллекция картин, античной скульптуры, других произведений искусства и книг.

В течение последующих трех столетий представители этого рода были вхожи в Кенсингтонский, Букингемский и Вестминстерский дворцы, они занимали высшие государственные и придворные посты. Среди Спенсеров были кавалеры ордена Подвязки, члены Тайного совета при короле, послы; один из них стал первым лордом адмиралтейства, а третий граф Спенсер едва не получил пост премьер-министра. Их связывали кровные узы с королем Карлом II, герцогами Мальборо, Девонширским и Аберкорнским; волею исторических судеб представители этого рода породнились с семью американскими президентами, включая Франклина Рузвельта; с актером Хэмфри Богартом и, по слухам, даже с гангстером Аль Капоне.

Из поколения в поколение Спенсеры передавали идеалы безупречного служения государству и монарху, принцип noblesse oblige — положение обязывает. Представители и представительницы этого рода достойно выполняли обязанности гофмейстеров, конюших, фрейлин, получали другие придворные должности. Бабушка Дианы по линии отца, графиня Спенсер была камер-фрау при королеве Елизавете, матери правящей королевы, а ее бабушка по материнской линии, леди Рут Фермой вот уже скоро тридцать лет является одной из камер-фрейлин королевы. Покойный граф Спенсер служил конюшим при короле Георге VI и затем при королеве Елизавете II.

Родственники Дианы со стороны матери, леди Фермой, ведут свое происхождение из Ирландии. Именно им принадлежала усадьба Парк-Хауз в Норфолке, где Диана провела детские годы. Усадьба была пожалована ее деду Морису Фермою в ознаменование его дружбы со вторым сыном короля герцогом Йоркским (впоследствии Георгом VI). В свое время Парк-Хауз построили, чтобы разгрузить королевскую резиденцию в соседнем Сандрингеме, ставшую тесноватой для многочисленных гостей и обслуживающего персонала.

Семья Фермоев также оставила свой след в истории. Морис Фермой, четвертый барон, стал членом парламента от консерваторов, а его супруга, родом из Шотландии (ради замужества ей пришлось оставить карьеру подававшей большие надежды пианистки), основала музыкальный фестиваль в Кингз-Линне, в котором принимали участие такие именитые музыканты, как сэр Джон Барбиролли и Иегуди Менухин.

Нельзя сказать, чтобы длинный перечень благородных предков доставлял юной Диане Спенсер тщеславное удовольствие. Напротив, девочкой она не без страха ожидала очередного посещения родового Олторпского поместья. Ее отпугивал старинный дом с таинственными закоулками и

сумрачными галереями, где на стенах висели портреты бородатых предков — их глаза, казалось, неотступно следят за каждым ее шагом. Вот как вспоминает об этом ее брат: «Дом напоминал жилище старого джентльмена, доживающего свой век среди мирно тикающих старинных часов. Это было кошмарное место для впечатлительного ребенка. Поездки туда были для нас сущим наказанием».

Царившая в доме зловещая атмосфера усугублялась взаимной неприязнью между суровым дедушкой Дианы, Джеком, седьмым графом Спенсером и его сыном Джонни, виконтом Олторпским. В течение многих лет отец и сын находились в, мягко говоря, натянутых отношениях. Резкие до грубости манеры старого графа сочетались с фанатичной преданностью родному гнезду, за что он получил прозвище «хранителя древностей»: действительно, граф досконально знал историю каждого предмета, каждой картины в своем величественном замке. Он до такой степени дорожил своими реликвиями, что нередко, показывая дом посетителям, бережно смахивал пыль специальным веничком и однажды вырвал сигару изо рта самого Уинстона Черчилля, когда тот неосторожно закурил в библиотеке. Под маской несносного брюзги скрывался человек большой культуры и тонкого вкуса, чье жизненное кредо резко отличалось от пристрастий его сына, типичного английского помещика, любившего сельское хозяйство, охоту и другие развлечения на лоне природы.

Если дедушка внушал Диане благоговейное уважение, то свою бабушку, графиню Спенсер она обожала. «Бабушка была такая замечательная, милая и ни на кого не похожая. Просто чудо!» — вспоминает Диана. Графиня регулярно оказывала помощь больным и престарелым, и молва о ее доброте и великодушии распространилась далеко за пределы Олторпской усадьбы. От матери Диана унаследовала деятельный и твердый характер, а бабушка по отцовской линии передала ей свою доброту и чуткость.

По сравнению с мрачноватым великолепием Олторпской усадьбы, родной дом Дианы, Парк-Хауз, казался скромным и уютным. В доме было десять спален, не считая коттеджей для прислуги, обширных гаражей, открытого плавательного бассейна, теннисного корта и площадки для игры в крикет. Хозяева усадьбы содержали шесть человек прислуги, включая повара, дворецкого и гувернантку.

Со стороны дом, окруженный деревьями и кустарником, производит внушительное впечатление, однако посеревшая от времени кирпичная кладка придает зданию несколько унылый и запущенный вид. Несмотря на это, дети были очень привязаны к

дому. Когда умер дедушка, седьмой граф Спенсер, и семья собралась переезжать в Олторп, Чарльз обежал все комнаты, чтобы попрощаться с ними, а Диана и теперь наведывается в дом, где прошло ее детство, хотя здание давно передано в ведение Чеширского дома инвалидов.

Парк-Хауз обладал своей собственной, неповторимой атмосферой. На первом этаже помещалась кухня с каменным полом и прачечная — здесь хозяйничал рыжий кот Дианы по кличке Мармелад, известный своими проказами. Здесь же находилась классная комната, где гувернантка мисс Гертруда Аллен (дети прозвали ее Алли) обучала девочек азам чтения и письма. Соседняя комната напоминала домашний музей — стены в ней были сплошь увешаны афишами, фотографиями и другими реликвиями, связанными с группой Битлз — домочадцы так и называли это помещение «комната Битлз». Это была своеобразная дань поп-звездам шестидесятых годов. В интерьере остальных помещений этого просторного жилища трудно было найти какие-либо новшества послевоенной эпохи. Парк-Хауз являл собой классический образец жилища английской аристократии с его непременными атрибутами: парадными семейными портретами, полковыми фотографиями, дипломами в рамочке, грамотами и вымпелами, украшавшими стены в память о заслугах и достижениях членов семьи.

Детская была расположена на втором этаже. Из окон уютной комнаты, выдержанной в теплых кремовых тонах, Диане открывался идиллический пейзаж: зеленые луга, на которых мирно пасутся стада овец и коров, живописно разбросанные рощицы, где среди вечнозеленых сосен и тисов нежно серебрятся белоствольные березки. На лужайке около дома то и дело появлялись лисы, кролики и прочие лесные обитатели. В открытую фрамугу врывался свежий морской бриз, напоминая, что усадьба находится в каких-нибудь шести милях от побережья.

Райский уголок, что и говорить! Для детей здесь было полное раздолье. Они бегали кормить форель в Сандрингемском озере, съезжали вниз по перилам, резвились с Джиллом, спрингер-спаниелем, играли в прятки в саду среди немолкнущего шороха листвы и птичьего щебета, искали голубиные яйца. Летом можно было плавать в бассейне с подогретой водой, ловить лягушек и головастиков. У детей был их собственный домик на побережье, где устраивались веселые пикники, и тайное убежище в дуплистом дереве. На столе у Спенсеров не было особых разносолов, однако из кухни постоянно доносился соблазнительный аромат пирожков и булочек.

По примеру старших сестер Диана начала ездить верхом с

трехлетнего возраста. У нее рано проявилась любовь к животным, особенно к мелким зверушкам, и помимо кота Мармелада (Чарльз и Джейн его терпеть не могли) она держала хомяков, морских свинок, кроликов и «прочую живность в маленьких клеточках», как вспоминает ее мать. Если случалось, что кто-либо из ее питомцев умирал, Диана устраивала ему пышные похороны: укладывала в картонную коробку из-под обуви, выкапывала ямку под сенью высокого кедра на лужайке перед домом и собственноручно предавала земле прах покойного. Над могилкой неизменно устанавливался самодельный крест.

Настоящее кладбище наводило на грустные размышления. Чарльз и Диана часто навещали покойного брата Джона, умершего во младенчестве и похороненного на церковном кладбище в Сандрингеме. Стоя над покрытой дерном могилой, брат с сестрой строили предположения: каким был бы старший брат, останься он в живых? И вообще, был ли у них шанс появиться на свет в этом случае? По мнению Чарльза, Диана должна была стать последним ребенком в семье. Сама же принцесса считает, что после рождения наследника родители вряд ли пожелали бы иметь еще детей. Разгадку унес с собой в могилу младенец Джон. Надгробный камень с его именем запечатлелся в детской головке Дианы как вечное напоминание о том, что она «должна была родиться мальчиком», — так сама Диана формулирует свои детские переживания.

Когда описываешь игры и забавы детей в семействе Спенсеров, невольно вспоминаешь страницы детских книжек 30-х годов. Диана воспитывалась по старинке, согласно представлениям минувшей эпохи. Во младенчестве к ней была приставлена няня по имени Джудит Парнел, уроженка Кента, которая вывозила маленькую Диану на прогулку в парк в изрядно потрепанной коляске. Кстати, самое раннее воспоминание Дианы относится именно к этой коляске: она помнит «запах нагревшегося пластика», исходивший от поднятого верха. Подрастая, девочка явно ощущала недостаток общения с матерью, да и отца видела не часто. Когда Диана появилась на свет, сестры Сара и Джейн, старше ее на шесть лет и четыре года соответственно, уже занимались по утрам в классной комнате на первом этаже, а к тому моменту, когда подросшая Диана могла бы присоединиться к ним, они уже укладывали чемоданы перед отправкой в школу-пансион.

Пока дети были совсем маленькие, они обедали отдельно от родителей, вместе с няней. Рацион был самый простой: каша на завтрак, котлетка с овощами на обед, а по пятницам — рыбные блюда. Разумеется, дети во всем ощущали родительскую заботу и

внимание, однако им явно не хватало непосредственного общения с родителями. Чарльзу было разрешено обедать за одним столом с отцом в столовой на первом этаже лишь после того, как ему исполнилось семь лет. Воспитание детей в семье Спенсеров подчинялось строгим правилам, которые родители вынесли из собственного детства. Чарльз вспоминает: «Мы получили воспитание, доступное лишь избранным, согласно традициям минувшей эпохи. Главный принцип — соблюдать дистанцию между родителями и детьми. Теперь вряд ли найдешь семью, где дети воспитываются подобным образом. Фигура матери практически отсутствовала».

Воспитание для избранных? Да, но без всякого снобизма! С самого раннего возраста детям в семье Спенсеров прививались хорошие манеры, порядочность и умение ценить в людях их внутреннее содержание, а не положение в обществе. Вот что пишет по этому поводу брат Дианы Чарльз: «Мы понятия не имели о том, что такое титул. Я никогда не задумывался о своем титуле до того, как поступил в приготовительную школу и стал получать письма с адресом «Почтенному Чарльзу». Только тогда я заинтересовался этими вещами. А вообще, нам и в голову не приходило, что мы принадлежим к привилегированному сословию. Детьми мы воспринимали все, что нас окружало, как норму».

Королевская семья, чьи владения примыкали к поместью Спенсеров, естественным образом вписывались в круг их друзей и знакомых, куда входили дети управляющего королевским имением Чарльз и Александра Лойд, дочка местного викария Пенелопа Эштон, а также Уильям и Аннабел Фокс (Диана была крестницей их матери). Встречи с представителями королевской семьи случались не часто, тем более что они проводили лишь небольшую часть года в своем поместье, простирающемся на 20 000 акрах (8000 га) земельных угодий. О том, сколь необычным было для Спенсеров принимать в Парк-Хаузе своих венценосных соседей, говорит следующий факт. Однажды принцесса Анна неожиданно сообщила, что заглянет к Спенсерам после окончания службы в церкви. Это вызвало настоящий переполох в Олторпской усадьбе. Дело в том, что отец Дианы не пил вина, и слуги перевернули вверх дном весь дом в поисках напитка, который прилично подать столь знатной гостье. В конце концов отыскали завалявшуюся в буфете бутылку дешевого шерри-бренди, которую кто-то выиграл в качестве приза на благотворительном базаре.

Случалось, в Парк-Хауз наведывался виконт Линли, сын принцессы Маргарет, или принцы Эндрю и Эдуард заезжали

поиграть с детьми Спенсеров, однако взаимопосещения отнюдь не были регулярными. Более того, сообщение о предстоящем визите в зимнюю резиденцию королевы вызывало у детей Спенсеров трепет. Чарльз как-то насмотрелся мультиков Уолта Диснея в домашнем кинотеатре в Сандрингеме, после чего ему стал являться в ночных кошмарах один из персонажей, злой разбойник. Что касается Дианы, то ее отпугивала сама «необычная» атмосфера Сандрингемского дворца. Однажды она отказалась туда ехать. Она визжала и отбивалась изо всех сил, пока отец не объяснил ей, что ее будут считать дурно воспитанной девочкой, если она не поедет вместе со всеми детьми. Если бы она только знала тогда, что в один прекрасный день сама войдет в королевскую семью!

Впрочем, стоит ли говорить о детских страхах перед великолепием королевского дворца: жизнь в родном доме превратилась в настоящий кошмар, когда привычный мирок Дианы разлетелся вдребезги. Осенью 1967 года Сара и Джейн уехали в школу-пансион в Кенте. Их отъезд совпал с окончательным крушением брака родителей после 14 лет совместной жизни.

В то памятное лето они приняли решение некоторое время пожить врозь, что было воспринято, по свидетельству Чарльза, как гром среди ясного неба. Новость повергла в ужас оба клана: местная аристократия была шокирована. Конечно, ни для кого не было секретом, что их семейная жизнь протекала не гладко, и все же столь решительный шаг стал событием из ряда вон выходящим. Еще свежи были в памяти заголовки газет, объявлявших их бракосочетание в 1954 году «событием года в великосветских кругах». Церемония была освящена присутствием правящей королевы и королевы-матери. Джонни Спенсер считался одним из лучших женихов графства. Он был наследником состояния Спенсеров, блестящим капитаном Королевской шотландской гвардии, отличившимся во время второй мировой войны. Незадолго до женитьбы он в качестве королевского конюшего принял участие в исторической поездке королевы и принца Филиппа в Австралию.

Можно не сомневаться, что ореол известности, окружавший этого молодого человека, льстил самолюбию юной Франсис. Джонни был двенадцатью годами старше, а ей было тогда всего 18 лет, и она впервые выезжала в свет. Элегантная внешность, яркий темперамент юной дебютантки, к тому же прекрасной спортсменки, привлекли внимание многих молодых людей, в том числе майора Рональда Ферпосона (много лет спустя его дочь Сара станет герцогиней Йоркской). Из всех поклонников она

выбрала именно Джонни Спенсера, и после короткой помолвки они обвенчались в Вестминстерском аббатстве в июне 1954 года.

По всей видимости, молодожены всерьез восприняли слова епископа Норвичского: «Вам предстоит внести свой вклад в процветание английской семьи, которое является залогом процветания всего государства», поскольку ровно через девять месяцев родилась первая дочка Сара. Молодые поселились в деревне. В Олторпской усадьбе им было неуютно, и они вскоре переехали в Парк-Хауз. Джонни поступил в Королевский сельскохозяйственный колледж. В течение последующих нескольких лет была построена большая ферма (650 акров). Значительную часть расходов на постройку покрыли из приданого Франсис (20 000 фунтов стерлингов).

Супруги недолго наслаждались семейной идиллией. Радости Гименея все чаще омрачались размолвками. Франсис постоянно ощущала, что от нее ждут сына-наследника, и это не могло не раздражать. Кроме того, она все больше тяготилась монотонностью деревенского образа жизни, который в юности казался вполне привлекательным. Что касается покойного графа Спенсера, то вот его слова: «Какой период нашего брака можно считать счастливым? Все четырнадцать лет совместной жизни — так мне казалось до того, как мы расстались. Я ошибался: это был не разрыв, а постепенное отдаление друг от друга».

Фасад семейного благополучия все еще казался незыблемым, но по мере того как углублялись невидимые постороннему глазу трещины, атмосфера в Парк-Хаузе становилась все более тягостной. На людях супруги вели себя безупречно, но дома… Можно только догадываться, сколько горьких слов было сказано другу другу во время жарких стычек, сменявшихся ледяным молчанием. Увы, детей это ранило больше всего. Диана ясно помнит яростную ссору между родителями, которую она нечаянно подслушала, стоя за дверьми столовой.

В качестве катализатора назревавшего взрыва послужило появление в их жизни Питера Шанд-Кида. Этот богатый бизнесмен, хорошо образованный и общительный, незадолго перед тем продал овцеводческую ферму в Австралии и переехал в Великобританию. Чета Спенсеров познакомилась с Питером и его женой, Дженет Манро-Кер, на одном из светских приемов в Лондоне. Питер был одиннадцатью годами старше леди Франсис. Он производил впечатление жизнерадостного весельчака с несомненной артистической жилкой — полная противоположность ее мужа. Когда минует первоначальное ослепление, Франсис обнаружит, что он подвержен приступам хандры, черной меланхолии. Но это будет потом.

Их роман начался с поездки в Швейцарию, куда обе супружеские пары отправились кататься на горных лыжах. По возвращении в Лондон Питер оставил семью: жену и троих детей. Некоторое время они тайно встречались с Франсис на квартире в Южном Кенсингтоне в центре Лондона.

Получив от мужа согласие на раздельное проживание, мать Дианы переехала из Парк-Хауза на квартиру в одном из самых аристократических районов Белгравиа. Именно тогда возникла легенда о «побеге» из дома: якобы Франсис бросила мужа и четверых детей ради любви к другому мужчине. Молва возлагала на нее целиком всю вину за разыгравшуюся драму, а Джонни выступал в роли оскорбленного покинутого мужа. На самом деле еще до переезда леди Франсис подготовила все, чтобы дети могли жить с ней: Диану записала в частную школу, а Чарльза — в ближайший детский сад.

Спустя несколько недель после переезда Диана и Чарльз вместе со своей няней присоединились к матери. Франсис хотелось надеяться, что они не слишком пострадают от крушения ее брака, тем более что старшие девочки жили не дома, а в частном пансионе. Родители договорились, что дети будут приезжать на уик-энд в Парк-Хауз. В то же время, посещая Лондон, Джонни останавливался на квартире в Белгравиа. Однако встречи не приносили супругам радости. Как ни мал был тогда Чарльз, ему запала в память одна из таких встреч: мать, рыдая, сидит на краю постели, а отец смотрит в сторону маленького Чарльза, который играет на полу игрушечным паровозиком. Его деланная улыбка — жалкая попытка убедить ребенка, что все в порядке. Во время школьных каникул вся семья воссоединилась в Парк-Хаузе. Рождество встречали там же. Однако, по признанию матери Дианы, она понимала, что последний раз проводит Рождественские каникулы в Парк-Хаузе, так как «было очевидно, что сохранить семью не удастся».

Это печальное Рождество прошло без традиционных пожеланий счастья и успехов в наступающем году. Вопреки отчаянным возражениям жены виконт Олторпский не отпустил детей обратно в Лондон. Он настоял на том, чтобы они постоянно жили в Парк-Хаузе. Что касается их образования, то он выбрал Силфилдскую школу в Кинз-Линне.

Итак, юридический механизм бракоразводного процесса был запущен, и дети стали заложниками в ожесточенной схватке между бывшими супругами. Франсис возбудила дело об опеке над своими детьми. Обычно подобные дела решаются в пользу матери, однако в данном случае высокое положение в обществе и титул давали отцу серьезные преимущества.

Дело слушалось в суде в июне 1968 года. К несчастью для леди Олторп за два месяца до этого ее имя фигурировало на бракоразводном процессе миссис и мистера Шанд-Кидов. Но самым болезненным ударом было то, что ее собственная мать, леди Рут Фермой, стала на сторону противника. Франсис так никогда и не смогла простить этого неслыханного предательства. Процесс затянулся до апреля 1969 года, а месяц спустя, 2 мая состоялась скромная церемония регистрации брака между Франсис и Питером Шанд-Кидом, после чего они поселились в недавно приобретенном доме на западном побережье Суссекса, где Питер мог заниматься любимым парусным спортом.

Изнурительная юридическая война не пощадила ни ту, ни другую сторону. Но самое печальное, что страдали дети. Как ни старались родители и родственники смягчить удар, все же травма была очень ощутимой. Задним числом друзья семьи и биографы не раз предпринимали попытки затушевать неприятную истину. В частности, утверждалось, что развод практически не задел Сару и Джейн, поскольку они находились вдали от дома, в школе-пансионе; что четырехлетний Чарльз был слишком мал и не понимал истинного смысла происходящего; что Диана, которой было тогда семь лет, «легко адаптировалась к изменившимся обстоятельствам» и чуть ли не радовалась «свежим впечатлениям».

На деле последствия были куда серьезнее, чем могло показаться на первый взгляд. Недаром у Сары и Дианы примерно в один и тот же период времени появились нарушения пищеварения: у первой наблюдалась потеря аппетита на нервной почве, а вторая страдала булимией — повышенным чувством голода. Подобные заболевания объясняются сложным комплексом причин, начиная с зависимости между процессом пищеварения и состоянием нервной системы и кончая нарушением глубинной связи между матерью и дочерью. Диана вспоминает: «Родители были заняты сведением счетов. Я не раз заставала мать плачущей, а папа даже не пытался объяснить нам, в чем дело. Мы не смели задавать вопросы. Одна няня сменяла другую. Все казалось таким зыбким».

На случайных посетителей Диана производила впечатление вполне жизнерадостного ребенка. Она никогда не скучала без дела: по вечерам обходила дом, проверяя, все ли шторы задернуты; заботливо укладывала на ночь плюшевых мишек, собачек, зайцев — ее любимые игрушки окружают ее и по сей день. Девочку часто можно было увидеть на аллеях парка: она каталась на голубом трехколесном велосипеде или вывозила на прогулку кукол в детской коляске (к каждому дню рождения

маленькая Диана неизменно просила новую коляску). Она охотно помогала переодевать младшего братишку — уже тогда проявлялось теплое, материнское начало, которое станет основной чертой ее характера в будущем. Во время семейного кризиса дети чаще общались с родственниками. Графиня Спенсер приезжала погостить в Парк-Хауз, а вот леди Фермой предпочитала принимать детей в своем элегантном доме, который называли «уголком Белгравиа в Норфолке». Она делилась с детьми секретами бриджа и увлекательной китайской игры маджонг. Это отвлекало Диану, но не избавляло от тягостного недоумения, поселившегося в душе.

Хуже всего приходилось по ночам. В детстве и Диана, и Чарльз боялись темноты. Они всегда просили, чтобы на ночь в спальне оставили ночник или, по крайней мере, не гасили свет на лестничной площадке, куда выходили двери комнат. Нужно сказать, что и взрослому было не очень-то уютно ночевать в Парк-Хаузе, во всяком случае, с непривычки: за окном тревожно шумит ветер в кронах деревьев, зловеще ухают совы или еще какие-то ночные птицы… Как-то вечером отец случайно обмолвился, что по соседству бродит беглый убийца — и дети не спали всю ночь, прислушиваясь к каждому шороху, потрескиванию и поскрипыванию в затихшем доме. Диана намазала светящейся краской глаза игрушечному бегемоту, так что в темноте казалось, что он бдительно охраняет покой своей хозяйки.

Лежа по ночам в кроватке, в окружении своих плюшевых любимцев, Диана слышала всхлипывания маленького Чарльза. Иногда она вставала и подходила к нему, но чаще страх перед темнотой оказывался сильнее материнского инстинкта, и она тихо лежала в своей кроватке, прислушиваясь к жалобным причитаниям: «Где моя мама? Хочу к маме…» В конце концов, она сама начинала плакать, зарывшись головой в подушку. «Это было невыносимо, — вспоминает Диана, — мне не хватало смелости встать с постели. Я помню все так ясно, как будто это было вчера».

Няни менялись так часто, что это само по себе могло вызвать тревогу. Среди них попадались разные: и милые, и настоящие фурии. Одну из нянь мать Дианы поймала на месте преступления, когда она собиралась подсыпать слабительного в тарелку с кашей для детей — в наказание за какую-то провинность. Дети часто жаловались на боли в желудке, и теперь выяснилось, что было тому причиной.

Другая няня била Диану деревянной ложкой по голове, если та капризничала, или же сталкивала лбами Диану и Чарльза в виде наказания. Чарльз однажды проломил ногой дырку в дверях,

когда его несправедливо заперли в детской. «Детям свойственно прирожденное чувство справедливости, так что, если нас наказывали несправедливо, мы бунтовали», — вспоминает Чарльз. Конечно, не все няни издевались над детьми: Салли Персивал, к примеру, была с ними добра и терпелива. Она впоследствии вышла замуж и живет сейчас в Нортхэмптоне, куда ее прежние воспитанники до сих пор посылают ей поздравления к Рождеству.

Даже если няня добросовестно относилась к своим обязанностям, перед ней стояла отнюдь не легкая задача: дети были сбиты с толку, чувствовали себя несчастными, им казалось, что няня хочет занять место отсутствующей матери. Чем ласковее была няня, тем больше она вызывала подозрений. Дети выбрасывали в форточку ее одежду, подкладывали кнопки на стул, запирали в ванной комнате. Именно детские впечатления заставили Чарльза отказаться от услуг наемной няни, когда у него самого появились дети.

Отец иногда навещал их в детской. Однако, по свидетельству одной из бонн, Мэри Кларк, «ему было не до детей. Он обращался с ними несколько холодно». Джонни с головой погрузился в дела: хозяйничал на ферме, участвовал в заседаниях Совета графства Нортхэмптоншир, выполнял другие общественные обязанности. «После развода он выглядел таким жалким, подавленным. Все время сидел у себя в кабинете. Редко, очень редко выходил поиграть со мной в крикет. Для меня это был настоящий праздник!» — свидетельствует Чарльз.

Школа не снимала напряжения: там были свои проблемы. Чарльз и Диана были «не такие», как все, и вполне отдавали себе в этом отчет. Кроме них, в Силфилдской школе не было детей разведенных родителей. Это подчеркивает и бывшая классная наставница Делисса Нидгем: «Диана была единственной девочкой, чьи родители развелись. Тогда это не часто случалось».

Впрочем, обстановка в школе была вполне доброжелательной и семейной. Директриса Джин Лоу (она выступала свидетельницей со стороны лорда Олторпского на его бракоразводном процессе) старалась поддерживать дух дружелюбия и доверительности. В классах было совсем немного учеников, и учителя не скупились на поощрение — например, в виде золотых звездочек за успехи в чтении, письме и рисовании. К школьному зданию прилегал сад, спортивная площадка, оборудованная ямой для прыжков и сеткой для нетбола, теннисный корт и площадка для английской лапты. Диана не сразу втянулась в веселую суету школьных будней — поначалу она немного дичилась и вела себя скованно, хотя в одном классе

с ней оказалась ее давняя подруга, Александра Лойд.

Диана хорошо писала и научилась бегло читать, однако блестящими успехами в учебе похвастаться не могла. Вспоминая школьные годы Дианы, мисс Лоу указывает на ее внимательность к младшим, любовь к животным, вообще, подчеркивает ее доброту и дружелюбие, но отнюдь не способности к тем или иным предметам. Правда, она неплохо рисовала, причем все рисунки неизменно посвящались «маме и папе». Однажды она переполошила весь класс, разрыдавшись над очередным рисунком без всякой видимой причины.

В неравной борьбе с таблицей умножения и прочей школьной премудростью Диана все больше завидовала успехам младшего брата, который был весьма прилежным учеником, хотя и немного «букой», по отзывам однокашников. «Мне так хотелось не отставать от него», — признается Диана. Как это часто бывает между братьями и сестрами в раннем детстве, дело доходило и до потасовок, в которых преимущество было на стороне Дианы, более рослой и сильной. Чарльз жаловался, что она больно щиплется. Вскоре он сообразил, что ранить можно и словом, и стал безжалостно дразнить сестру. Несмотря на неоднократные замечания родителей, Чарльз часто называл сестру Брайан — по имени неповоротливой и глуповатой змеи, персонажа детской телевизионной передачи «Волшебная карусель».

Жена местного викария однажды сделала выговор Диане — к немалой радости ее брата. Вот как он вспоминает об этом: «Диана не то чтобы любила говорить неправду, но явно ощущала потребность приукрасить реальность. Возможно, психологи объяснят это защитной реакцией на развод. Так или иначе, однажды по дороге из школы жена викария остановила машину и сказала: «Диана Спенсер, ты говоришь неправду, и если это еще раз повторится, тебе придется идти домой пешком». Она так и сказала, причем очень громко, так что я торжествовал».

Соперничество между братом и сестрой — вполне естественное явление в определенном возрасте, но вряд ли можно назвать естественным соперничество между родителями. Между тем Франсис и Джонни устроили своего рода состязание: каждый старался доказать, что больше заслуживает любовь детей, нежели другой. Увы, их родительские чувства воплощались в дорогих подарках, а дети жаждали внимания, тепла и ласки. Так, отец Дианы, имевший большой опыт по части организации зрелищных мероприятий (никто лучше его во всем графстве не сумел бы устроить грандиозный фейерверк в Ночь Гая Фокса — праздника по случаю раскрытия заговора против короля Якова I в 1605 году), устроил сногсшибательное празднество в день рождения

Дианы, когда той исполнилось семь лет. Он взял напрокат из зоопарка верблюда по кличке Берт, и дети в полном восторге катались на нем весь вечер.

Перед Рождеством родители старались перещеголять друг друга в щедрости. Чарльзу и Диане вручался каталог знаменитого игрушечного магазина Хэмлиз, что на Риджент-Стрит: им предстояло выбрать подарки, которые должен принести Дед Мороз. Наступало Рождество, и, как по мановению волшебной палочки, их мечты обретали реальность, а оставленные около кроваток чулки едва не лопались от всякой всячины. «Чересчур большое внимание материальным вещам», — замечает по этому поводу Чарльз. Один из подарков поставил Диану перед мучительным выбором. Это было, пожалуй, самое суровое испытание ее детства. В 1969 году Диана была приглашена на бракосочетание ее кузины Элизабет Уэйк-Уокер и Энтони Дакуорт-Чэда. По этому случаю отец купил ей прелестное голубое платье, а мать — не менее прелестное зеленое. «Я уже не помню теперь, в каком именно платье я была на церемонии, но хорошо помню, как больно было выбирать: ведь это означало оказать предпочтение одному из родителей», — говорит Диана.

К концу недели обстановка накалялась. Каждую субботу Чарльз и Диана в сопровождении бонны садились в поезд Норфолк — Лондон. На вокзале Ливерпуль-Стрит их встречала мать, и они ехали в Белгравиа. Там каждую неделю разыгрывалась одна и та же сцена: мать заливалась слезами и на вопрос детей «Почему ты плачешь, мамочка?» неизменно отвечала: «Я не хочу, чтобы вы завтра уезжали отсюда!» Дети не знали, как реагировать, и невольно чувствовали себя виноватыми. Так же напряженно проходили праздничные дни, которые приходилось делить между родителями.

В 1969 году в жизнь детей на правах законного супруга матери вошел Питер Шанд-Кид, и это несколько разрядило атмосферу. Они познакомились с отчимом на вокзале Ливерпуль-Стрит во время очередного субботнего визита к матери. Красивый, элегантный мужчина с обаятельной улыбкой — он сразу же расположил к себе детей, тем более что мать сообщила им, что накануне утром они поженились.

Питер был богат (свое состояние он приумножил, занимаясь фамильным бизнесом — производством обоев), щедр и прост в общении — лучшего отчима не пожелаешь. После свадьбы супруги некоторое время жили в Букингемшире, а затем перебрались в скромный загородный дом, носивший название Эплшор, на берегу моря в западном Суссексе. Когда дети приезжали к матери в Эплшор, Питер часто брал их с собой

кататься на яхте. Именно тогда Чарльз получил прозвище Адмирал: он любил щеголять в морской фуражке Питера, который в свое время служил в ВМС Великобритании. Диану Питер прозвал Герцогиней — близкие друзья зовут ее так и по сей день. Интересно высказывание Чарльза: «Почему Диана не выросла «кисейной барышней»? Да потому, что в доме нашей матери не было чопорного дворецкого и прочих аристократических излишеств. Там все было, как у всех, как у нормальных людей. Мы регулярно проводили половину каникул в доме матери и таким образом значительную часть времени жили в более простой и естественной обстановке, нежели обычно».

В 1972 году Шанд-Киды приобрели имение в 1000 акров на острове Сейле в Аргайллшире — миссис Шанд-Кид живет там и теперь. Приезжая к матери на каникулы, дети целыми днями удили рыбу, охотились за омарами, ходили под парусами, словно заправские моряки. В хорошую погоду жарили на костре мясо прямо на берегу. У Дианы там был даже свой собственный шотландский пони по кличке Суфле.

Любовь к верховой езде стоила ей травмы руки, и с тех пор Диана неохотно садилась на лошадь. Это случилось так: она каталась на своем пони Ромилли в Сандрингемском парке и вылетела из седла, когда лошадь резко остановилась. Несмотря на сильную боль, не было никаких признаков перелома, и спустя два дня Диана уехала в Швейцарию кататься на горных лыжах. Боли в руке продолжали ее беспокоить, так что пришлось сделать рентген в местной клинике. Рентгеновский снимок показал, что гибкая детская кость не сломалась, а погнулась — это часто случается с детьми. Врач наложил гипс, и все обошлось без осложнений, однако, когда Диана после этого происшествия попыталась опять прокатиться верхом, ей пришлось отказаться от этой затеи: не выдержали нервы. Став взрослой, Диана иногда ездит верхом, но все же предпочитает поддерживать форму, занимаясь другими видами спорта: плаванием или теннисом, тем более что теперь живет в центре Лондона, где нет таких условий для конного спорта как в сельской местности.

Диана с детства хорошо плавала и любила танцевать. Эти навыки пришлись весьма кстати когда отец перевел ее в другую школу — Ридлсворт-Холл, которая находилась довольно далеко от Парк-Хауза (в двух часах езды на автомобиле). Со временем она полюбила эту школу, где все делалось для того, что бы 120 воспитанниц чувствовали себя как дома. Но пришло потом, а по началу она восприняла эту новость в штыки. Ей было девять лет, и она не могла понять, за что такое наказание. Повинуясь неосознанному материнскому инстинкту, Диана, как могла,

заботилась об отце, стараясь помочь ему залечить глубокую душевную рану. И вот ее любовь и заботы отвергнуты: отец отсылает Диану с Чарльзом далеко от родительского дома, в чужой, не знакомый мир. Девочка упрекала отца: «Если бы ты меня любил, не отправил бы туда!» — а тот в который раз терпеливо объяснял, что лучшей школы не найти: и балет, и плавание, и даже имеется зооуголок, где будет жить ее любимая морская свинка по кличке Орешек. Этот самый Орешек в свое время занял первое место среди морских свинок на выставке в Сандрингеме, а в новой школе ему предстоит завоевать специальный приз на конкурсе домашних животных.

Чтобы смягчить боль разлуки отец втолковывал Диане, что в Ридлсворт-Холле с ней будут учиться старые подруги: Александра Ллойд, двоюродная сестра Диана Уэйк-Уокер и дочка ее крестной матери Клэр Прат. Отец в последний раз оглянулся на сиротливую фигурку рядом с большим чемоданом, на котором красовалась наклейка с надписью «Д. Спенсер». Девочка испуганно прижимала к груди плюшевого зеленого бегемота (воспитанницам разрешалось брать с собой в постель только одну мягкую игрушку), а в другой держала клетку с морской свинкой. Сердце болезненно сжималось. «Какой кошмарный день, — скажет впоследствии Джонни, — как ужасно было расставаться с нею».

Момент расставания запечатлен на любительском снимке (Джонни вообще очень увлекался фотографией и весьма в этом преуспел), на фото миловидная девчушка, немного застенчивая, с простодушным и доверчивым выражением лица, одетая в красную курточку и серую юбочку в складку — это школьная форма. Сохранилась также записка, которую она отправила домой с просьбой прислать «большой шоколадный торт, имбирного печенья и хрустящие палочки «уиглетс». На память о школьной жизни Дианы отец сберег и вырезку из газеты «Дэйли телеграф», где рассказывается о некоторых известных личностях, которые весьма посредственно учились в школе, но впоследствии добились больших успехов.

Диану не назовешь паинькой, хотя первое время в новой школе она вела себя тихо и старалась не озорничать. Она не отличалась усидчивостью, очень любила подвижные игры, шутки, веселье. Несмотря на резвый и веселый нрав, девочка не любила привлекать к себе всеобщее внимание; стеснялась отвечать урок, стоя у доски на виду у всего класса, всегда сидела тихо, пока не вызовет учительница. Более того, когда ей впервые пришлось участвовать в школьной постановке, Диана согласилась играть при условии, что ей дадут роль без слов.

Диана тушевалась в классе, зато в школьном пансионе давала себе волю. Школьные подруги ее любили, и все же никогда не покидало ощущение своей обособленности. Девочка давно уже свыклась с тем, что она дочь разведенных родителей, но по-прежнему чувствовала, что она не такая, как все. Интуиция подсказывала, что впереди ее ждет, по ее выражению, «извилистый жизненный путь. Я всегда предчувствовала, что моя судьба сложится не так, как у других».

Все это не мешало Диане жить полнокровной жизнью. Она участвовала в соревнованиях по плаванию, играла в школьной команде по нетболу (разновидность баскетбола для девочек), увлеченно занималась балетом, любовь к которому сохранила на всю жизнь. Каждый год перед Рождеством с энтузиазмом готовилась к традиционному представлению: накладывала грим, примеряла костюмы. «Я изображала одного из волхвов, что пришли поклониться Иисусу», — с умилением вспоминает Диана. Дома во время каникул она часто дурачилась, переодеваясь в наряды старших сестер. На одной из детских фотографий Диана позирует в черной шляпе с широкими полями и белом платье, позаимствованном у Сары.

Диана всегда с уважением относилась к Джейн, самой серьезной из всей четверки, но перед Сарой она буквально благоговела. Бывало, когда Сара, самая старшая из сестер, приезжала домой на каникулы, Диана со всех ног бросалась ей помогать: разбирала вещи, наполняла водой ванну, прибирала в комнате. Дворецкий виконта Олторпского Альберт Беттс вспоминает, что девочка уже в самом раннем возрасте отличалась домовитостью: сама гладила свои джинсы, вообще охотно бралась за домашние дела. Это подтверждает и классная руководительница Элизабет Ридздэйл, которая в свое время вручила Диане поощрительный приз за трудолюбие и услужливость.

Больше всех этой награде порадовалась графиня Спенсер, бабушка Дианы, Она заботливо опекала внучку с тех пор, как развелись ее родители. Девочка отвечала горячей привязанностью, и когда в 1972 году, осенью, старая леди умерла от опухоли мозга, была безутешной. На церемонии отпевания присутствовали, помимо Дианы и прочих родственников, королева-мать и принцесса Маргарет. Покойная графиня Спенсер занимает особое место в сердце Дианы. Она искренне верит, что бабушка на небесах продолжает ее хранить.

Тайны загробного мира скоро уступили место более насущным заботам: Диане предстояло сдавать вступительные экзамены, дающие право обучаться в привилегированной частной

школе. Следом за старшими сестрами Сарой и Джейн она поступила в школу-пансион Вест-Хет, расположенную в живописной лесистой местности в графстве Кент. Эта школа была основана в 1865 году как учебное заведение с религиозным уклоном. Учебно-воспитательная программа предполагала не только усвоение знаний, но и развитие таких качеств, как твердость характера и уверенность в себе. Нужно сказать, что старшая из сестер, Сара, проявила слишком большую твердость характера — так, во всяком случае, рассудила директриса Рут Рудж.

Сара с детства отличалась честолюбием и целеустремленностью. Когда Диана переступила порог школы Вест-Хет, Сара уже успешно сдала шесть экзаменов по программе пятого класса. Она представляла свою школу на конно-спортивных состязаниях, блистала в любительских театральных постановках, была членом команды по плаванию. Увы, неуемное самолюбие заставляло ее первенствовать как в хорошем, так и в плохом: Сара считалась едва ли не самой отпетой озорницей во всей школе. «Ей необходимо было всегда чувствовать себя самой-самой», — свидетельствует одна из ее подруг. Родные прощали Саре эксцентричные выходки (однажды она влетела в дом верхом на лошади, напугав приехавшую в гости бабушку Рут Фермой). Однако строгая мисс Рудж была неумолима: после очередного эксцесса выставила Сару из школы (правда, временно, с испытательным сроком).

Вдумчивая и серьезная Джейн была полной противоположностью Саре. Благодаря прекрасным способностям, она считалась одной из первых учениц и сдала не только обычные экзамены, но и несколько экзаменов по усложненной программе. Когда в школу пришла Диана, Сара была старостой шестого класса и капитаном школьной команды по лакроссу. Наверняка на школьном педсовете не раз обсуждались эти две неординарные ученицы — Сара и Джейн Спенсер.

В ранней юности Диана восхищалась Сарой, а вот с Джейн она сблизилась гораздо позже, в более зрелом возрасте. Да и сама Джейн не проявляла в то время особого интереса к младшей сестре, предпочитая учить уму-разуму брата Чарльза. Как-то само собой получилось, что Диана во всем старалась подражать Саре. На первых порах она вела себя настолько вызывающе, что чуть не перещеголяла старшую сестру, совершив серьезный проступок, за который грозило исключение из школы.

Как-то вечером девочки решили подкрепиться и, обнаружив, что запасы сладостей на исходе, предложили Диане сбегать к воротам школьного парка, куда якобы должна подойти знакомая

старшеклассница и принести какие-то лакомства. Диана приняла вызов. Замирая от страха, она шла в кромешной тьме по аллее старого парка, но все-таки поборола искушение повернуть назад. Добравшись до ворот, увидела, что там никого нет. Девочка решила подождать. Ждать пришлось долго. Внезапно появились две полицейские машины, которые въехали во двор. Диану не обнаружили: она спряталась за выступом стены. Вслед за тем она обнаружила, что в разных концах школьного здания засветились окна, но не придала этому особого значения.

Так никого и не дождавшись, Диана вернулась в свою комнату. Трудно сказать, чего она боялась больше: наказания за проступок или презрения подруг за то, что вернулась с пустыми руками. Как назло, у соседки по комнате начался приступ аппендицита, к ней вызвали врача и тут заметили, что кровать Дианы пуста. Диане пришлось держать ответ, но что хуже всего, в школу вызвали родителей, и безжалостная мисс Рудж в самых мрачных тонах описала им дерзкую выходку дочери. Однако в глубине души родители были довольны: Диана казалась им слишком уж послушной, почти робкой, и ее своевольный поступок оказался для них приятным сюрпризом. «Вот уж не думала, что ты способна на такое!» — призналась впоследствии мать.

Происшествие послужило хорошим уроком, и впредь Диана вела себя более осмотрительно. Однако она по-прежнему легко поддавалась на провокации. Зная ее слабость, подруги нередко предлагали ей сделать что-нибудь на спор — например, съесть на завтрак три селедки и шесть кусков хлеба. И ведь съела-таки! Этот случай описывает одна из одноклассниц. Диана пользовалась репутацией обжоры, однако это ничуть не вредило ей в глазах подруг. Разве что чаще приходилось обращаться к школьной фельдшерице за лекарством от боли в желудке, особенно после очередного гастрономического пари. Одноклассницы ее любили и ко дню рождения купили в складчину цепочку с кулоном в виде буквы «Д» — начальной буквы ее имени. По отзыву Кэролин Прайд, в замужестве Бартоломью, которая делила с Дианой комнату в пансионе, а позднее снимала с нею вместе квартиру в Лондоне, Диана была «с характером, легкая на подъем и жизнерадостная». Сравнивая сестер Спенсер, она замечает: «Джейн все любили, она была такая славная, скромная, может быть, даже слишком. За то Диана привлекала обаянием незаурядной личности».

Кэролин и Диана быстро подружились — возможно, потому, что обе пережили развод своих родителей. При этом Кэролин утверждает, что обе «не делали из этого трагедии и не плакались

друг другу». По свидетельству других одноклассниц, Диана вообще отличалась сдержанностью и не любила выставлять свои чувства напоказ. Интересно, что над изголовьем ее кровати в пансионе не было портретов родителей — там красовались фото ее любимых хомячков, Пафа и Мафа.

Больше всего в эти годы Диана страдала из-за весьма посредственных успехов в учебе. Как она ни старалась, угнаться за старшими сестрами оказалось нелегко, да и младший брат оставил ее далеко позади: он учился в частной школе в Нортхэмптоншире и благодаря высоким оценкам впоследствии получил право поступать в Оксфордский университет. Самолюбие Дианы было уязвлено, она чувствовала себя неудачницей. К тому же девочка стеснялась своего высокого роста, даже начала сутулиться, чтобы скрыть этот «недостаток». «Я чувствовала себя безнадежной тупицей, ничтожеством», — признается Диана.

Что правда, то правда: Диана «плавала» по математике и естественным дисциплинам. Несколько лучше обстояли дела в области гуманитарных наук. Она с увлечением занималась историей и литературой. Ей нравились произведения классиков, но что греха таить: Диана зачитывалась сентиментальными романами Барбары Картланд, не подозревая, конечно, что дочь этой писательницы вскоре станет ее мачехой. Школьные сочинения Диана писала легко, без напряжения, покрывая страницу за страницей четким, ровным почерком. «Это получалось само собой: слово за словом ложилось на бумагу из-под моего пера», — вспоминает Диана. Увы, оказавшись лицом к лицу с экзаменаторами, она словно лишалась дара речи. На экзаменах по английскому языку и литературе, истории, географии, истории искусства Диана получила неудовлетворительные оценки.

Диана могла бы пасть духом, но судьба предоставила ей возможность проявить себя на ином поприще и вновь поверить в свои силы. Педагоги школы Вест-Хет придавали большое значение воспитанию «гражданского духа», что на практике выражалось в оказании помощи больным и престарелым. Диана с одной из одноклассниц каждую неделю навещала порученную их заботам старушку, жившую по соседству. Девочки ходили в магазин за покупками, прибирали в доме, просто помогали старой леди скоротать время за чашкой чая. Кроме того, Диана принимала активное участие в деятельности местного отделения добровольческого медицинского союза, в частности, вместе с десятками других добровольцев регулярно ездила в больницу для душевнобольных в окрестностях Дартфорда.

Подростки-добровольцы опекали своих сверстников,

умственно и физически неполноценных детей. Им приходилось сталкиваться с такими тяжелыми больными, что вызвать улыбку на лице пациента почиталось редкой удачей. «Диане приходилось ползать на четвереньках по полу, поскольку многие больные не могли ходить, — рассказывает одна из активисток союза Мюриел Стивене. — Тем не менее она ухитрялась как-то общаться с ними». Многие новички испытывали страх перед больными, не знали, как подступиться к несчастным. Диана же, напротив, безо всякого усилия взялась за эту работу. Благодаря природному чутью ей удалось наладить контакт со многими из своих бессловесных подопечных, и достигнутый успех давал ей ощущение, что она действительно чего-то стоит. Работа в больнице вернула Диане веру в себя.

В эти годы Диана добилась заметных успехов в разных видах спорта. Она неоднократно выигрывала состязания по плаванию и прыжкам в воду. Ее коронный прыжок — такой точный, что на воде оставалась лишь легкая рябь, неизменно вызывал восхищение зрителей. Диана была капитаном команды по нетболу и прекрасно играла в теннис. Однако в этой области трудно было превзойти сестер — отличных спортсменок, да и былые достижения матери затмевали спортивные успехи Дианы (Франсис в свое время должна была играть на Уимблдонском турнире, но, к несчастью, слегла из-за приступа аппендицита).

Зато в танцах у Дианы не было соперников. Она обожала балет и кроме того занималась чечеткой. Мечтала стать балериной, однако вынуждена была отказаться от этой идеи из-за высокого роста — 5 футов 10,5 дюймов (178,65 см). Школа регулярно организовывала посещения лондонских театров Колизей и Сэдлерз-Уэллз, так что Диана по меньше мере четыре раза посмотрела свой любимый балет «Лебединое озеро». Танцуя, Диана забывала обо всех неприятностях. Иной раз она выскальзывала среди ночи из постели и тайком пробиралась в школьный зал, чтобы поупражняться у станка. Она могла часами отрабатывать сложные па под аккомпанемент музыки, записанной на магнитофон. «Это всегда помогало мне избавиться от тяжелых мыслей», — говорит Диана. Усиленные тренировки не прошли даром, весной 1976 года Диана завоевала первый приз на школьном танцевальном конкурсе. Стоит ли удивляться, что в период подготовки к церемонии бракосочетания Диана брала уроки танца, специально пригласив для этой цели в Букингемский дворец знакомых еще по школе Уэнди Митчел и аккомпаниатора Лили Снип. Балет давал разрядку и снимал напряжение, вызванное резкой переменой в ее жизни.

После переезда в Олторпский замок в 1975 году круг

почитателей ее таланта расширился. Летом в погожие дни она танцевала прямо на каменной террасе перед входом или в просторном фойе, отделанном черным и белым мрамором. Порой ее единственными зрителями были именитые предки, взиравшие на танцовщицу с фамильных портретов. Диана не знала, что младший брат и прислуга частенько подглядывали в щелку, как она выделывает головокружительные па в своем черном трико. «Это было впечатляющее зрелище», — признается Чарльз.

Семья переехала в Олторпскую усадьбу после смерти дедушки (он скончался 9 июня 1975 года). В свои 83 года 7-й граф Спенсер держался очень бодро, и потому его смерть от воспаления легких была полной неожиданностью для родных и близких. Это событие означало крутой поворот в жизни семьи. Девочки отныне именовались «леди», одиннадцатилетний Чарльз стал виконтом, а их отец унаследовал Олторпскую усадьбу вместе с титулом 8-го графа Спенсера. Полученное в наследство имение включало 13000 акров (5200 га), 100 коттеджей для наемных рабочих, к тому же в доме хранилась замечательная коллекция старинной живописи, в том числе несколько полотен Рейнолдса, старинная мебель, столовое серебро и фарфор XVII века, немало раритетных изданий.

Новому графу Спенсеру пришлось уплатить 2,25 миллиона фунтов стерлингов в счет налога на наследство, а содержание имения обходилось в 80 000 фунтов стерлингов в год. Это не помешало ему оборудовать плавательный бассейн к вящему удовольствию детей, собиравшихся в доме во время каникул. Диана могла плавать вволю, гулять по окрестностям, заниматься балетом. Говорят, прислуга души не чаяла в этой непритязательной и простой в общении девочке, питавшей некоторую слабость ко всему сладкому: от шоколадных конфет до романов Барбары Картланд.

Диана всегда с нетерпением ждала приезда Сары, которая имела обыкновение привозить из Лондона целую свиту блестящих светских друзей. Умная и острая на язычок, Сара, по общему признанию, стала королевой сезона, особенно после того, как отец устроил великолепное празднество по случаю ее совершеннолетия в 1973 году. Бал состоялся в старинном замке Касл-Райзинг в Норфолке, и гости подъезжали в старинных каретах к парадному входу, залитому светом пылающих факелов. Многие до сих пор помнят этот экзотический праздник. Свита была под стать своей королеве. У Сары было немало поклонников, и ее брак с Джеральдом Гросвенором, герцогом Вестминстерским считался делом почти решенным. Никто не сомневался, что Сара сделает самую блестящую партию.

Диана довольствовалась отблеском ореола, окружавшего старшую сестру. Как-то во время игры в крикет ее представили Люсинде Крэйг-Харви, которая жила вместе с Сарой в лондонской квартире и несколько лет спустя наняла Диану в качестве приходящей домработницы за 1 фунт в час. Отзыв этой леди никак нельзя назвать лестным для Дианы. Люсинда запомнила ее как «долговязую девушку-подростка в нелепом мешковатом платье». И еще: «Она была страшно застенчива, то и дело заливалась краской и явно тушевалась рядом со старшей сестрой. Никакого светского лоска, совершенная простушка». Между тем, сама Диана охотно принимала участие в светских забавах, ездила на пикники, играла в крикет. Эти веселые крикетные состязания между домочадцами и приглашенными соседями прекратились с появлением на сцене нового действующего лица, которому суждено было сыграть самую роковую роль в жизни семьи.

Загадочная запись в домашней книге для посетителей гласит: «Рейн — конец игре». Рейн Спенсер — феноменальная фигура. Всегда тщательно уложенная пышная прическа, изысканный наряд, всепобеждающее обаяние и ослепительная улыбка — аристократизм, доведенный до абсурда, до карикатурности. В книге «Кто есть кто» этой даме было посвящено по крайней мере полстраницы к тому моменту, когда она познакомилась с Джонни Спенсером. Дочь известной писательницы Барбары Картланд, затем леди Люсхэм, а с 1962 года супруга графа Дартмута, она активно занималась политикой, являясь членом Совета Большого Лондона (муниципального совета). В политических кругах Рейн была известна экстравагантностью суждений, и ее имя часто мелькало на страницах газет в рубрике скандалов и сплетен.

Воинствующий консерватизм сделал ее одиозной фигурой на политической сцене 60-х годов. Примером бессмысленного максимализма служит ее заявление на встрече со студентами Лондонской школы экономики: «Я всегда сумею отличить дом, где живут сторонники консервативной партии, потому что прежде чем выставить бутылки из-под молока на крыльцо, они их моют». Не удивительно, что студенты освистали эту леди, которая отстаивала консервативный стиль во всем: от методов политического руководства до прически.

Рейн могла позволить себе самые смелые суждения: необычайная целеустремленность в сочетании с обезоруживающим обаянием и даром слова придавали ей уверенность в себе. Ее сближению с семейством Спенсеров способствовала книга «Наше наследие — что это такое?», над которой она работала совместно со старым графом по поручению Совета Большого Лондона. Сорокашестилетняя Рейн к тому

времени уже 28 лет состояла в браке с графом Дартмутом. У них было четверо детей: Уильям, Руперт, Шарлотта и Генри. Интересно, что Джонни Спенсер и граф Дартмут окончили Итон — одну из самых престижных частных школ, и в юности были добрыми друзьями.

Рейн буквально околдовала Джонни, да и старый граф не устоял перед ее чарами. Ей удалось даже в некоторой степени примирить отца с сыном в последние годы жизни старика. Тот был убежден, что они с Рейн родственные души, тем более что в день рождения и на Рождество они неизменно преподносили ему новую трость — в пополнение коллекции.

Иначе складывались ее взаимоотношения с детьми. Она победоносно вошла в их жизнь в начале 70-х годов. Присутствие Рейн на празднике по случаю восемнадцатилетия Сары в Касл-Райзинг дало повод для сплетен в светских гостиных. Что касается Чарльза и Дианы, то они впервые получили возможность поближе познакомиться с подругой отца во время торжественного обеда в Кингз-Линне. Формальным поводом для торжества послужила разработка нового финансового плана, призванного укрепить семейный бюджет. На самом же деле будущая мачеха надеялась приручить младших детей своего избранника. «Мы оба сразу же невзлюбили эту даму», — признается Чарльз. Дети заявили отцу, что никогда не смирятся с его женитьбой на Рейн. В 1976 году двенадцатилетний Чарльз отправил ей «грозное» послание, а Диана поделилась со школьной подругой замыслом подбросить будущей мачехе письмо, написанное отравленными чернилами. Поводом для такой реакции послужило случайно обнаруженное письмо, в котором Рейн без стеснения высказывала их отцу некоторые замечания в адрес старого графа — тот как раз находился на смертном одре, и дети были возмущены тем, что на людях она говорит деду совсем не то, что думает.

Однако никакие препятствия не могли остановить влюбленных. Получив развод, 14 июля 1977 года Рейн зарегистрировала брак с Джонни Спенсером. Никто из детей не был заранее поставлен в известность о предстоящей свадьбе. Чарльз, например, узнал об этом событии задним числом от своего классного руководителя.

Войдя в дом на правах хозяйки, Рейн тут же со свойственной ей решительностью перевернула все вверх дном. Чтобы помочь Джонни расплатиться с многочисленными долгами, новая графиня придумала превратить Олторпский замок в доходное предприятие: открыть его для посетителей за определенную плату. Конюшню переоборудовали под кафе, где заезжие туристы могли заодно купить кое-какие сувениры. При этом

обслуживающий персонал сократили до минимума — в целях экономии. На первый взгляд рачительная хозяйка, Рейн распродавала за бесценок старинные полотна и антикварную мебель и посуду — так, по крайней мере, утверждают дети. С неменьшим негодованием отзываются они о затеянной мачехой «реставрации» старинного здания. Граф Спенсер неизменно защищал супругу и введенный ею «режим экономии», ссылаясь на то, что ремонт требует громадных расходов.

Откровенная неприязнь между детьми графа Спенсера и его новой женой ни для кого не была секретом. В одном из интервью, опубликованом в разделе светской хроники, Рейн делает следующее заявление: «Мне надоело разыгрывать роль злой мачехи. Никому нет дела до моих истинных переживаний: досужему обывателю щекочут нервы рассказы о моем тиранстве. И тем не менее, отношения в нашей семье постепенно налаживаются. Поначалу мне пришлось проглотить немало обид. Сара не признавала мой статус хозяйки дома и отдавала распоряжения слугам, игнорируя мое присутствие. Джейн вообще со мной не разговаривала, даже если мы сталкивались нос к носу в узком коридоре. Правда, Диана всегда была со мной мила, она вообще не такая, как все».

На самом деле у Дианы были свои счеты с мачехой, и годами копившаяся враждебность в один прекрасный день наконец прорвалась. Это случилось на репетиции в церкви перед венчанием ее брата Чарльза и известной манекенщицы Виктории Локвуд. Рейн демонстративно отвернулась от матери Дианы, хотя в церкви их усадили рядом, на одной скамье. Диана дала волю негодованию, которое приходилось сдерживать в течение многих лет. В ответ на упрек Рейн возразила: «Ты и представить себе не можешь, сколько страданий причинила эта женщина твоему отцу». Диана, которая, по ее собственному признанию, была вне себя от гнева, обрушилась на мачеху: «Страдания? Разве вы знаете, что это такое? В силу моего положения в обществе я вижу столько людского горя, сколько вам и не снилось. И вы говорите мне о страданиях! Не бросайтесь словами, смысл которых вам недоступен!» — и так далее в том же духе. Впоследствии леди Франсис говорила, что это был первый случай, когда кто-либо из членов семьи открыто взял ее под защиту.

Впрочем, это было много лет спустя, а на первых порах дети попросту не воспринимали Рейн всерьез. Их, скажем, забавляла ее педантичность, привычка сортировать знакомых согласно их общественному статусу. Однажды Чарльз приехал домой на каникулы из Итона в сопровождении друзей, которых он подбил назваться вымышленными именами. Один из мальчиков

представился как Джеймс Ротшильд — якобы из тех самых Ротшильдов, знаменитых банкиров. Рейн была в восторге. «Кем же вы приходитесь Анне Ротшильд?» — поинтересовалась она. Одноклассник Чарльза сконфузился и вынужден был признать, что понятия не имеет, кто такая Анна, и вообще просто неправильно написал свою фамилию в книге посетителей.

Как-то во время ужина на лоне природы приятель Сары побился об заклад на 100 фунтов, что Чарльз не осмелится бросить мачеху в плавательный бассейн. Рейн вышла к гостям в вечернем платье, хотя практически все присутствующие были одеты в футболки и шорты. Она приняла приглашение Чарльза на танец и лишь в последний момент сумела вырваться из его объятий, каким-то чудом разгадав коварный замысел пасынка.

Встреча Рождества в интерпретации Рейн Спенсер превратилась в карикатурное подобие семейного праздника. Она заранее определяла очередность вручения подарков и, глядя на часы, как на хронометр, строго следила, чтобы дети вскрывали свертки в назначенное время. «Это была настоящая комедия», — говорит Чарльз.

Один из Рождественских вечеров ознаменовался трогательным эпизодом. Диана решила отдать свой подарок ночному сторожу — странному угрюмому субъекту. В доме к нему относились с опаской, а Диана интуитивно догадывалась, что он просто страдает от одиночества. Вместе с братом они вручили подарок сторожу, и тот был так потрясен неожиданным вниманием, что прослезился. Уже в отроческие годы Диана не раз проявляла отзывчивость и способность сострадать чужой беде. Именно за эти качества в выпускном классе школы Вест-Хет ей был вручен знак отличия имени мисс Кларк Лоуренс.

Диана заметно повзрослела, обрела уверенность в себе, и это также не осталось незамеченным в школе: ее назначили старостой класса. Это было в 1977 году — последнем в школе Вест-Хет. Окончив школу, Диана должна была по примеру старших сестер пройти курс обучения в чрезвычайно дорогом женском пансионе в Швейцарии, чтобы в совершенстве овладеть искусством кулинарии, кройки и шитья и прочими премудростями, необходимыми хозяйке дома. Предполагалось, что во время учебы в этой школе она будет говорить только по-французски. На деле Диана целыми днями каталась на лыжах и болтала по-английски с соседкой по комнате Софи Кимбол. Изнывая от скуки и бессмысленности школьных занятий, Диана не чаяла, как удрать из Швейцарии. Она засыпала родителей письмами, умоляя позволить ей вернуться домой. В ход был пущен самый веский аргумент — что они бросают на ветер

немалые деньги. И это возымело свое действие: Диана вырвалась на волю.

Сбросив со своих плеч тяжкое бремя школьных наук, Диана почувствовала себя другим человеком. Она заметно похорошела, повеселела, стала вести себя более раскованно — словом, расцвела. Эта перемена не ускользнула от внимания друзей ее старшей сестры Сары.

Конечно, Диана не превратилась в светскую львицу, отнюдь: она по-прежнему легко смущалась, не знала, как себя вести. Но уже теперь было видно, что она будет пользоваться большим успехом. «Она была очень мила: очаровательная и добрая девушка», — вспоминает один из знакомых.

За чудесной метаморфозой следила пара ревнивых глаз — Сара с невольной тревогой смотрела на потенциальную соперницу. До сих пор она безраздельно царила в Лондоне и не собиралась передавать эстафету младшей сестре. Переломный момент наступил в один из уик-эндов, когда вся семья была в сборе. Диана попросила сестру подбросить ее до Лондона. Сара неудачно пошутила: лишний пассажир — слишком большой расход бензина. Друзья подняли ее на смех, и в этот момент всем стало ясно, что милая Диана одержала верх над блистательной Сарой.

Долго, очень долго Диане пришлось играть роль Золушки в своем семействе. Жесткие рамки школьной дисциплины подавляли ее личность, успехи старших сестер заставляли держаться в тени. И вот она на свободе. Впереди самостоятельная жизнь в Лондоне. Диане не терпелось расправить крылышки и пуститься в свой первый полет. По словам ее брата Чарльза, «теперь уже не могло быть никаких сомнений, что гадкий утенок станет прекрасным лебедем».

3. «Можете называть меня просто «сэр»…»

Это был во всех отношениях необычный роман. Лишь после того, как леди Диана Спенсер официально стала невестой Его Королевского Высочества принца Уэльского, ей было позволено называть его Чарльзом. До этого момента она почтительно обращалась к нему «сэр». А принц — тот называл ее по имени, Дианой. Так было принято при дворе. В свое время принц оказывал знаки внимания старшей сестре Дианы Саре, и все девять месяцев их тесной дружбы Сара соблюдала это правило. «Это воспринималось как должное, — поясняет она, — и я знала, что поступаю правильно, потому что меня ни разу не поправили».

Судьба свела Диану с человеком, который тогда считался лучшим женихом мира, именно в тот период, когда он сблизился с ее сестрой. Обстоятельства их знакомства в ноябре 1977 года нельзя никак назвать выигрышными для Дианы. Она как раз приехала в Олторпскую усадьбу на каникулы, и ее представление принцу состоялось во время охоты, прямо посреди вспаханного поля. Его Высочество сопровождал верный пес лабрадор по кличке Гарви. Заядлый охотник, принц не собирался отвлекаться от любимой забавы ради светской беседы с дамами. День был ненастный, и Диана оделась по погоде: высокие резиновые сапоги поверх вельветовых брюк, ветровка с Сариного плеча. Она чувствовала себя нелепой и старалась держаться на заднем плане, тем более что в этом спектакле она была скромным статистом, а в главной роли блистала старшая сестра. Правда, сама Сара впоследствии утверждала, что сыграла роль Купидона, соединившего сердце принца и юной Дианы, однако на деле все обстояло несколько иначе.

В тот памятный день Диана действительно запала в сердце принцу Чарльзу, во всяком случае, он не забыл «очень живую, забавную и симпатичную 16-летнюю девушку, с которой было весело и интересно». Но Сариной заслуги в этом не было. Честолюбивая и азартная по природе, Сара на любом поприще стремилась завоевать главный приз и смотрела на любовь прежде всего как на соревнование, в котором никому не собиралась уступать первенство. А что же Диана? Ей и в голову не приходило соперничать с сестрой, и тем не менее, первая встреча с Чарльзом оставила глубокий след в ее душе. «Он казался таким печальным», — так формулирует Диана свое первое впечатление о принце. По случаю визита принца Спенсеры устроили обед с

танцами, и Сара не скрывала, что возлагает большие надежды на этот вечер. Спустя годы Диана рассказывала друзьям: «У меня не было никаких претензий. Какой же глупышкой я тогда была: не умела ни одеваться, ни пользоваться косметикой. Но я веселилась от души, и ему это, судя по всему, нравилось».

Когда обед закончился, принц удостоил Диану большой чести: попросил показать знаменитую коллекцию живописи, которая размещалась в картинной галерее длиной 115 футов (около 35 м) и считалась тогда одной из лучших в Европе. Сара тут же вызвалась познакомить принца с фамильными гравюрами. Диана поняла намек и ретировалась.

Нет, Сара никак не поощряла интерес Чарльза к своей юной сестре. Сама Диана была смущена и растеряна. Как-никак, речь шла о друге Сары, перед которой она всегда преклонялась. Сара познакомилась с Чарльзом на ипподроме «Аскот» (близ Виндзора) в июне 1977 года. Она как раз «зализывала раны» после неудачного романа с герцогом Вестминстерским. В этот период у нее обострилась нервная анорексия — потеря аппетита, и друзья объясняли это крахом любовных надежд. По словам одного из близких друзей, «Сара во всем хотела быть лучше всех: самый современный автомобиль, самый остроумный ответ, самое элегантное платье… Она голодала из самолюбия — чтобы быть самой стройной».

Не исключено, что неудача на любовном фронте спровоцировала обострение болезни, но истинные причины коренятся в семейной обстановке, больного — так считают специалисты по заболеваниям пищеварительной системы. Подобными нарушениями страдают, как правило, девушки-подростки, у которых не все ладно в родительском доме. Им кажется, что с помощью голодной диеты они контролируют не только свой вес, но и душевное смятение, вызванное семейными неурядицами. Девушки, страдающие анорексией, обычно под любым предлогом отказываются от еды и доводят себя до такого состояния, что у них прекращаются менструация, что в будущем грозит даже бесплодием. Четыре из десяти погибают.

Сохранилась фотография Сары в нижнем белье, где видно, до какой степени она заморила себя голодом: кожа да кости. Но ей самой казалось тогда, что она очень толстая. Только теперь, спустя много лет, она понимает, что была серьезно больна. Родители, озабоченные состоянием ее здоровья, прибегали к всевозможным ухищрениям, чтобы заставить ее есть. Например, в награду обещали разрешить позвонить по телефону принцу Чарльзу. В 1977 году ей пришлось обратиться в частную клинику, где ее лечил доктор Морис Липседж (этот психотерапевт спустя

десять лет помог Диане бороться с булимией).

Несмотря на анорексию, Сара в этот период часто виделась с принцем Чарльзом. Летом 1977 года ее неоднократно приглашали в Виндзорский замок, где принц играл в конное поло, а в феврале 1978 года она была в числе приглашенных покататься на горных лыжах вместе с Чарльзом в Швейцарии. Вот тогда всерьез заговорили о том, что Сара в один прекрасный день может стать королевой Англии. Увы, Сара могла отказать себе в тщеславном удовольствии публично прокомментировать свою дружбу с принцем Чарльзом. От подруги наследника престола требуется большая выдержка, чтобы противостоять подобным соблазнам. В одном из интервью Сара сказала, в частности, следующее: «Наши отношения носят чисто платонический характер. Я отношусь к нему, как к старшему брату, которого у меня никогда не было». Окружавший принца Чарльза ореол покорителя женских сердец несколько потускнел после этих слов, тем более что Сара пошла еще дальше: «Я не могла бы выйти замуж за человека, которого не люблю, будь это король Англии или простой мусорщик. Если бы он сделал мне предложение, получил бы отказ».

Несмотря на наступившее охлаждение в их отношениях, Чарльз все же пригласил Сару на празднование своего тридцатилетнего юбилея. Торжество состоялось в ноябре 1978 года в Букингемском дворце. К немалому удивлению Сары, Диана также получила приглашение.

Итак, Золушка едет на бал… Диана была вне себя от радости. Что греха таить: ей было приятно утереть нос гордячке Саре. Успех окрылял, и все же Диана была далека от мысли, что принц Чарльз к ней неравнодушен. В тот вечер рядом с ним была актриса Сьюзен Джордж, и разве могла Диана предположить, что одержит верх над такой соперницей. К тому же в жизни было столько интересного, что ей не приходило в голову обзавестись серьезным поклонником. Она только что вырвалась из смертельно наскучившего швейцарского пансиона и горела желанием самостоятельно устроить свою жизнь в Лондоне. Надо сказать, что родители без всякого энтузиазма восприняли ее стремление к независимости.

У Дианы не было никакого специального образования, она, в сущности, ничего не умела делать. Было только смутное ощущение, что ее тянет работать с детьми. Диана могла рассчитывать на самую низкооплачиваемую работу, не требующую высокой квалификации. В этом она отнюдь не являлась исключением среди своих сверстниц, принадлежащих к высшим слоям общества. В аристократических семьях принято

основное внимание уделять образованию мальчиков. Что касается девочек, то их просто помещают в хорошую частную школу, по окончании которой достаточно пройти курс совершенствования в кулинарном искусстве или, скажем, в музыке или живописи. Затем юные аристократки пополняют ряды участниц ярмарки невест. Таков общепринятый порядок. В начале царствования королевы Елизаветы II соблюдался обычай представления дебютанток ко двору, после чего их вывозили на балы, которые устраивали специально с этой целью. К слову сказать, родители Дианы как раз и познакомились на подобном балу, да и когда подросла сама Диана, ярмарка невест продолжала функционировать.

Закончив учебу, Диана, как и большинство девушек ее круга, рассчитывала выйти замуж. Когда она приехала из Швейцарии, Джейн пригласила ее на свою свадьбу с Робертом Фергюсоном, сыном управляющего королевским имением в Сандрингеме, ставшим теперь личным секретарем ее Величества, венчание состоялось в апреле 1978 года. Очевидно, родители предполагали, что Диана вскоре последует примеру сестры, и не настаивали на том, чтобы она приобрела какую-нибудь профессию, однако предоставить ей полную свободу решились далеко не сразу. Даже директриса швейцарского пансиона мадам Ерсин указывала на то, что Диана чересчур наивна для своих шестнадцати лет. И родители с полным основанием опасались, что несколько лет, проведенных в замкнутом пространстве частной женской школы, вряд ли могут служить подготовкой для самостоятельной жизни в таком большом и полном соблазнов городе, как Лондон. Диане сказали, что она сможет жить в своей собственной квартире в Лондоне не раньше, чем ей исполнится восемнадцать.

До поры до времени девушку поручили заботам друга семьи майора Джереми Уайтэкера и его жены Филиппы, которые жили в графстве Хэмптоншир. Диана провела в их доме три месяца. В ее обязанности входило присматривать за их дочкой Александрой, делать уборку и готовить. Однако упрямица стояла на своем: в каждом письме просила, умоляла, требовала, чтобы родители разрешили ей перебраться в столицу. В конце концов был найден компромисс. Мать разрешила Диане пожить в своей квартире на Кэдоган-Сквер. Поскольку миссис Шанд-Кид большую часть года проводила в своей усадьбе в Шотландии, квартира была в полном распоряжении Дианы. Здесь ей предстояло прожить год в компании с Лаурой Грейг, школьной подругой, ставшей впоследствии придворной дамой Дианы, и Софи Кимбол, дочерью Маркуса Кимбола, в то время члена парламента от

консервативной партии.

Добившись независимости, Диана должна была доказать, что способна самостоятельно заработать на хлеб. Она обратилась в агентство по трудоустройству «Решите свои проблемы», а также в бюро по найму приходящих нянь в одном из самых фешенебельных районов Лондона Найтсбридже. Кроме того, подрабатывала от случая к случаю в качестве официантки на приемах в частных домах и занималась уборкой квартир. В Лондоне немало девушек из «хороших семей» ведут подобный образ жизни, пока не подвернется подходящий жених. Диана без труда влилась в эту пеструю по составу, стилю одежды и вкусам компанию юных леди, жаждущих самостоятельности. Нельзя не отметить, что она пользовалась немалым спросом в качестве приходящей няни: замужние подруги старших сестер наперебой приглашали ее к своим малышам. Помимо работы, много времени отнимала учеба на курсах вождения автомобиля. Диана лишь со второй попытки сдала экзамен на водительские права. Вечера она чаще всего проводила у Сары, которая любила принимать гостей и заодно приглашала Диану. Вообще же по части развлечений ее жизнь в Лондоне не отличалась разнообразием. Диана никогда не курила и не пила, на досуге любила читать или смотрела телевизор, ходила в гости к друзьям, иногда ужинала в недорогих бистро. Ее нисколько не привлекали ночные клубы или шумные сборища с обилием спиртного. «Диско-Ди» — дискотека, которую Диана якобы охотно посещала, — это досужий вымысел газетных писак, любителей дешевых эффектов. На самом деле в силу своего характера и темперамента Диана питает склонность к уединению.

На выходные Диана ездила в отцовское имение, иногда отдыхала у Джейн, в ее загородном доме, или у кого-либо из подруг, круг которых постепенно расширялся. Ее постоянную компанию составляли друзья детства, с которыми Диана познакомилась еще в Норфолке и в школе Вест-Хет: Александра Лойд, Кэролайн Хардборд-Хэмонд, Тереза Маубрей, крестница миссис Шанд-Кид, а также Мэри-Энн Стюарт-Ричардсон — все они теперь жили в Лондоне.

Как-то осенью 1978 года Диана гостила у Кэролайн в доме ее родителей в Норфолке, и там у нее самым неожиданным образом проявилась способность ясновидения. На традиционный вопрос о здоровье отца она дала поразивший всех присутствующих и ее самое ответ: отца сразит тяжелая, может быть, смертельная болезнь, «но если он не умрет сразу, то со временем поправится». На следующий день раздался телефонный звонок. Диана наперед знала, что с отцом случилось несчастье. Так оно и было. Граф

Спенсер упал без сознания во дворе перед своим домом вследствие обширного кровоизлияния в мозг. Диана тут же собрала вещи и помчалась в норфолкскую больницу, куда был срочно госпитализирован больной. Там собралась вся семья: сестры Сара и Джейн, а также Чарльз, которого привез из Итона муж Джейн Роберт Фелоуз.

Приговор врачей практически не оставлял надежды.

Родным сказали, что граф вряд ли протянет до утра. По свидетельству Чарльза, супруга графа сохраняла полное хладнокровие. Она якобы сказала зятю: «Значит, к утру я распрощаюсь с олторпским домом». Владычеству Рейн, казалось, пришел конец. Однако прошел день, потом еще день — больной находился между жизнью и смертью. Все это время дети не покидали больничную приемную. Когда врачи сообщили, что у больного есть шанс выжить, Рейн немедленно наняла карету «скорой помощи» и перевезла его в неврологическую клинику на Куин-Сквер, в центре Лондона, где он лежал несколько месяцев в состоянии комы. Вот тут-то дети в полной мере осознали несгибаемую волю и упрямство своей мачехи. Рейн устроила настоящий заговор с целью воспрепятствовать им посещать отца, состояние здоровья которого, естественно, внушало большую тревогу. Сиделки получили указание не допускать детей в отдельный бокс, где лежал почти без признаков жизни граф Спенсер. «Я умею постоять за себя, и горе тем, кто об этом забывает. У меня стальной хребет — сломить меня не удастся никому и никому не удастся причинить вред Джонни, пока я нахожусь у изголовья. Жизнь вернется к нему — уж я об этом позабочусь вопреки противодействию кое-кого из родных», — так говорила Рейн в эти тягостные дни.

Тлевшая до поры до времени неприязнь достигла критической точки. У Спенсеров тоже хватает стали в характере, и дело дошло до яростных схваток между детьми и мачехой. В тихих коридорах и холлах больницы не раз схлестывались твердолобая Рейн и неистовая Сара — они шипели друг на друга, как две разъяренные гусыни.

В ноябре Джонни Спенсер перенес повторное кровоизлияние, и его перевели в клинику «Бромптон» В Южном Кенсингтоне. Вновь его жизнь висела на волоске. Но что бы ни говорили врачи, Рейн гнула свою линию. Кто-то ей сказал, что в Германии производится препарат под названием аслоциллин, который якобы может помочь Джонни, и она нажала на все кнопки, чтобы как можно скорее добыть чудодейственное лекарство. Лечение оказалось эффективным: в один прекрасный день, когда Рейн, как обычно, дежурила у постели больного, Джонни открыл глаза. Он

буквально вернулся с того света. После выписки из больницы в январе 1979 года они перебрались в «Дорчестер» — один из самых дорогих отелей на Парк-Лэйн, где Рейн выхаживала Джонни еще в течение месяца.

Все это время родные графа Спенсера пребывали в мучительной тревоге. Сара, жившая неподалеку от клиники «Бромптон», регулярно навещала отца, вопреки ухищрениям мачехи, которая по-прежнему ревниво стерегла отца от собственных детей. Иногда, в отсутствие Рейн, Диане и Джейн удавалось разжалобить сиделок и прорваться в палату к больному, но поскольку Джонни большую часть времени находился в состоянии забытья, им так ни разу и не удалось с ним поговорить. Впрочем, даже когда Джонни приходил в себя, он не мог говорить из-за трубки в горле, через которую поступало питание. «Он даже не мог спросить, куда подевались его дети. Страшно подумать, что ему могло прийти в голову — ведь некому было объяснить, в чем дело», — вспоминает Диана.

За несколько дней до того, как с отцом случился удар, Диана поступила на курсы кулинарии. Ясно, что в сложившейся ситуации учеба отошла на второй план. Тем не менее, в течение трех месяцев Диана исправно ездила на метро в Уимблдонское предместье Лондона, где жила знаменитая Элизабет Рассел, обучившая уже не одно поколение дочек герцогов, графов и баронов тонкостям приготовления суфле и бисквитов. Диана выбрала кулинарию не по призванию: идея, принадлежала родителям, и она просто рассудила, что это все же лучше, чем, скажем, часами сидеть за пишущей машинкой на курсах машинописи. Как, бывало, в детские годы, Диане трудно было устоять перед искушением полакомиться тем или иным «учебным пособием», и ее не раз заставали за дегустацией очередного экзотического соуса. Диана закончила обучение, прибавив в весе несколько фунтов, но зато получила диплом, официально подтверждавший ее кулинарное мастерство.

Поскольку граф Спенсер был прикован к постели, мать Дианы сама взялась за устройство ее карьеры. Франсис написала письмо мисс Бетти Вейкани, владелице балетной студии на Бромптон-Роуд и знаменитому педагогу (она преподавала танцы трем поколениям детей королевской семьи). В письме шла речь о вакансии преподавателя балета в младших классах. Вакансия нашлась. Диана благополучно прошла собеседование и со второго семестра приступила к работе в студии Вейкани. Наконец-то она нашла занятие по душе, удачно сочетавшее ее любовь к детям и увлечение балетом. Но и здесь Диана долго не задержалась, правда, на этот раз не по своей воле.

В марте Мэри-Энн Стюарт-Ричардсон пригласила ее покататься на лыжах во Французских Альпах. На крутом спуске Диана упала и получила серьезную травму: разрыв сухожилий в области голени. Следующие три месяца пришлось ходить в гипсе: поврежденные ткани срастались медленно. Травма перечеркнула мечты о карьере учительницы танцев.

Несмотря на травму, Диана вспоминает этот отпуск в Альпах как самый радостный и беззаботный за всю свою жизнь. Кстати, именно там она встретила людей, многие из которых стали впоследствии преданными и надежными друзьями. Первоначально Диана планировала провести это время с семьей Стюарт-Ричардсонов, но у них случилось несчастье, и Диана почувствовала себя лишней. Получив приглашение от Саймона Берри, сына богатого виноторговца, Диана с радостью присоединилась к компании, гостившей у него на вилле.

Берри и трое его товарищей по Итону — Джеймс Болтон, Алекс Лайл и Кристиан де Лотбиньер основали компанию по организации отдыха для любителей горных лыж «Лыжник Боб». Своим названием компания была обязана заведующему итонским пансионом Бобу Бэрду, который помог юным предпринимателям юридически оформить дело. «Лыжник Боб» объединял человек двадцать ревностных приверженцев этого вида спорта, в основном старых «итонцев». Новичок, желавший примкнуть к этому братству, проходил торжественный обряд посвящения, после чего ему присваивалось звание «лыжника Боба».

Диана без труда завоевала почетный титул и вскоре вела себя, как заправский «Боб». Лихо лавировала на спусках, взвизгивая голосом мисс Пигги — персонажа юмористического шоу, воинственно размахивала подушкой во время шуточных боев, участвовала в шарадах и сочиняла смешные куплеты. Товарищи поддразнивали Диану: кто-то припомнил, что в школьном пансионе у нее над изголовьем висела в рамочке фотография принца Чарльза. Она тут ни при чем — оправдывалась Диана. Это был подарок школе по случаю инвеституры — пожалования Чарльзу титула принца Уэльского в 1969 году. Ночевала Диана на диване в гостиной. Но далеко не всегда удавалось поспать всласть: Джеймс Колтэрст, студент-медик, с утра пораньше выступал с пародиями — то вдохновенных речей Мартина Лютера Кинга, то Муссолини, не обращая внимания на протесты сонной братии.

По отзыву Адама Рассела, правнука бывшего премьер-министра Стэнли Болдуина, при первой встрече Диана произвела на него не слишком благоприятное впечатление. «Войдя в комнату, она произнесла несколько слов и громко хихикнула.

«Господи помилуй, очередная хохотушка!» — подумал я. — Узнав ее поближе, понял, что она отнюдь не из бойких девиц. Диана явно недооценивала себя и пыталась замаскировать смущение и неуверенность громким смехом и шутками. Но развязной ее никак не назовешь», — вспоминает Адам Рассел. Ему тоже не повезло: он получил травму. Оказавшись товарищами по несчастью, Адам и Диана коротали время за разговорами. Наблюдательный Адам обнаружил в своей собеседнице чуткую и ранимую личность. «Она казалась счастливой и довольной. На деле же разрыв между родителями оставил неизгладимый след в ее душе», — вспоминает Адам.

Тем временем Сара, работавшая в крупном агентстве по продаже недвижимости, подыскала для Дианы квартиру в Лондоне. Коулхерн-Корт, 60 — этот адрес вскоре прогремит по всей Англии. Родители выложили 50 000 фунтов стерлингов за этот подарок к ее совершеннолетию. В июле 1979 года Диана переехала в свое новое жилище и с воодушевлением взялась за отделку и меблировку. Она предпочитала теплые, мажорные тона. Гостиную покрасили в бледно-желтый цвет, а ванная комната стала ярко-вишневой. В качестве полновластной хозяйки квартиры Диана наконец-то получила возможность пригласить к себе школьную подругу Кэролин Бартоломью, которая поселилась в одной из трех спален. Кроме того, вместе с Дианой жили некоторое время Софи Кимбол и Филиппа Коукер, а позже их заменили Анна Болтон (коллега Сары) и Вирджиния Питман, самая старшая по возрасту. В этой компании Диана жила все то время, пока продолжался ее роман с принцем Чарльзом.

Сегодня Диане кажется, что это был самый светлый период в ее жизни. У нее была своя собственная квартира, в которой царили беззаботная юность и ничем не омраченное веселье. «Мы смеялись до упаду», — вспоминает Диана. Не обошлось, конечно, без неприятностей: однажды квартиру ограбили, и Диана лишилась почти всех драгоценностей.

Девушки жили дружно. Диана, в качестве хозяйки квартиры, взимала квартплату в размере 18 фунтов стерлингов в неделю и устанавливала расписание уборки. Ей досталась самая большая комната с двуспальной кроватью, а на дверях красовалась табличка, напоминавшая о ее статусе. «Диана надевала резиновые перчатки и хлопотала по хозяйству», — вспоминает Кэролин, — «квартира ведь была ее собственная, и она страшно этим гордилась».

Впрочем, подруги не слишком обременяли себя домашней работой. Диане, во всяком случае, не приходилось мыть изо дня в день горы грязной посуды. Дома они готовили редко, хотя Диана

и Вирджиния имели диплом об окончании престижных курсов кулинарии. Лучше всего Диане удавались русский борщ и шоколадный рулет, поэтому знакомые нередко просили ее приготовить эти фирменные блюда и доставить к ним на дом. Перед отправкой, как правило, производилась дегустация рулета. В доме не переводились печенье и шоколад, и от такой «диеты», по признанию Кэролин, девушки изрядно прибавляли в весе.

Счастливая обладательница квартиры не забывала о карьере. Вскоре после новоселья Диана подыскала работу, вполне удовлетворявшую ее склонностям. Она устроилась воспитательницей в детский сад «Молодая Англия» при церкви Христа Спасителя в Пимлико, который возглавляли Виктория Уилсон и Кей Сет-Смит. Поначалу в ее обязанности входило давать уроки танца и рисования и играть с детьми во второй половине дня, но когда Виктория и Кей заметили, как хорошо Диана умеет ладить с детьми, они предложили ей работать полный день. Кроме того, по вторникам и четвергам она присматривала за маленьким Патриком Робинсоном, сыном представителя американской нефтяной компании, и получала от этой работы «неизмеримое удовольствие».

Однако в ее трудовом распорядке оставались «окна», и на выручку пришла Сара. Она наняла Диану в качестве приходящей домработницы. Сара жила на улице Парк-Лэйн вместе с Люсиндой Крэйг-Харви, которая вспоминала впоследствии: «Диана боготворила Сару, а та относилась к ней с откровенным пренебрежением. Сара предупредила меня, чтобы я не стеснялась поручать Диане любую черную работу». Диане приходилось пылесосить, мыть полы, стирать и гладить. Она зарабатывала 1 фунт стерлингов в час. После официальной помолвки с принцем Чарльзом Диана получила письмо с поздравлениями от Люсинды. Отвечая на письмо, Диана вспомнила, как служила у нее домработницей: «Где мой любимый пылесос, где половая тряпка? Миновали золотые деньки, когда я трудилась на ниве чистоты и порядка!»

Возвращаясь домой после уборки Сариной квартиры, Диана вздыхала с облегчением. Ей бывало не по себе от укоризненного взгляда сестры. Поводом для недовольства служили многочисленные проказы и шутки Дианы. По вечерам они с Кэролин любили подурачиться: звонили наугад незнакомым людям, обнаружив смешную фамилию в телефонной книге, совершали набеги на квартиры и машины друзей. «Мы часто колесили по ночному Лондону, — вспоминает Кэролин, — чтобы привести в исполнение очередную выдумку Дианы».

Если кому-либо из знакомых случалось насолить подругам,

их ждала страшная месть. Несчастные вскакивали среди ночи, разбуженные телефонным звонком или стуком в дверь, по утрам не могли открыть машину, потому что замки были чем-то заклеены, В одно прекрасное утро приятель девушек Джеймс Джилби собирался, как всегда, выехать в свой офис на новенькой «альфа-ромео», но с ужасом обнаружил, что сверкающая полировка заляпана смесью муки и яиц, присохшей не хуже цемента. Его преступление заключалось в том, что он накануне подвел Диану, не явившись на заранее назначенную встречу.

Друзья не оставались в долгу. Как-то вечером Джеймс Колтэст и Адам Рассел потихоньку прикрепили к капоту и багажнику Дианиной «Хонды» громадные щитки с надписью «учебный». Утром Диана кое-как отодрала щитки, но не заметила связки консервных банок, привязанной к бамперу. Как только машина тронулась, банки забренчали и задребезжали на всю улицу. В отместку опять была пущена в ход яично-мучная адская смесь.

Эти бесхитростные забавы продолжались во время романа с принцем Чарльзом. «Нас называли шальными девчонками, — говорит Кэролин, — однако во всем этом уже чувствовались черты зрелого характера». К Диане на огонек вереницей шли молодые люди — поболтать за чашкой чая или пригласить девушек куда-нибудь. Для Дианы они все оставались просто хорошими приятелями. В большинстве своем это были старшеклассники-«итонцы» — как, скажем, те любители горных лыж, с которыми она познакомилась в Альпах. Среди завсегдатаев ее дома были Гарри Герберт, сын графа Карнавона, Джеймс Бои, лейтенант Колдстримского гвардейского полка, сын помещика Джордж Пламптер (тот самый, что пригласил Диану на балет в день ее обручения), актер Маркус Мэй и Рори Скотт, бывший в то время блестящим, лейтенантом Шотландского королевского полка; частенько заглядывали и Саймон Берри, Адам Рассел, Джеймс Колтэст. «У Дианы со всеми были чисто дружеские отношения», — вспоминает Саймон Берри.

Круг ее знакомых составляли порядочные, хорошо воспитанные молодые люди, взаимоотношения с которыми не выходили за рамки взаимной искренней дружбы. «Диана никогда не выбирала знакомых, руководствуясь тщеславием или расчетом», — замечает Рори Скотт. Она нередко опекала друзей-военных или неудачливых поклонников сестры Сары, которым от души сочувствовала.

Диана обстирывала Уильяма ван Страубензе, отвергнутого безжалостной Сарой, гладила рубашки для Рори Скотта. Она часто проводила уик-энд в усадьбе его родителей близ Петворта в

Западном Суссексе и продолжала заботиться о Рори и его гардеробе даже после того, как начался их роман с принцем Чарльзом. Однажды Диана принесла стопку свежевыстиранных рубашек прямо к Сент-Джеймсскому дворцу, где Рори нес караул: тогда ей уже приходилось соблюдать конспирацию, чтобы избежать назойливых репортеров. Еще один военный, Джеймс Бои, часто приглашал ее в театр или ресторан. Когда Саймон Берри и Адам Рассел поступили в Оксфордский университет, Диана охотно ездила к ним в гости в Бленгейм, где они сняли дом.

У нее было много друзей, но ни к кому из них не возникло более глубокое чувство. Смутное ощущение, что она отмечена судьбой, с ранних лет определяло взаимоотношения Дианы с противоположным полом. Она так и говорит: «Я знала, что нельзя размениваться — главное впереди».

«Не могу похвастаться особой проницательностью, но у меня всегда было такое чувство, что она знает, что делает, и сама отдает себе в этом отчет, — признается Кэролин Бартоломью. — Она обладала особой аурой, защищавшей ее от притязаний мужчин. Хотели они того или нет, им всегда приходилось держаться на расстоянии. Она была окружена золотым ореолом избранности».

Это удивительное свойство замечали и друзья-мужчины. Рори Скотт говорит со всей откровенностью: «Она была чертовски привлекательна как женщина, и мои чувства к ней отнюдь не были платоническими. Однако наши отношения не выходили за рамки дружбы. Приходилось соблюдать дистанцию, и меня не покидало ощущение, что самого главного о ней никогда не узнаешь». Адам Рассел тоже был явно неравнодушен к Диане. В 1979 году он защитил диплом по языкознанию в Оксфордском университете и решил отправиться путешествовать на год. Перед отъездом Адам намекнул, что надеется на нечто большее, чем дружба, после своего возвращения. Однако, когда он приехал домой год спустя, было уже поздно. Один из друзей сказал ему: «У тебя только один соперник — принц Уэльский».

Этой зимой началось сближение Дианы с королевским семейством. К Рождеству она получила неожиданный подарок: приглашение на королевскую охоту в Сандрингемское поместье. В феврале Диане предстояло в числе прочих гостей провести уик-энд вместе с членами королевского дома. Люсинда Крэйг-Харви, которую в узком кругу звали Берил, вспоминает, как взволновало Диану это приглашение. «Представляешь, я поеду на охоту в Сандрингем!» — сообщила Диана подруге, стоя на коленях с тряпкой в руке: она, как истая Золушка, как раз мыла пол в кухне.

«Вот это да, а вдруг ты станешь следующей королевой Англии», — ответила шуткой Берил. Диана парировала, отжимая половую тряпку: «Вряд ли, Берил: бальное платье и лайковые перчатки — это не для меня».

В жизни Дианы назревали крутые перемены, а вот у Сары дела не клеились. Она была помолвлена с Нэйлом Мак-Корквodэйлом, в прошлом офицером Колдстримского гвардейского полка. Как гром среди ясного неба прозвучало сообщение об отмене церемонии бракосочетания, назначенной на конец февраля. Заинтересованные стороны выясняли отношения в устной и письменной форме, причем Сара не скупилась на резкие выражения (это вообще в духе Спенсеров). Эта история в конце концов увенчалась свадьбой в мае 1980 года, но до тех пор Саре довелось испытать немало горьких минут. Диана в это время была на седьмом небе от радости. Дело вовсе не в том, что ее радовала предстоящая встреча с принцем Чарльзом. Просто королевская охота была для нее первым выходом в «большой свет». Что касается принца, она по-прежнему испытывала перед ним благоговейный трепет и, разумеется, глубоко сочувствовала его горю: всего лишь полгода назад его высокородный дед граф Маунтбеттен погиб от руки ирландских террористов. Во всяком случае на следующий день после королевской охоты, когда наша аристократическая Золушка, как всегда, драила полы в квартире своей старшей сестры, ей с трудом верилось, что все, что было накануне, — не сон, а явь.

Неумолимая логика здравого смысла заглушала слабый голос интуитивного предчувствия. Диана не могла не понимать, что у принца большой выбор потенциальных невест. По дороге в Сандрингем она встретилась с леди Амандой, правнучкой убитого графа, которую лорд Маунтбеттен настоятельно рекомендовал не только самому наследнику престола, но и всему королевскому семейству. Стоит напомнить, что именно покойный граф сумел, вопреки скептицизму Георга VI, устроить брак принцессы Елизаветы и своего племянника принца Филиппа.

Кандидатуру Дианы вообще никто не принимал в расчет. Что же касается леди Аманды, то лица из ближайшего окружения принца Чарльза, наблюдавшие тактические маневры старого графа, считали ее брак с наследником делом решенным. Достаточно заглянуть в рабочий дневник принца за 1979 год, чтобы убедиться, как часто он гостил в Броудландз, фамильной резиденции Маунтбеттенов, куда его приглашали под предлогом рыбалки или охоты. Во время этих уик-эндов Аманда была с ним неразлучна, и достоверно известно, что если бы не обнаружилась ее связь с неким дипломатом, этот роман мог увенчаться

свадьбой. Потрясенный убийством Маунтбеттена в августе 1979 года, Чарльз продолжал часто видеться с Амандой: общее горе сближало. Кто знает, как сложилась бы дальнейшая история королевской династии, если бы Чарльз не узнал, что у него есть соперник, и если бы не ушел из жизни старый граф, игравший роль «королевской свахи».

Кандидатура официальной претендентки, леди Аманды, была оптимальной по всем придворным параметрам, начиная с происхождения и воспитания. Однако параллельно у принца завязался бурный роман с Анной Уоллес, дочерью шотландского помещика — они познакомились во время охоты на лис в ноябре 1979 года. Темпераментная Анна, с ее своевольным и импульсивным характером, не вписывалась в церемонные рамки придворного образа жизни. Не без основания ее прозвали «хлесткой Уоллес». Тем не менее принц Чарльз, который, по его собственному признанию, вообще был влюбчив, продолжал встречаться с этой дамой, хотя доброжелатели намекали, что у нее есть и другие поклонники.

Их отношения зашли так далеко, что, говорят, он однажды даже сделал ей предложение. Анна якобы отказала, но и это не умерило его пыл. В мае вездесущие журналисты сфотографировали, как они загорают на одеяле в королевской резиденции Балморал. Вторжение в его частную жизнь привело Чарльза в такую ярость, что он уполномочил лорда Триона, принимавшего участие в пикнике, выкрикнуть нецензурное ругательство в адрес бесцеремонных газетчиков.

Развязка была не менее драматичной. В середине июня на торжественном приеме в Виндзорском замке по случаю 80-летия королевы-матери принц Чарльз явно пренебрегал Анной. По крайней мере она сама так считала: присутствующие слышали, как она резко выговаривала Чарльзу: «Вы напрасно меня игнорируете. Никогда в жизни меня так не унижали. Я не потерплю подобного обращения ни от кого, даже от вас!» Когда они встретились в следующий раз на балу, в доме лорда Вести, он вел себя точно так же. Анна кипела от злости, наблюдая, как принц самозабвенно танцует с Камиллой Паркер-Боулз. Чарльз до такой степени потерял голову из-за Камиллы, что забыл о долге вежливости перед хозяйкой дома. Потеряв терпение, Анна воспользовалась машиной леди Вести и укатила прочь в разгар веселья, оскорбленная публичным унижением. Не прошло и месяца, как она вышла замуж за Джонни Хескета, младшего брата лорда Хескета.

В этой связи уместно задать вопрос: на кого, собственно, обиделась Анна: на самого принца или на женщину,

вскружившую ему голову? Если они действительно собирались пожениться, 25-летняя Анна с ее жизненным опытом должна была осознавать, насколько сильно он привязан к Камилле Паркер-Боулз. В отличие от Дианы, которая слишком поздно разобралась, что к чему, Анна не могла не распознать излюбленную тактику Камиллы. Та вовсе не стремилась отбить принца у очередной претендентки — ей только нужно было установить, насколько серьезную угрозу представляет потенциальная супруга их отношениям.

Не исключено, что Анне просто надоело всегда играть вторую скрипку. В годы холостяцкой жизни, да и после женитьбы, принц Чарльз вел себя так, что его подругам приходилось просто подстраиваться под его образ жизни. Принц играл в поло, ловил рыбу, охотился на лис — а они присутствовали в качестве зрительниц, не более того. Если принц предлагал поужинать вместе, девушка отправлялась в Букингемский дворец и не рассчитывала, что он заедет за ней на квартиру. Служащие принца заказывали ложу в опере и даже следили за тем, чтобы дама получала цветы от имени принца. «Очень обаятельный эгоист» — так охарактеризовала принца одна из его близких знакомых. Подобная манера поведения, по замечанию государственного деятеля викторианской эпохи Уолтера Бейджхота, была прерогативой принцев. Сто лет назад он писал: «Самые изысканные удовольствия и развлечения, все радости жизни — к услугам принца Уэльского. Так уж повелось и так будет всегда. Вряд ли можно рассчитывать, что молодой человек, чей дух еще не настолько окреп, чтобы противостоять искушению, станет образцом добродетели».

К лету 1980 года принц Чарльз был мужчиной со сложившимся характером, привыкший к определенному образу жизни. Один из его бывших придворных даже высказывает предположение, что, если бы у принца был выбор, он предпочел бы никогда не жениться. Размышляя над причинами семейной драмы принца, он говорит буквально следующее: «Как ни грустно это признавать, но ему просто незачем было жениться, поскольку он был вполне доволен своей холостяцкой жизнью. Рыболовные снасти в порядке, лошадь для игры в поло под седлом, 5 фунтов церковного сбора уплачены — больше ему не о чем беспокоиться. Все было замечательно. Разбудишь его в 6 часов утра, «Ваше Высочество, пора ехать», — и мы немедленно отправлялись в путь». Многолетняя дружба с Камиллой Паркер-Боулз, которая охотно приспосабливалась к его распорядку, идеально вписывалась в привычный образ жизни.

Чарльзу не повезло, титул сопряжен не только с

привилегиями, но и с обязанностями. Священный долг принца — жениться и произвести на свет наследника престола. Граф Маунтбеттен то и дело поднимал этот вопрос во время вечернего чаепития в Букингемском дворце, а принц Филипп давал понять, что не намерен долго мириться с легкомысленным отношением сына к женитьбе. Призрак герцога Виндзорского, который был вынужден отречься от престола, все чаще маячил перед мысленным взором королевской родни. Все прекрасно понимали, что годы уходят, и у принца все меньше шансов встретить девушку аристократического происхождения и протестантского вероисповедания, достойную стать супругой наследника престола.

Проблема женитьбы принца Уэльского приобрела национальные масштабы. К тому времени Чарльзу было уже 33 года, и он сжег свои корабли, публично заявив, что после 30 пора обзавестись семьей. Принц был вынужден обнародовать проблемы, связанные с выбором подходящей партии. «По-моему, вступить в брак — дело куда более серьезное, чем просто влюбиться, — рассуждал принц. — Семейная жизнь должна основываться на взаимном уважении, а не только на любви… Дружеские чувства наверняка со временем перерастут в истинную любовь. Я, как никто другой, обязан всесторонне обдумать столь ответственный шаг. Перспектива развода меня никак не устраивает».

Принц публично заявлял, что, по его представлениям, брак — это союз мужчины и женщины, в котором жена полностью принимает образ жизни мужа. «Если речь идет о выборе женщины, с которой предстоит разделить следующие пятьдесят лет моей жизни, голос сердца ни в коем случае не должен заглушать голос рассудка», — говорил Чарльз. Таким образом, с его точки зрения, вступление в брак было прежде всего исполнением долга перед династией и перед нацией — задача тем более трудная, что в его случае брачный союз не может быть расторгнут. Среди факторов, определявших его прагматичный подход к выбору спутницы жизни, любовь и счастье занимали далеко не первое место.

В июле 1980 года Чарльз и Диана встретились в доме друга принца Филиппа подполковника Роберта де Пасса и его жены, фрейлины королевы Филиппы — это был первый шаг по дороге, ведущей прямо в собор святого Павла. Их сын Филипп пригласил Диану погостить в усадьбе родителей в Западном Суссексе. Принц собирался играть в конное поло за команду «Les Diable Bleus» (Синие черти). «Тебе будет интересно посмотреть», — сказал Диане Филипп.

После окончания матча устроили пикник. Небольшая компания расположилась на лужайке близ дома де Пассов, и Диану усадили рядом с Чарльзом прямо на охапку сена. После обычного обмена любезностями разговор перешел на смерть графа Маунтбеттена. Диана вспомнила похороны в Вестминстерском аббатстве. По свидетельству друзей, которым она впоследствии пересказала содержание их беседы, Диана сказала Чарльзу: «Помню Ваше лицо во время похорон. У Вас был такой печальный вид. Никогда в жизни не видела ничего более трагичного. Мое сердце разрывалось от боли за Вас. «Он так одинок, — подумала я. — Это несправедливо, кто-то должен быть рядом в эту минуту».

Ее слова попали в самую точку. Чарльз увидел Диану в совершенно новом свете. По словам Дианы, он буквально осыпал ее знаками внимания. Диана не знала, куда деваться от смущения. В то же время ей было лестно, что мужчина старше ее на 12 лет ухаживает за ней с таким пылом. После пикника он подошел к ней опять, и они проболтали до позднего вечера На следующий день Чарльз должен был возвращаться в Букингемский дворец, где его ожидали неотложные дела. Он предложил Диане уехать вместе с ним. Та отказалась, объяснив, что это было бы невежливо по отношению к хозяевам.

С этого момента их отношения перешли в новое качество. По словам Кэролин Бартоломью, «принц Чарльз уверенно вошел в жизнь Дианы. Нет сомнения, что он занимал особое место в ее сердце». Чарльз пригласил Диану в Ройал-Альберт-Холл на «Реквием» Верди — одно из самых любимых ее музыкальных произведений. Диану сопровождала бабушка, леди Фермой, а после концерта они отужинали вместе с принцем в его апартаментах в Букингемском дворце. Небезынтересно привести записку, которую принц адресовал по этому поводу своему тогдашнему камердинеру, ныне покойному Стивену Барри — она показывает, как тщательно планировалось любое событие придворной жизни, включая обычную частную встречу. Принц писал: «Будьте любезны позвонить капитану Энтони Эскуиту (конюшему — прим. авт.) перед выездом на охоту. Предупредите его, что я хочу пригласить леди Диану Спенсер (внучку леди Фермой) на воскресный концерт в Альберт-Холле и затем на ужин в Букингемском дворце. Пожалуйста, спросите его, можно ли устроить эту встречу, и если да, то пусть он позвонит мне днем, когда мы будем обедать дома» (дома — в Букингемском дворце — прим. авт.).

Откуда эта неуверенность, что приглашение будет принято? Дело в том, что, судя по всему, Чарльз не предупредил Диану

заранее. Вот как вспоминает об этом вечере Кэролин: «Я пришла домой около шести часов вечера, а Диана собиралась уходить: «Скорее, помоги, у меня через двадцать минут свидание с Чарльзом!» Что тут началось! Нужно было вымыть голову, высушить волосы феном, выбрать платье, одеться… Но мы уложились ровно в двадцать минут. Однако, позволю спросить, разве прилично приглашать девушку так поздно?»

Не успела Диана прийти в себя после этого безумного вечера, как принц пригласил ее провести уик-энд на королевской яхте «Британия» во время «Каусской недели» — парусной регаты в городе Кауссе на острове Уайт. Яхта «Британия» — старейший корабль королевского флота Великобритании. В период ежегодной Каусской регаты принц Чарльз принимает на ней многочисленных гостей; своих немецких родственников вместе с принцессой Александрой и ее супругом, друзей, участвующих в регате.

Эти дни Диана провела в обществе леди Сары Армстронг-Джоунз, дочери принцессы Маргарет, и Сьюзен Детфорд, ставшей впоследствии второй женой майора Рональда Ферпосона. Она каталась на водных лыжах, а принц Чарльз занимался виндсерфингом. Ходили слухи, что Диана в шутку столкнула принца в воду — в это совершенно невозможно поверить, если знать, как благоговела перед ним Диана. Более того, ей было явно не по себе в окружении гостей Его Высочества. Друзья Чарльза были намного ее старше и вели себя так, как будто им известна подоплека их отношений. Они обращались с ней слишком уж дружелюбно, слишком покровительственно. «Шагу мне не давали ступить», — жаловалась Диана подругам. Ситуация не из приятных для девушки, всегда мечтавшей о самостоятельности.

И на этот раз Диане некогда было разбираться в своих переживаниях. В начале сентября Чарльз пригласил ее в замок Балморал в Шотландии, чтобы полюбоваться традиционными шотландскими играми во время Брэймарского слета. В свое время Балморал, шотландская резиденция королевы, был родовым гнездом герцогов Виндзорских. В 1848 году королева Виктория купила замок и прилегающие угодья: 40 000 акров (16000 га) вересковых зарослей и торфяных болот, где в изобилии водятся куропатки. С тех пор замок стал любимым прибежищем королевской семьи. Можно себе представить, каково было непосвященному освоиться в этом особом мире семейных традиций и причудливых ритуалов, которые возникли Бог весть когда и смысл которых все давно уже позабыли. «Здесь сидеть нельзя», — слышал незадачливый гость, случайно усевшийся в кресло, в котором в последний раз до этого сидела королева

Виктория. Те, кому удавалось благополучно миновать все ловушки этого запутанного лабиринта, негласно именуемого «балморалским экзаменом», могли вздохнуть с облегчением: благосклонность королевской семьи была гарантирована. Если же новичок вел себя неподобающе, он исчезал с королевского небосклона так же быстро, как исчезают туманы с шотландских холмов.

Получив приглашение в Балморал, Диана пришла в ужас. Она панически боялась, что сделает что-нибудь не так. К счастью, ей можно было жить не в главном здании, а вместе с сестрой Джейн и ее мужем Робертом, который в качестве королевского придворного имел честь и привилегию пользоваться особым коттеджем на территории усадьбы. Каждый день ей звонил принц Чарльз и предлагал погулять вместе, принять участие в пикнике и т. д..

Несколько дней они блаженствовали на лоне природы, но идиллию нарушило неожиданное вторжение журналистов. Принц Чарльз как раз удил рыбу на берегу реки Ди, и фоторепортер Джеймс Уайтэкер выследил его с противоположного берега реки с помощью бинокля. Рыболовы едва сами не попались на крючок, Диана тут же сказала Чарльзу, что не намерена позировать, и спряталась за ствол ближайшего дерева. Воспользовавшись зеркальцем от пудреницы, она следила за маневрами Уайтэкера и его конкурентов Кена Леннокса и Артура Эдвардза. Диане удалось с честью выйти из поединка с матерыми газетчиками. Накинув платок поверх шляпки, она вышла из своего укрытия и исчезла в прибрежном сосняке. Как ни старались журналисты поймать ее лицо объективом фотоаппарата, им так и не удалось установить личность спутницы принца Чарльза.

Однако пишущая братия с Флит-Стрит вскоре напала на ее след, и с тех пор Диана, в сущности, утратила право на частную жизнь. Журналисты днем и ночью дежурили у ее дома, фоторепортеры устраивали засаду у ограды детского сада, где она работала. Как-то раз она согласилась позировать фотографам при условии, что после этого они оставят ее в покое. По неопытности, Диана стала спиной к солнцу, и ее хлопчатобумажная юбка на снимке казалась почти прозрачной: сквозь нее были ясно видны очертания ног. «Я знал, что у Вас красивые ноги, однако не мог предположить, что это столь эффектное зрелище, — якобы сказал ей на это принц Чарльз. — Неужели так уж необходимо было демонстрировать их всему свету?»

Принц мог позволить себе пошутить, однако Диане было не до смеха. Она уже поняла, как много неприятностей приносит роман с наследником престола. С раннего утра начинались

телефонные звонки: знакомые сообщали очередные сплетни в газетах. Отключить телефон на ночь? Нельзя, она жила в квартире не одна. Стоило ей сесть за руль своего броского красного «Метро», как машину тесным кольцом окружали репортеры. К ее чести, Диана ни разу не вышла из себя, она неизменно отделывалась вежливыми и ни к чему не обязывающими ответами на вопросы о ее взаимоотношениях с принцем Чарльзом. Она вела себя безупречно. Очень скоро ее обаятельная улыбка и приятные манеры завоевали всеобщие симпатии. «Диана избрала самую верную тактику, — вспоминает Кэролин Бартоломью. — Она не откровенничала с прессой — ведь именно это подвело ее сестру. Она сознательно избегала огласки, понимая, что серьезное решение должно созреть без какого-либо давления извне».

Никто не знал, чего ей это стоило. Хронический стресс изматывал до предела. Лишь в уединении своей квартиры она давала волю чувствам. «Я ревела, как маленькая, закрывшись у себя в комнате. Ничего не могла с собой поделать», — признается Диана. Принц Чарльз никогда не предлагал свою помощь, а когда она, отчаявшись, обратилась в пресс-службу Букингемского дворца, ей сказали, что это ее частное дело. Полностью предоставленная самой себе, Диана мобилизовала все свои внутренние ресурсы, чтобы выжить в этой сложной ситуации.

К ее вящему огорчению, Чарльз, равнодушный к ее проблемам, принимал близко к сердцу все, что касалось его старой знакомой Камиллы Паркер-Боулз. Разговаривая с Дианой по телефону, он нередко сетовал на неприятности, доставляемые Камилле назойливыми журналистами. Диана молчала, стиснув зубы, хотя ей самой приходилось денно и нощно отбиваться от представителей прессы. Жаловаться — нескромно, да и не хотелось отравлять жизнь любимому человеку, взваливая на него бремя своих забот.

По мере того как ее роман с Чарльзом стремительно набирал обороты, Диана все чаще задумывалась над странным поведением своей новой подруги Камиллы Паркер-Боулз. Та, казалось, была в курсе всех проблем, которые обсуждали Чарльз с Дианой, оставаясь наедине, и охотно поучала неопытную Диану, как завоевать расположение принца. Все это казалось слишком подозрительным. Даже Диана, абсолютно неискушенная в делах любви, начинала понимать, что ее возлюбленный ведет себя не совсем так, как должен себя вести влюбленный мужчина. С самого начала в их отношениях ощущалось присутствие третьего лица. Во время пребывания в Балморале Диана жила в коттедже сестры Джейн, а Камилла Паркер-Боулз в числе самых именитых

гостей поселилась под одной крышей с королевским семейством. Если Чарльз приглашал ее на ужин в Букингемский дворец, за столом неизменно присутствовали супруги Паркер-Боулз или близкие друзья Чарльза — Патти и Чарльз Палмер-Томпкинсон.

24 октября 1980 года принц Чарльз участвовал в любительских скачках «Клан-Гандикап» в Ладлоу — он выступал на лошади по кличке Аллибар. Диана была приглашена в качестве зрительницы, а после скачек они провели уик-энд вместе с Паркер-Боулзами в усадьбе Боулхайд-Мэнор в графстве Уилтшир. На следующий день после приезда Чарльз и Эндрю Паркер-Боулз отправились в местное охотничье общество, и Диана провела полдня с Камиллой. Через неделю они опять отдыхали вместе в Боулхайд-Мэнор.

На обратном пути Чарльз предложил Диане осмотреть Хайгроув — загородный дом в Глостершире, который он приобрел в июле (примерно в то же самое время, когда начал ухаживать за Дианой). Показывая Диане дом, принц Чарльз обратился к ней с необычной просьбой: у нее хороший вкус, и он был бы рад, если бы Диана взяла на себя организацию внутренней отделки помещений. Диана была в замешательстве: ведь к тому времени они не были даже помолвлены.

В ноябре разразился скандал, повергший Диану в полное отчаяние. Развернув с утра газету «Санди-Миррор», она не поверила своим глазам: на первой полосе сообщалось, что 5 ноября леди Диана Спенсер имела тайное свидание с принцем Чарльзом в королевском поезде, стоявшем на запасном пути в городе Голт в графстве Уилтшир. На этот раз в ее защиту выступила пресс-служба Букингемского дворца. Королева уполномочила своего пресс-секретаря потребовать опровержения. Диане пришлось объяснять, что в тот самый день она вообще не выходила из своей квартиры, накануне они с Чарльзом присутствовали на торжественном приеме по случаю 50-летнего юбилея принцессы Маргарет, и Диана вернулась домой уже под утро, смертельно усталая. Волею случая главный редактор газеты Боб Эдвардз поместил опровержение как раз в день отъезда принца Чарльза с официальным визитом в Индию и Непал. В связи с этой историей Диана сделала горькое признание: «Ситуация не поддается никакому контролю. Мне не просто надоело все это — я чувствую себя совершенно разбитой».

Мать Дианы, Франсис Шанд-Кид также сочла своим долгом заступиться за младшую дочь. В начале декабря она обратилась с письмом в газету «Тайме», обвиняя газетчиков в том, что непрестанной слежкой и клеветническими публикациями они превратили жизнь ее дочери в сплошной кошмар.

«Господа издатели с Флит-Стрит, объясните наконец, в чем состоит ваш профессиональный долг? Неужели же в том, чтобы с раннего утра до поздней ночи отравлять жизнь моей дочери бесцеремонным вмешательством в ее частную жизнь? Кто вам дал право так обращаться с нею? Разве вообще допустимо такое отношение к людям, независимо от их положения в обществе?» Это письмо побудило шесть членов парламента сделать запрос о «недостойном поведении представителей масс-медиа по отношению к леди Диане Спенсер». Проблема обсуждалась в Совете по печати в присутствии приглашенных по этому поводу представителей печати. Увы: осада квартиры на Коулхерн-Корт продолжалась несмотря ни на что.

Более того, журналисты проникли и в Сандрингемское поместье, зимнюю резиденцию королевского семейства. Несмотря на полицейские кордоны, посредничество пресс-секретарей и табличку «частные владения», державшую газетных ищеек на почтительном расстоянии от самого дома, представители рода Виндзоров не могли похвастаться выдержкой. Говорят, сама королева кричала репортерам: «Уходите отсюда!», а принц Чарльз поздравил их с Новым годом и пожелал издателям газет всевозможных гадостей в наступающем году. Принц Эдуард якобы даже выстрелил в воздух, чтобы отпугнуть фоторепортера «Дэйли-Миррор».

В лагере Спенсеров преобладала иная тактика. Диана и ее подруги проявляли чудеса терпения и изобретательности, стараясь перехитрить газетчиков, обложивших уютную квартирку на Коулхерн-Корт. Однажды, собираясь в поездку с Чарльзом, Диана связала несколько простыней и спустила свой чемодан вниз через кухонное окно, а сама, чтобы ввести в заблуждение дежуривших у подъезда журналистов, вышла из дома налегке. В другой раз она перелезла через мусорные контейнеры и выбралась на улицу через аварийный выход соседнего магазина. Спасаясь от преследователей, девушкам приходилось действовать по всем правилам детективного жанра. Как-то раз Диана и Кэролин бросили среди улицы свою машину и вскочили в автобус. Как назло, автобус попал в дорожную пробку. Тогда девушки выбрались наружу, и, путая следы, пробежали через обувной магазин «Рассел и Бромли», воспользовавшись противоположным выходом. «Это был замечательный трюк, — вспоминает Кэролин. — Мы играли в прятки в самом центре Лондона».

Подруги придумали отвлекающий маневр: Кэролин садилась за руль Дианиной машины и увлекала за собой «хвост» преследователей, а Диана выскальзывала из дома немного погодя

и отправлялась пешком в противоположном направлении. Даже леди Фермой принимала участие в этой игре. В конце 1980 года Диана, как всегда, встретила Рождество в Олторпской усадьбе и вернулась в Лондон, чтобы провести новогоднюю ночь с подругами. Наутро она направилась в Сандрингем, однако по дороге припарковала свою машину — хорошо известную журналистам «Метро» — у Кенсингтонского дворца и незаметно пересела в поджидавшую в условленном месте бабушкину машину. Бедняги-журналисты так и не поняли, каким образом ей удалось ускользнуть.

Газетные заголовки кричали о будущей свадьбе Дианы и принца Уэльского, а она сама все еще не могла разобраться в своих чувствах к Чарльзу. Она стояла перед трудным выбором. Диана никогда прежде не влюблялась и не могла сопоставить поведение своего поклонника с поведением других мужчин. С самого начала этого странного романа она играла роль послушного щенка: хозяин свистнет, и собачка бежит, виляя хвостиком. Для него это было в порядке вещей. Принц Уэльский привык к лести и услужливому восхищению. Он называл ее Дианой, она же говорила ему «сэр».

Он пробуждал у нее материнские чувства. Когда Диана приходила домой со свидания, ее переполняли доброта и сочувствие. То и дело вырывались фразы типа «он так перегружен работой» или «ужасно, как ему приходится разрываться». Он представлялся ей печальным, одиноким мужчиной, который нуждается в любви и заботе. В конце концов она совсем потеряла голову. Ей во что бы то ни стало хотелось заполучить этого человека на всю жизнь, и ради этого Диана была готова проделывать самые головоломные трюки и брать самые непреодолимые барьеры. Диана то и дело обращалась к подругам за советом. Вот что говорит по этому поводу Кэролин: «Все было так, как это обычно бывает в девичьей компании. Некоторые вещи не для посторонних ушей, ну а в общем мы говорили: «Постарайся сделать то-то и то-то». Это было немного похоже на игру».

Диана парила в заоблачных высях первой любви, но иногда трезвые доводы рассудка возвращали ее на землю. Как ни странно, первой ее предостерегла бабушка, леди Рут Фермой, придворная дама королевы-матери. Вопреки широко распространенному мнению, что леди Фермой всячески подталкивала внучку к алтарю, она предупреждала Диану, как нелегко будет войти в королевскую семью. «Ты должна отдавать себе отчет в том, что у них особый стиль жизни и особое чувство юмора», — говорила бабушка. — Не думаю, что тебе это

подходит».

Диану тревожило не только это. Друзья Чарльза были в основном гораздо старше ее, и среди них было слишком много льстецов и подхалимов, окружавших принца плотным кольцом. Чутье подсказывало ей, что влияние людей подобного сорта не может быть для него благотворным. Наконец, ей не давала покоя загадка Камиллы Паркер-Боулз, которая казалась вездесущей и знала обо всех проблемах Дианы и Чарльза еще до того, как они успевали их обсудить. Диана как-то без обиняков спросила Чарльза, в кого он влюблялся до нее. Он честно признался, что всегда предпочитал замужних женщин — по его словам, это безопасно, потому что у них есть мужья, которые несут за них ответственность. И все же Диана была убеждена, что он любит ее по-настоящему: принц вел себя, как пылкий влюбленный. Смущало одно: в течение года он ухаживал поочередно за тремя девушками: Анной Уоллес, леди Амандой и, наконец, за самой Дианой, и во всех трех случаях у него были самые серьезные намерения.

Все сомнения улетучились, когда принц позвонил Дианы с виллы Палмер-Томпкинсонов в Швейцарии, куда он поехал покататься на горных лыжах. Чарльз сказал, что задаст ей очень важный вопрос, когда вернется. Сердце подсказывало, что это за «вопрос», и в эту ночь она не сомкнула глаз, обсуждая с подругами, как ей следует себя вести. Диана была влюблена, ей казалось, что он влюблен не меньше, и все же она чувствовала смутное беспокойство: нет ли тут другой женщины, которая до поры до времени скрывается в тени.

Чарльз вернулся в Англию 5 февраля 1981 года, отдохнувший и загорелый. Это был четверг, и он сразу же отправился на авианосец «Инвинсибл» (непобедимый) — самый современный корабль королевских ВМС, чтобы принять участие в маневрах, а затем поехал в Лондон и переночевал в Букингемском дворце. Принц назначил Диане свидание на завтра, 6 февраля, в пятницу, в Виндзорском замке. Именно здесь он сделал леди Диане Спенсер официальное предложение стать его невестой.

Решающий разговор произошел поздним вечером. Чарльз признался, что ему очень ее не хватало во время отдыха в горах, и не тратя лишних слов, прямо спросил Диану, согласна ли она стать его женой. Эти слова вызвали у Дианы приступ смешливости, но смех замер у неё на губах при взгляде на его убийственно серьезное лицо. Чарльз напомнил, что речь идет о чрезвычайно важном решении: когда-нибудь она станет королевой. В глубине души шевельнулось предчувствие: не бывать ей королевой, и брак с наследником престола не будет

безоблачным, но губы ее в этот момент уже произносили «да». Диана несколько раз повторила, что очень его любит. «Кто знает, что такое любовь», — заметил принц, и эта формула звучала еще не раз в интервью, которые он давал после официального объявления о помолвке.

Чарльз оставил Диану одну, а сам пошел звонить в Сандрингем: нужно было известить королеву о том, что его предложение принято. У Дианы было несколько минут, чтобы еще раз взвесить свое решение. Ее давешняя смешливость объяснялась нервным напряжением и вовсе не означала, что она дала ответ, не продумав последствий. Сомнения были, но любовь к Чарльзу взяла верх. Кроме того, свойственное ей чувство долга и стремление заниматься важным и полезным делом заставили ее сказать «да».

Дома подруги с нетерпением ожидали ее возвращения. Войдя, Диана плюхнулась на свою кровать со словами: «Угадайте, что случилось?» Девушки воскликнули хором: «Он попросил тебя стать его женой?» Диана ответила: «Правильно, а я сказала: «Да, к Вашим услугам!» Подруги бросились ей на шею. Последовали поздравления, поцелуи вперемежку со слезами радости. Потом открыли бутылку шампанского, после чего, несмотря на поздний час, поехали кататься по Лондону. Девушек распирала гордость: никто, кроме них, еще не знал, что произошло событие государственной важности.

На следующий день Диана сообщила новость родителям. Ничего удивительного, что они были глубоко взволнованы и растроганы случившимся. А вот брат Чарльз, узнав, что сестра собирается замуж, сделал вид, что ничего особенного не произошло: «За кого же это?» — поинтересовался он небрежно. На самом деле Чарльз, конечно, не был равнодушен к судьбе сестры. Он хорошо запомнил, в каком она тогда была состоянии: «Когда я увиделся с ней на квартире у матери, Диана буквально светилась от радости. Она находилась в состоянии, близком к экстазу». Все же возникает вопрос, что это было: любовь или честолюбие? Ее брат свидетельствует: «Диана с честью выдержала испытание гласностью. После такого «боевого крещения» она была уверена, что роль супруги наследника престола ей по плечу. Ока выглядела такой счастливой, какой я ее не видел никогда. Ее радость была неподдельной. Просто невозможно изобразить такое абсолютное блаженство, если не чувствуешь его на самом деле. Это отнюдь не было похоже на ликование человека, выигравшего миллион в лотерею — ее лицо выражало радость духовной победы».

Сара, до последнего времени самая популярная

представительница семьи Спенсеров, уступила пальму первенства Диане. Конечно, она была рада за сестру, однако ей не сразу удалось привыкнуть к своему новому статусу сестры будущей принцессы Уэльской. Сара сама признавала, что поначалу немного завидовала Диане, внезапно обрушившейся на нее славе. Джейн оставалась верна себе: радостное событие не отразилось на ее обычной рассудительности. Поскольку ее муж служил личным секретарем королевы-матери, Джейн неплохо знала придворные нравы и с тревогой думала, как трудно придется сестре.

Диана действительно столкнется с серьезными трудностями, но это впереди, а пока она решила взять отпуск — это ведь была последняя возможность отдохнуть спокойно, как частное лицо. Мать с отчимом увезли ее в Австралию, на овцеводческую ферму в Новом Южном Уэльсе. Диана провела десять дней на побережье, наслаждаясь покоем и уединением.

Диана с матерью уже обсуждали детали предстоящего торжества: кого пригласить, где заказать платье — ведь свадьба должна была стать сенсацией года. Журналисты на этот раз безуспешно пытались напасть на след исчезнувшей леди Дианы. Где она прячется, знал только принц Чарльз. Шли дни, Диана томилась в разлуке с любимым, а он все не звонил. Она оправдывала это странное молчание его обычной занятостью государственными делами. В конце концов Диана не выдержала и позвонила сама, однако не застала Чарльза в Букингемском дворце. После этого он все-таки позвонил ей, единственный раз за все время. Диана приуныла, однако принц поспешил загладить свою невнимательность: не успела она переступить порог своей лондонской квартиры, как раздался стук в дверь, и ей вручили роскошный букет цветов. Не найдя в нем записки от своего будущего супруга, Диана с грустью подумала, что это скорее всего формальная любезность протокольной службы принца.

События последующих дней заставили ее позабыть об уязвленном самолюбии. Чарльз, как обычно, занимался верховой ездой под руководством своего тренера, Ника Гейзли. Сначала он ехал рысью, затем пустил своего любимого Аллибара вскачь. Наблюдая за всадником, Диана внезапно почувствовала беспричинный страх и сказала находившемуся рядом телохранителю принца, что Аллибар погибнет от разрыва сердца. Несколько секунд спустя конь резко дернул головой и рухнул на землю. Диана, не помня себя, бросилась к Чарльзу. Тот стоял над неподвижно лежавшей лошадью. 11-летнему Аллибару уже ничем нельзя было помочь — подоспевший ветеринар лишь констатировал смерть. Появились и вездесущие фоторепортеры.

Не желая быть узнанной, Диана накрыла голову курткой и уехала с места происшествия на заднем сиденье «лендровера».

Чарльз не мог даже как следует оплакать своего верного скакуна: согласно жесткому расписанию он должен был немедленно уехать в Уэльс на очередное официальное мероприятие. Диана, как могла, утешала его по телефону. Скоро они воссоединятся навсегда. Не нужно будет больше прятаться, обманывать журналистов. Пришло время открыть миру их тайну.

Было решено официально объявить о помолвке 24 февраля 1981 года. Накануне вечером Диана собрала чемодан, обняла на прощание подруг и навсегда покинула квартиру на Коулхерн-Корт. По пути в королевскую резиденцию ее охранял главный инспектор Скотленд-Ярда Пол Офисер, известный несколько необычным для полицейского хобби: он увлекался древними руническим текстами и тайнами загробного мира. Философски настроенный инспектор сказал Диане на прощание: «Должен Вас предупредить, что с завтрашнего дня Вы перестанете быть свободным человеком. Наслаждайтесь свободой напоследок». У Дианы подкосились ноги: «Эти слова пронзили мое сердце, как меч».

4. «Моя душа жила надеждой…»

Все получилось, как в сказке: после долгих поисков прекрасный принц наконец нашел свою Золушку, и хрустальная туфелька пришлась впору. Народ с ликованием ожидал свадьбы, а Золушка-Диана, оказавшись в королевских покоях, чувствовала себя одинокой и несчастной. Дверца золотой клетки захлопнулась, отделив ее от прежней жизни, от родных и друзей.

Несмотря на аристократическое происхождение, вчерашняя воспитательница детского сада, слишком юная и неопытная, чувствовала себя совершенно беспомощной в сложной иерархии Букингемского дворца. Сколько слез было пролито за эти три месяца, и сколько ей предстоит еще плакать потом! Диана таяла на глазах: если до объявления о помолвке объем ее талии составлял 29 дюймов (72 см), то ко дню свадьбы — 24 дюйма (60 см). Именно в этот переломный период начала развиваться нервная булимия — болезнь, которую ей удастся победить лишь десять лет спустя. Однажды Диана послала подругам на старую квартиру записку: «Ради всего святого, звоните: мне будет вас очень не хватать». К несчастью, ее опасения оправдались в полной мере.

Кэролин Бартоломью, хорошо знавшая, как трудно Диана приспосабливалась к новым условиям, вспоминает: «Она переехала в Букингемский дворец, и ее жизнь превратилась в сплошной кошмар. Бедняжка страшно исхудала. Я так беспокоилась за нее. Ей было очень плохо, все эти проблемы обрушились непосильным бременем. Она попала в настоящий водоворот, голова шла кругом, и не за что было уцепиться. Это была тень прежней Дианы».

Первая ночь в Кларенс-Хауз, лондонской резиденции королевы-матери, где будущая принцесса должна была жить первое время после официального объявления о помолвке, была похожа на затишье перед бурей. Диана была полностью предоставлена самой себе. Никто из королевской семьи, даже будущий супруг, не потрудились встретить ее на пороге нового мира. В народе прочно укоренился миф о семейной идиллии: королева-мать берет Диану под свое крылышко, тактично объясняя тонкости придворного этикета, а старшая фрейлина королевы, леди Сьюзен Хасси просвещает юную принцессу в области истории британской монархии. На деле обучению Дианы уделялось меньше внимания, чем неопытной продавщице в захудалом супермаркете.

Горничная провела Диану в отведенную ей спальню на

втором этаже. На подушке лежал конверт — записка от Камиллы Паркер-Боулз, написанная за несколько дней до официального объявления о помолвке. В самых любезных выражениях Камилла приглашала ее на прощальный обед перед отъездом принца Чарльза с визитом в Австралию и Новую Зеландию. Именно с этого момента у Дианы зародились подозрения. На обеде Камилла допытывалась, собирается ли Диана ходить на охоту после переезда в усадьбу Хайгроув. Неприятно удивленная бесцеремонностью собеседницы, Диана ответила отрицательно. Камилла даже не пыталась скрыть облегчения. Задним числом Диана сообразила, что она рассчитывала использовать любовь Чарльза к охоте в качестве предлога для встреч.

Жизнь шла своим чередом. Спустя некоторое время Диана перебралась в апартаменты в Букингемский дворец, где они вместе с матерью и несколькими помощниками приступили к подготовке свадебной церемонии и пополнению гардероба. Диана сделала важное открытие: при дворе не любят перемен, но что касается одежды, все обстоит как раз наоборот. Согласно придворному этикету положено соблюдать три официальных сезона в году и в течение дня приходится переодеваться до четырех раз. Ее девичья экипировка: одно вечернее платье, одна шелковая блузка, пара нарядных туфель — никак не соответствовала официальному протоколу. Во время романа с принцем Чарльзом Диана частенько одалживала наряды у подруг, чтобы не ударить лицом в грязь на очередном свидании. Знаменитое голубое платье, в котором она появилась на церемонии помолвки, было куплено по совету матери в одном из лучших лондонских магазинов «Харродз». Чтобы укомплектовать официальный гардероб, Диана обратилась за консультацией к подруге сестры Анне Харви, редактору отдела моды журнала «Вог».

Со временем Диана поняла, что мало одеваться по моде. Ее повседневная одежда должна была выглядеть безупречно на любой, самый придирчивый вкус и, что немаловажно, надежно защищать ее от капризов погоды, вроде внезапно налетевшего ветерка, от которого вздувается юбка — на радость подоспевшим фоторепортерам. С этой целью в кромку юбки вдевается специальный утяжелитель. Диане предстояло овладеть подобными маленькими хитростями и постепенно выработать свой стиль, научившись разбираться в рейтинге мастеров высокой моды. В настоящее время она отдает предпочтение Кэтрин Уокер, Дэвиду Сэссуну, Виктору Эделыптайну.

Однако ее первые шаги в этом направлении не были целенаправленным поиском модельеров, отвечающих ее

индивидуальности — Диана просто выбирала из тех, кого предлагали ее новые знакомые из «Вога». Изготовление подвенечного платья было доверено молодым дизайнерам, Дэвиду и Элизабет Эманюел, чьи работы понравились Диане во время посещения съемок в студии лорда Сноудона в Кенсингтоне. Эти же мастера сделали бальное платье для первого официального выступления Дианы на городском благотворительном празднике в Лондоне. Платье имело почти такой же успех, как ее подвенечный наряд, украсивший собор св. Павла несколькими месяцами позже.

Это было черное платье из шелковой тафты, лиф держался без бретелек вопреки законам гравитации. Диана считала, что девушке ее возраста черный цвет очень к лицу. Увы, принц Чарльз не одобрил ее выбора. Когда Диана зашла к нему в кабинет продемонстрировать свой наряд, он ограничился скептическим замечанием, что черное — цвет траура. Диана возразила, что она пока еще не является членом королевской семьи, а главное, у нее нет другого платья, подходящего для столь торжественного случая.

Критическая реплика не прибавила Диане уверенности в себе, когда она вышла из Голдсмит-Холл под перекрестный огонь фотовспышек. К тому времени у нее было весьма смутное представление о том, как надлежит держаться члену королевской семьи, и Диана замирала от страха, как бы жениху не пришлось за нее краснеть. «Это были кошмарные мгновения», — признавалась Диана подругам. Кстати, на этом балу она познакомилась с принцессой Грэйс де Монако — женщиной, которой восхищалась до этого заочно.

Принцесса Грэйс, очевидно, заметила, что Диана нервничает. Не обращая внимания на остальных гостей, которые продолжали шушукаться по поводу смелого наряда Дианы, она увела ее в дамскую комнату. Там Диана отвела душу, рассказав, что чувствует себя одинокой, устает от «паблисити» и вообще, со страхом смотрит в будущее. «Не бойтесь, — пошутила принцесса Грэйс, — а то будет еще хуже».

В конце марта Чарльз уехал в Австралию, где должен был провести пять недель. Прежде чем ступить на трап пассажирского авиалайнера Ви-Си—10, он пожал ее руку и поцеловал в обе щеки. Провожая взглядом самолет, Диана сорвалась: разрыдалась при всех. Народ умилился непосредственности юной невесты, но истинную причину слез знала только Диана. За несколько минут до выезда в аэропорт они с Чарльзом беседовали в его кабинете в Букингемском дворце. Внезапно зазвонил телефон. Это была Камилла. Диана не знала, что делать: то ли остаться в кабинете,

то ли выйти, чтобы не смущать Чарльза своим присутствием. В конце концов она покинула кабинет, предоставив ему возможность попрощаться с Камиллой без свидетелей. Она говорила подругам, что чувствовала себя совершенно сломленной.

Диана осталась одна в золотой клетке. После шумной и безалаберной жизни в девичьем «общежитии» Букингемский дворец казался ей чуть ли не тюрьмой. Она пришла к выводу, что это место заряжено «отрицательной энергией». Дипломатичные намеки и уклончивые ответы придворных с каждым днем раздражали все больше: она напрасно пыталась выяснить, что же все-таки связывает ее жениха с Камиллой Паркер-Боулз. Чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, Диана то и дело спускалась со второго этажа, где находились ее апартаменты, вниз, в кухню и болтала с прислугой. Из уст в уста передавали историю о том, как леди Диана, босая, в джинсах, угощала бутербродами растерянного лакея.

Единственной отдушиной были уроки танца. Для этой цели пригласили из школы Вест-Хет ныне покойную пианистку Лили Снип и преподавательницу танца Уэнди Митчелл. Диана занималась классическим танцем и степом (чечеткой). Надев черное трико, она на сорок минут отключалась от мучавших ее проблем.

В эти памятные дни мисс Снип вела дневник, достоверно отражавший переживания леди Дианы Спенсер в связи в приближающимся днем бракосочетания. Первая запись в дневнике мисс Снип, сделанная в пятницу, 5 июля 1981 года, гласит: «Играла в Букингемском дворце для леди Дианы. На уроке поработали от души, не теряли времени даром. После урока леди Диана с лукавым видом сказала: «Теперь, наверное, мисс Снип отправится прямиком к газетчикам на Флит-Стрит». У нее есть чувство юмора, и это будет очень кстати в ближайшем будущем».

На последнем уроке Диана занималась с особым рвением. До венчания оставались считанные дни. Диана с тревогой ожидала перемен в своей жизни. Мисс Снип записала в дневнике: «Леди Диана выглядит усталой — явно недосыпает. Я вручила ей подарок от школы Вест-Хет — прелестную серебряную солонку. Очень понравилась. Леди Диана принялась считать дни, которые ей осталось провести на свободе. Грустно. Перед дворцом толпы народа. Надеемся возобновить уроки в октябре. «Еще 12 дней, и я уже буду не я» — сказала леди Диана».

Несмотря на эти слова Диана не могла не понимать, что ее прежняя индивидуальность давно осталась за воротами

Букингемского дворца. За несколько недель после помолвки она стала более уверенной в себе, более зрелой. Она вела себя все более непринужденно, часто шутила. Изменения в характере и поведении Дианы отмечают в своих воспоминаниях знакомые, встречавшие ее в период между помолвкой и свадьбой. Люсинда Крэйг-Харви, видевшая свою бывшую домработницу на вечере по случаю 30-летия своего зятя Нэйла Мак-Коркводэйла, пишет: «Она умела держать себя так, что все чувствовали дистанцию и невольное благоговение». Джеймс Джилби также отмечает это качество: «Диану принято считать озорной девчонкой, похожей на миллионы других. Это далеко не так. В ней всегда чувствовалось что-то особенное: целеустремленность, упорство, здравый смысл. По мере того как она взрослела, эти черты проявлялись все более ярко».

Перед Чарльзом Диана буквально преклонялась и во всем подчинялась его воле, однако никто другой, судя по всему, не имел над ней такой власти. Что бы ни творилось у нее в душе, внешне она всегда выглядела спокойной, уравновешенной и веселой. На празднике в Виндзорском замке в честь принца Эндрю, которому исполнился 21 год, Диана вела себя совершенно непринужденно, как среди старых друзей. Когда будущий деверь спросил, не видела ли Диана герцогиню Вестминстерскую (супругу самого богатого аристократа в Англии), она шутливо упрекнула его: «Ну же, Эндрю, перестань хвастаться именитыми знакомыми!» Диана была остроумной без язвительности, в отличие от старшей сестры Сары, которая слыла самой колючей розой среди цветов, украшавших великосветские салоны. «Не старайтесь выглядеть серьезными — все равно не поможет», — посоветовала Диана Адаму Расселу, представляя его королеве, принцу Чарльзу и прочим членам королевской семьи на балу в Букингемском дворце за два дня до свадьбы. В этот вечер она выглядела веселой и оживленной и ничуть не тушевалась в присутствии высокопоставленных особ. Ни малейших признаков, что всего лишь несколько часов до этого она захлебывалась от рыданий и всерьез собиралась отменить свадьбу.

Поводом для отчаяния послужила посылка, поступившая накануне в офис Букингемского дворца. Диана находилась там по своим делам и, обнаружив посылку, потребовала, чтобы ее вскрыли. В офисе работало несколько сотрудников, в том числе правая рука принца Чарльза, управляющий финансами Майкл Колбурн, который категорически возражал против распоряжения невесты принца. Диана все же добилась своего, и когда коробку вскрыли, там оказался золотой браслет в виде цепочки с диском, украшенным инициалами «Ф» и «Г» на фоне голубой эмали.

Инициалы означали «Фред» и «Гледис» — так называли друг друга Чарльз и Камилла. Диана узнала о значении этих прозвищ от друзей. Впервые она увидела злополучные инициалы на записке, вложенной в букет цветов для заболевшей Камиллы.

И вот браслет — подарок Чарльза женщине, которая преследовала Диану во время ее романа с принцем, женщине, которой суждено сыграть роковую роль в их супружестве. Служащие побросали работу, пока жених и невеста выясняли отношения по поводу этого подарка. Несмотря на бурный протест и слезы Дианы, Чарльз так и не отказался от своего намерения. За считанные дни до венчания в душе невесты происходила мучительная борьба. Во время репетиции в соборе св. Павла, когда свет юпитеров брызнул ей в лицо, Диана разрыдалась так горько, как будто сердце у нее разрывается от боли.

В последнее воскресенье перед свадьбой Диана присутствовала на матче по конному поло, в котором участвовал Чарльз, и озадаченные зрители видели, как она ушла со стадиона, заливаясь слезами. К этому моменту все уже было готово: в соборе св. Павла были установлены телевизионные камеры, на тротуарах заранее занимали места зеваки, и свадебный торт уже испекли. Атмосфера праздника чувствовалась во всем. Свадьба была назначена на вторник, а в понедельник Диана опять собиралась разорвать помолвку: днем ей сказали, что принц Чарльз отправился к Камилле — вручать браслет. Он даже не взял с собой старшего телохранителя Джона Мак-Лина.

Пока Чарльз сидел у Камиллы, Диана пообедала в Букингемском дворце в обществе сестер, которые как могли утешали и успокаивали расстроенную невесту. У Дианы в голове не укладывалось, как мог Чарльз поступить столь жестоко накануне их свадьбы? Что же будет дальше? Ее мучили самые мрачные предчувствия. Не лучше ли отказаться от всего этого, пока не поздно? «В том-то и дело, что поздно, — говорили сестры, — назад пути нет: твое лицо знает вся страна. Держись, детка, придется довести дело до конца».

На душе у нее кошки скребли, но никто этого не заметил, когда вечером того же дня Диана танцевала на грандиозном балу в Букингемском дворце. Жених с невестой принимали 800 человек гостей — родственников и друзей. Это был незабываемый вечер. На балу царило безудержное веселье. Принцесса Маргарет прицепила к своей диадеме воздушный шарик, а принц Эндрю привязал такой же шарик к фалдам смокинга. Придворный бармен приготовил необыкновенный коктейль под названием «Головокружительный восторг у ступеней трона». Рори Скот вспоминает, как он осрамился, танцуя с Дианой перед носом у

Маргарет Тэтчер, занимавшей тогда пост премьер-министра: то и дело наступал своей партнерше на ноги.

Комик Майк Миллиган выступил с религиозной проповедью, а королева, говорят, заглянула в программку и обрадовалась: «Здесь написано, что музыка живая, не фонограмма» — как будто она впервые об этом узнала. Диана так увлеклась танцами, что дала подержать кому-то из друзей жемчужное ожерелье с бесценным бриллиантом. Ее брат Чарльз, как раз окончивший Итон, с юмором описывает, как он по ошибке раскланялся с лакеем: «Он был буквально увешан медалями, и вокруг было столько особ королевской крови, что я кланялся, как заведенный. Я поклонился, а он взглянул на меня с удивлением и спросил, не желаю ли я чего-нибудь выпить».

Большинство гостей веселились в эту ночь до упаду. «Атмосфера предвкушения счастья была очень заразительна, — вспоминает Адам Рассел. — Ошалев от вина, мы ловили на рассвете такси — праздничное, счастливое безумие».

Ночь накануне венчания Диана провела в Кларенс-Хаузе. Чарльз прислал ей перстень с печаткой, на которой были выгравированы геральдические символы принца Уэльского, и нежную записку, от которой у нее сразу поднялось настроение. Он писал: «Я так горжусь тобой и счастлив, что буду ждать тебя завтра у алтаря. Ты сразишь всех наповал».

Слова любви рассеяли мрачные мысли, однако напряжение, копившееся месяцами, давало себя знать. В этот вечер Диана ужинала с сестрой Джейн. Она ела все подряд и никак не могла насытиться. После ужина ее рвало. Возможно, виной тому был стресс и исключительность ситуации, в которой она находилась, однако скорее всего это были первые симптомы нервной булимии (в ближайшие месяцы заболевание будет прогрессировать с угрожающей быстротой). У Дианы как-то вырвалось признание: «Вечером накануне венчания я была спокойна, абсолютна спокойна. Я знала, что меня поведут на заклание, и изменить уже ничего нельзя».

29 июля 1981 года Диана проснулась рано утром — ее разбудил шум толпы, собравшейся на улице Мэлл, куда выходили окна ее комнаты. Так начался день, который она впоследствии назовет «самым сумбурным днем своей жизни». Прислушиваясь к ликующим выкрикам и пению под окнами дворца, она ощущала ледяное спокойствие и желание, чтобы долгожданное событие наконец свершилось.

За дело взялись парикмахер Дианы Кивин Шэнли, гример Барбара Дэйли и модельеры Дэвид и Элизабет Эманюел. Их старания увенчались успехом: невеста выглядела великолепно.

Брат Дианы Чарльз вспоминает, как преобразилась сестра: «Вообще-то она мало пользуется косметикой, но на этот раз получилось настоящее чудо. Впервые в жизни я поймал себя на мысли, что Диана очень красива. В тот день она выглядела потрясающе и была совершенно спокойна — ни малейших признаков волнения, только немного бледна. Она выглядела счастливой и умиротворенной».

Отец Дианы был не менее потрясен. «Я очень горжусь тобой, дорогая», — сказал он, когда они спускались по лестнице к выходу из дворца. Ему предстояло вести дочь к алтарю, и к собору св. Павла они ехали вместе в прозрачной «хрустальной карете». Садясь в свадебный экипаж, Диана столкнулась с непредвиденными трудностями: роскошный шлейф подвенечного платья длиной 25 футов (7,5 м) явно не был рассчитан на транспортировку в тесном помещении. Модельеры, создавшие это великолепное платье из шелка цвета слоновой кости, слишком поздно спохватились, что невеста поедет в церковь в специальном экипаже. До собора св. Павла было рукой подать, и все же, несмотря на все усилия Дианы, шлейф сильно измялся.

Всю дорогу Диана с тревогой думала, справится ли отец с возложенной на него почетной обязанностью: после удара ему трудно было ходить. «Отец держался прекрасно. Мы были тронуты его мужеством», — вспоминает Чарльз Спенсер. Граф был в приподнятом настроении и несколько раз помахал зрителям, столпившимся на тротуарах. Когда проезжали церковь св. Мартина, восторженный рев толпы стал особенно громким. Граф Спенсер решил, что они уже добрались до места назначения и собрался выходить.

И вот карета остановилась у собора св. Павла. Толпа, затаив дыхание, смотрела, как граф Спенсер, тяжело опираясь на руку дочери, повел ее к жениху. Медленно, очень медленно они шли между рядами кресел к алтарю, и среди гостей, заполнивших собор, Диана успела отыскать глазами Камиллу Паркер-Боулз. Когда она подходила к жениху, сердце ее трепетало от любви и восхищения. Увидев его лицо сквозь фату, Диана мгновенно забыла все страхи и подумала, что она самая счастливая девушка в мире. Ее окрыляла надежда на счастливое будущее с любимым человеком, который, конечно же, тоже будет ее любить, оберегать и поможет преодолевать трудности. Это волнующее зрелище наблюдали не только гости, собравшиеся в храме, но и 750 миллионов телезрителей в более чем семидесяти странах мира. Как выразился архиепископ Кентерберийский, «в такие волшебные мгновения рождаются сказки».

Диане пришлось сделать над собой усилие, чтобы

сосредоточиться на исполнении глубокого реверанса перед королевой. Вообще, накануне свадьбы ее особенно волновало, как бы не погрешить против этикета. Когда Новоиспеченная принцесса вышла на ступени собора св. Павла навстречу ликующим крикам толпы, ее сердце переполняли счастье и надежда. Ей казалось, что приступы булимии, мучавшие ее в последнее время, не более чем следствие нервного напряжения перед свадьбой, и она убедила себя, что миссис Паркер-Боулз осталась в прошлом. Счастье опьяняло, и сегодня, вспоминая свое тогдашнее состояние, Диана говорит с грустной усмешкой: «Моя душа жила надеждой».

Жизнь показала, что она горько ошибалась. Дружба принца Чарльза с Камиллой Паркер-Боулз продолжается по сей день. Для Дианы этот немыслимый треугольник в течение десяти лет служил источником мучительных страданий, гнева и отвращения. В этой борьбе нет победителей. Общий друг Дианы и Чарльза, наблюдавший за перипетиями драмы в продолжение всех десяти лет их супружества, подводит итоги: «Очень жаль, что все сложилось так печально. Больно думать, сколько горя причинило обоим взаимное непонимание, но Диану жаль больше всех».

В тот июльский день Диана не подозревала, что ее ждет впереди. Она упивалась восторженной радостью народа, толпившегося на пути ее следования от собора св. Павла до Букингемского дворца. Там состоялся традиционный королевский завтрак в честь новобрачных. В этот момент Диана чувствовала себя слишком усталой, чтобы трезво оценивать происходящее. Спонтанное выражение любви и преданности тысяч людей произвело на нее ошеломляющее впечатление.

Диана мечтала хотя бы недолго побыть в одиночестве. Казалось, после свадебных торжеств она могла вернуться к более или менее спокойной жизни. Новобрачные укрылись от шума и суеты в усадьбе графа Маунтбетгена в графстве Хэмпшир. Там они провели первые три дня медового месяца, а затем отправились в круиз по Средиземному морю на королевской яхте «Британия», которая дожидалась их в Гибралтарском проливе. У принца Чарльза были своеобразные представления о семейной жизни. Он взял с собой рыболовные снасти, которыми пользовался еще в Хэмпшире, а заодно прихватил полдюжины книг, написанных его другом и наставником, южноафриканским философом сэром Лоренсом Ван-дер-Постом. Предполагалось, что они будут вместе с Дианой изучать мистические трактаты Ван-дер-Поста, а затем обмениваться впечатлениями о прочитанном во время застольных бесед.

У Дианы были совсем другие планы: ей хотелось как можно

больше общаться со своим мужем, чтобы получше его узнать. Пока они были помолвлены, государственные дела то и дело разлучали его с невестой. Да и во время круиза они редко оставались наедине друг с другом. Команда королевской яхты состояла из 21 офицера и 256 матросов. К ужину полагалось одеваться строго по протоколу, за столом присутствовали старшие офицеры, а в соседней комнате играл оркестр Королевской морской пехоты. И Чарльз, и Диана были порядком измучены праздничной суетой и нервным напряжением. Во время круиза можно было расслабиться и отоспаться. Диана много спала и частенько наведывалась на камбуз. Главный кок и прочие матера кулинарных дел трудились без отдыха: приходилось готовить для принцессы закуску в промежутках между завтраком, обедом и ужином, а уж мороженое она поглощала почти безостановочно.

Из года в год придворные повара и друзья Дианы поражались ее аппетиту, тем более что она по-прежнему оставалась очень стройной. В усадьбе Хайгроув она часто совершала набега на кухню даже поздно ночью. Однажды, на глазах у ошеломленного лакея, съела целую отбивную и громадный кусок пирога с фасолью в кухне Виндзорского замка. Рори Скот рассказывает, как Диана опустошила коробку конфет весом 1 фунт (453,6 г) за короткий промежуток времени пока они сыграли партию в бридж. Ясно, что подобный рацион никак нельзя назвать нормальным.

Даже ближайшие родственники не подозревали, что беспорядочное питание и «обжорство» — симптомы нервной булимии. Болезнь начала прогрессировать именно с того момента, как Диана стала принцессой Уэльской. Кэролин Бартоломью, подруга Дианы, которой в конце концов удалось уговорить ее обратиться к врачу, заявляет с полной откровенностью: «Несомненно, Диана заболела из-за того, что вышла замуж за наследника престола. Хотелось бы надеяться на лучшее, но если на нее будут оказывать слишком сильное давление, боюсь, болезнь может вновь обостриться». Согласно последним данным, опубликованным в Медико-фармакологическом бюллетене Ассоциации потребителей, в Великобритании булимией страдают около двух процентов молодых женщин. Больные подвержены приступам неконтролируемого обжорства, а когда приступ проходит, стараются голодать или вызывают у себя рвоту. Они предаются чревоугодию втайне от окружающих, иногда заранее выбрав удобное время, а после припадка часто впадают в депрессию, испытывают чувство вины и ненависти к себе; часто наблюдается суицидальный синдром. Обычно у больных сохраняется

нормальный вес, однако сами себе они кажутся жирными, обрюзгшими, уродливыми. Они ненавидят собственную плоть и в промежутках между «пиршествами» стараются морить себя голодом. Булимия вызывает угнетенное состояние психики, низкую самооценку, утрату контроля над своим поведением. Если болезнь запустить, возможны такие осложнения, как мышечные спазмы, почечная и сердечная недостаточность.

Булимию труднее распознать, чем нервную анорексию (отсутствие аппетита). Страдающие этим коварным заболеванием упорно отказываются признать, что они больны, Напротив, они производят впечатление довольных жизнью людей и всячески стараются помогать другим. Однако за безмятежной улыбкой скрывается раздражение, которое больные пытаются подавить. Особенно подвержены булимии женщины, чья работа связана с уходом за слабыми и беспомощными — медсестры, сиделки и т. п. Заботиться о собственном здоровье кажется им постыдным эгоизмом. Они казнят себя за воображаемые пороки, вызывая рвоту или принимая слабительные средства. По определению медицинского бюллетеня, «нервная булимия (bulimia nervosa) — это опасное заболевание, которое часто носит хронический характер и может привести к летальному исходу. Этим заболеванием страдают многие молодые женщины, у мужчин оно встречается редко».

Предпосылки этого заболевания складываются в детстве в результате неблагоприятной семейной обстановки, а неприятности и осложнения, возникающие во взрослой жизни, могут послужить толчком для его развития. В случае с Дианой роковую роль сыграли эмоциональные перегрузки во время подготовки к свадьбе. В течение нескольких месяцев ей нужно было приспособиться к резко изменившимся обстоятельствам, к тому, что ее частная жизнь стала объектом пристального внимания средств массовой информации. Добавьте к этому постоянную неуверенность из-за двусмысленного поведения жениха, и получится настоящая адская смесь — достаточно одной искры, чтобы произошел взрыв. Как-то незадолго перед свадьбой Чарльз обвил рукой ее талию и сказал что-то насчет ее пышных (по его мнению) форм. Невинное на первый взгляд замечание послужило последней каплей. Вскоре после этого Диана заставила себя извергнуть съеденное, вызвав рвоту. Таким образом она дала выход подавляемому раздражению и неожиданно для себя почувствовала громадное облегчение и уверенность в себе.

Во время медового месяца болезнь быстро прогрессировала Диана вызывала у себя рвоту четыре-пять раз в день. Между нею и

Чарльзом то и дело возникала тень Камиллы Паркер-Боулз, и это подливало масла в огонь. Однажды они сравнивали записи в своих дневниках для деловых встреч, как вдруг из дневника Чарльза выпали две фотографии Камиллы, хранившиеся между страниц. Диана осыпала мужа упреками и, заливаясь слезами, умоляла сказать, наконец, честно, как он относится к ней и к Камилле. Все впустую. Спустя несколько дней принц и принцесса принимали на борту королевской яхты президента Египта Анвара Садата с супругой. Диана сразу заметила, что Чарльз надел новые запонки: переплетенные буквы «си» (с) — начальные буквы имен Чарльз (Charles) и Камилла (Camilla). Диана потребовала объяснений и услышала в ответ, что Камилла действительно подарила ему запонки в память об их дружбе, и в этом нет ничего предосудительного. Диана думала иначе. Впоследствии она возмущенно жаловалась друзьям, как ее раздражают многочисленные мелочи, напоминающие о Камилле.

На людях Диана выглядела оживленной и счастливой. Однажды она заглянула в матросскую кают-компанию и, отхлебнув пива из банки, спела шуточную песню о пьяном моряке. «Мы просто помирали со смеху», — вспоминает об этом эпизоде один из ее слушателей. Когда «Британия» бросила якорь у берегов Итаки, офицеры устроили пикник на залитом лунным светом пляже. Разожгли костер и жарили мясо, а после ужина все присутствующие получили листки бумаги с текстом песен и пели хором под аккордеон.

К концу медового месяца веселье достигло апогея. Офицеры и матросы долго и тщательно готовились к прощальному концерту. В концерте было более четырнадцати номеров, от комических сценок до соленых матросских частушек. Принц и принцесса вернулись в Англию. Они выглядели загоревшими, отдохнувшими и, как положено молодоженам, влюбленными друг в друга.

Молодые супруги поселились в Балморале вместе со всем королевским семейством, однако шотландские туманы не помогли принцессе Уэльской скрыться от посторонних глаз. Они провели в Балморале около двух месяцев, и лишь теперь Диана начала осознавать в полной мере, что значит быть супругой наследника престола. Не только сама Диана, но и другие члены королевского семейства были уверены, что ее звезда потускнеет вскоре после свадьбы. Даже многоопытных газетчиков феномен принцессы Дианы застал врасплох. Читатели жаждали все новых подробностей о жизни принцессы, каждая мелочь вызывала бурный интерес. Журналисты сбивались с ног в поисках людей, когда-либо знавших ее, чтобы взять очередное интервью, ее фотографии не сходили с обложек журналов.

Не прошло и года, как простая девушка, с грехом пополам окончившая среднюю школу и не блиставшая никакими особыми талантами, стала кумиром прессы и читательской публики. Даже ее обыкновенность превозносили до небес. Диана сама закрыла дверцу автомобиля; купила пакетик леденцов — из мелочей повседневного поведения лепился образ простой и человечной принцессы, завоевавшей сердца миллионов обывателей. В ту осень даже ближайшее окружение Дианы — гости Балморала подались ажиотажу. Сама Диана была совершенно сбита с толку. Еще год назад она подрабатывала уборкой чужих квартир и по ночам мазала тестом автомобили провинившихся приятелей под хохот подружек. С тех пор она не совершила ничего из ряда вон выходящего и не понимала, чем вызван интерес к ее персоне.

Общаясь с придворными и гостями королевской резиденции в Шотландии, Диана начала понимать, что окружающие ценят не ее личные качества, а занимаемое ею положение на общественной лестнице. Отныне она не человек из плоти и крови, мыслящий и чувствующий, а символическая фигура. Громкий титул «Ее Королевское Высочество принцесса Уэльская» отделяет ее невидимой стеной не только от простых смертных, но и от самых близких друзей. Согласно протоколу, при первом обращении ее следует именовать «Ваше Королевское Высочество», а в дальнейшем «мэм». Кроме того, полагается делать особый реверанс. Диана испытывала величайшую неловкость. «Пожалуйста, не зови меня «мэм», — попросила она как-то одну из подруг вскоре после свадьбы. Однако, нравилось ей это или нет, общаться с людьми по-старому уже было невозможно.

На каждом шагу Диана обнаруживала, как изменилось поведение окружающих людей. С ней обращались бережно, как с драгоценной фарфоровой статуэткой, которой любуются издалека, но стараются не трогать руками. А ей необходимо было тепло человеческого рукопожатия, дружеский совет, слово утешения и поддержки. Диану подхватило неумолимое течение придворной жизни, незнакомой, во многом чуждой ее характеру и привычкам, но никто не видел, как ей трудно держаться на плаву. Никому не было дела до настоящей Дианы — растерянной молодой женщины, потерявшей точку опоры. Миллионы посторонних глаз жадно ловили ее улыбку, искали и находили подтверждение мифа о безоблачном семейном счастье. Во время знаменитого интервью у моста через реку Ди в поместье Балморал Диана заявила приглашенным представителям масс-медиа, что нет ничего лучше семейной жизни. Но вдали от фото- и телеобъективов молодые супруги постоянно ссорились. Диане повсюду мерещилось присутствие Камиллы. Она подозревала, что

Чарльз встречается с ней и даже советуется насчет своих семейных проблем. По свидетельству одного из близких друзей, «дело доходило до безобразных сцен. Они яростно спорили из-за этой женщины, но Диана ничуть в этом не виновата».

Диана жила на грани эмоционального срыва, периоды любви и нежности к Чарльзу чередовались с приступами безумной ревности. Она по-прежнему обожала мужа, да и он по-своему был в нее влюблен. Супруги часто бродили вместе по окрестным холмам, устраивали привал где-нибудь в зарослях можжевельника, и Чарльз читал ей вслух отрывки из книг Карла Юнга, швейцарского психиатра, или своего любимого Ван-дер-Поста. Чарльз был счастлив и доволен — значит, и Диана чувствовала себя счастливой. Нежные письма, которыми они обменивались в этот период, свидетельствуют о взаимной любви и преданности.

Однако эти романтические прогулки были лишь краткой передышкой от проблем и забот, связанных с новым статусом Дианы. Она не могла расслабиться, и это усугубляло болезненное состояние. Ее постоянно рвало, она худела не по дням, а по часам, так что в конце концов остались буквально кожа да кости. В этот критический момент рядом не было ни одного близкого человека, кому она могла бы излить душу. Диана не без оснований предполагала, что королева и другие члены королевской семьи возьмут сторону ее мужа. Вообще, ее новые родственники по характеру и воспитанию предпочитают избегать эмоциональных потрясений. В этой среде принято держать чувства в узде, а общественный и государственный долг ставится превыше всего. От Дианы, очевидно, ожидали, что она быстро и безболезненно подстроится под традиционный стиль жизни при дворе.

Искать поддержки у родителей и сестер не имело смысла. Они, разумеется, сочувствовали, но твердо стояли на том, что Диана должна смириться с существующим положением вещей. Подруги, особенно ее бывшие соседки по квартире, конечно, стояли бы за нее горой, однако Диана считала, что не имеет права вовлекать их в чисто семейный конфликт. К тому же, она чувствовала, что они, как и все, не желали расставаться с красивой сказкой о принцессе-Золушке. У Дианы не повернулся бы язык открыть уродливую правду. Она осталась совершенно одна на виду у миллионов равнодушных и любопытных глаз. Безысходность породила мысли о смерти — не потому, что она искала смерти, а потому, что искала и не находила поддержки.

Не на шутку встревоженный, ее муж обратился к Лоренсу Ван-дер-Посту с просьбой приехать в Шотландию и помочь

разобраться, что происходит с Дианой. Беседы с философом оказались малоэффективными, и в начале октября Диана вылетела в Лондон, чтобы проконсультироваться у специалистов. Ее осматривали врачи и психологи, прописывали различные транквилизаторы, которые должны были успокоить нервы и восстановить психическое равновесие. Диана неизменно встречала подобные советы в штыки: в глубине души она понимала, что нуждается не в лекарствах, а в элементарном отдыхе и в терпеливом и доброжелательном отношении окружающих. Как раз когда на нее со всех сторон наседали с уговорами слушаться врачей, Диана обнаружила, что беременна. «Бог послал мне Уильяма», — говорила Диана, имея в виду, что теперь она могла с чистой совестью отказаться от таблеток — ведь не известно, какой эффект окажут лекарства на ребенка. Беременность дала ей передышку. Увы, не надолго.

5. «Отчаянные крики о помощи…»

Из апартаментов принца и принцессы в Сандрингемском дворце все чаще доносились звуки ссоры: молодые супруги выясняли отношения на повышенных тонах и, как правило, дело кончалось истерическими рыданиями. Только что встретили Рождество, но настроение у них было далеко не праздничное. Диана была на третьем месяце беременности (старшим сыном Уильямом) и с каждым днем чувствовала, как растет отчуждение между нею и мужем. Это приводило ее в полное отчаяние. Чарльз не хотел или не мог понять, как ей трудно освоиться с новым статусом — семейным и общественным. У нее по-прежнему было достаточно поводов для жгучей ревности. В довершение всего ее мучил токсикоз, и по утрам она с трудом вставала с постели от тошноты и головокружения.

«Только что я была никем, и вот я — принцесса Уэльская, будущая мать, приманка для масс-медиа, член новой, незнакомой семьи — вряд ли одному человеку под силу справиться со всем этим», — говорила Диана спустя годы. Она пыталась добиться понимания и сочувствия — умоляла, требовала, устраивала мужу сцены. В тот январский день 1982 года, впервые встретив Новый год в кругу новой семьи, во время очередной ссоры она пригрозила, что покончит с собой. Чарльз заявил, что не намерен обращать внимания на пустые угрозы и не откажется от прогулки верхом ради ее минутного каприза. Диана доказала, что говорит всерьез. Она бросилась вниз с верхней площадки деревянной лестницы… Одной из первых к распростертому телу подбежала королева-мать. Она была так потрясена случившимся, что ее била дрожь. Пострадавшую немедленно осмотрел местный врач, и вскоре подоспел срочно вызванный из Лондона гинеколог Дианы, Джордж Линкер. Что касается мужа, то он попросту отмахнулся от случившегося и как ни в чем не бывало отправился кататься верхом. По счастливой случайности Диана серьезно не пострадала, хотя в области живота были сильные ушибы и ссадины. После тщательного медицинского осмотра все вздохнули с облегчением: падение не причинило вреда будущему ребенку.

Описанный инцидент был лишь одним из звеньев бесконечной цепочки конфликтов, отравлявших жизнь Чарльзу и Диане в первый год их совместной жизни. Постоянные ссоры — плохая почва для любви. Груз взаимных обид нарастал, как снежный ком. Друг Дианы Джеймс Джилби охарактеризовал ее попытки покончить с собой как «сигнал полного отчаяния:

умоляю, спасите! Спасите!» В первые годы супружества Диана совершила несколько попыток покончить с собой и неоднократно угрожала отнять у себя жизнь. Следует отметить, что эти попытки никогда не носили обдуманный и целенаправленный характер, это действительно были лишь сигналы бедствия: на помощь! спасите!

Однажды Диана бросилась на застекленные дверцы шкафа — это было в Кенсингтонском дворце; в другой раз полоснула бритвой по запястью. Был случай, когда Диана пыталась вонзить в себя зазубренный конец ножа для лимонов; аналогичную попытку она предприняла, воспользовавшись перочинным ножом принца Чарльза, лежавшим у него на тумбочке. В тот раз ей удалось нанести себе несколько порезов на груди и на бедрах. Диана обливалась кровью, а муж, как всегда, читал ей мораль. Он был убежден, что Диана сама усложняет себе жизнь, создавая проблемы на пустом месте. Вскоре после этого эпизода Диана увиделась с сестрой Джейн, и та поинтересовалась, откуда многочисленные порезы. Узнав правду, Джейн пришла в неописуемый ужас.

«Это были просто отчаянные крики о помощи, — так сама Диана говорила впоследствии об этом периоде своей жизни. — Я просто никак не могла переключиться на новый образ жизни, нужно было время». Один из близких друзей, наблюдавший, как складывались тогда отношения между молодыми супругами, недвусмысленно указывает на равнодушие принца Чарльза и полное нежелание считаться с женой именно в тот момент, когда она больше всего нуждалась в поддержке. «Его равнодушие толкало Диану к краю пропасти, хотя, помани он ее — и она пошла бы за ним на край света. Их жизнь могла стать сплошным праздником. Однако в силу своего специфического воспитания и образа жизни, исключавшего полноценные человеческие отношения с окружающими, он, сам того не желая и не понимая, что происходит, постепенно внушал ей ненависть к самой себе».

Во избежание пристрастных оценок, следует отметить, что принц Чарльз предпринимал определенные усилия с целью помочь жене привыкнуть к образу жизни королевского дома, по крайней мере в самом начале их супружеской жизни. Трехдневный визит в Уэльс в ноябре 1981 года стал первым экзаменом. Народ валом валил поглазеть на новую звезду — принцессу Уэльскую. Диана была нарасхват — Чарльзу оставалось только сожалеть, что у него всего одна жена. Если он появлялся на улице в одиночестве — толпа издавала разочарованный стон: они надеялись увидеть его жену. «Кажется, я здесь только для того, чтобы собирать букеты», — шутил

Чарльз. Люди встречали Диану улыбками, однако за спиной удивленно шушукались. Ее трудно было узнать — ничего не осталось от той Дианы, которую видели сразу после медового месяца. Зрителей поразила болезненная худоба принцессы, когда она ступила на уэльский причал..

Она сильно похудела перед свадьбой — но это никого особенно не удивляло. Теперь на нее жалко было смотреть: молодая женщина, с улыбкой принимавшая цветы, пожимавшая протянутые руки — эта женщина казалась прозрачной. Диана была тогда на втором месяце беременности и чувствовала себя отвратительно. Она оделась не по погоде (всю дорогу лил проливной дождь); ее замучила изнурительная тошнота по утрам, а вид огромной толпы, собравшейся на причале, внушал непреодолимый ужас.

Диана не отрицает, что доставляла тогда много хлопот окружающим. Нередко она в слезах умоляла мужа позволить ей пропустить то или иное мероприятие, потому что боялась толпы. У нее не хватало сил и выдержки даже представить себе, как она выйдет к огромным массам народа. Часто, очень часто она мечтала только об одном: вернуться в свою мирную девичью квартиру, к простым и веселым подругам.

Принц Чарльз как мог утешал рыдающую жену и все же настаивал на неукоснительном соблюдении королевского протокола. По понятным причинам он был сильно озабочен, когда Диане предстояло выступить с речью на валлийском языке по случаю присвоения ей звания почетной гражданки Кардиффа, столицы Уэльса. Диана блестяще сдала этот экзамен и заодно открыла для себя еще одну характерную особенность придворных нравов. Сколько бы она ни старалась, каких бы успехов ни добивалась, ее никогда не хвалили — ни муж, ни королевская родня, ни придворные. Она была так уязвима, так неуверенна в себе, а поддержать некому. Диана говорила, что старается изо всех сил и не ради награды. Достаточно одобрительной улыбки, дружеского рукопожатия, — вспоминает подруга Дианы. — Но именно этого она была лишена. Каждое утро, превозмогая тошноту и головокружение, Диана заставляла себя встать, чтобы выполнить свои общественные обязанности. Иной раз отправлялась на очередную официальную церемонию совсем больной — до такой степени Диана боялась подвести мужа и вообще уронить «марку» королевской семьи. Два раза пришлось все-таки отменить запланированные мероприятия. Иногда, сопровождая мужа, она сознавала, что от нее нет никакого толку, но не могла побороть предательскую усталость. Наконец 5 ноября 1981 года было официально объявлено, что принцесса беременна,

и Диана получила возможность открыто говорить о своем недомогании. «Иногда я чувствовала себя отвратительно. Я и не подозревала, что будет так тяжело», — сказала измученная принцесса. Она призналась, что ей ужасно хочется сандвичей с ветчиной и помидорами. На досуге Диана звонила своей подруге Саре Ферпосон, дочери майора Рональда Ферпосона, который являлся спортивным менеджером принца Чарльза. Веселая и энергичная Сара по первому зову бросала свои дела в Лондоне (она работала в агентстве по продаже произведений искусства) и спешила в Букингемский дворец. Ее визиты поднимали настроение будущей матери.

Однако отношения с родственниками по-прежнему оставались натянутыми. Диана наотрез отказалась принимать лекарства: говорила, что не простит себе, если это отразится на физическом и психическом здоровье ребенка. Она с горечью осознавала, что отныне превратилась в источник головной боли для всего королевского семейства. Во время официальных обедов ей часто приходилось покидать свое место за стоном из-за тошноты. Вместо того чтобы просто лечь в постель, она возвращалась к обедающим, считая своим долгом скрывать болезненное состояние.

Повседневный придворный протокол требовал максимального напряжения — что же говорить о публичных церемониях! Визит в Уэльс прошел триумфально, но Диану невыносимо раздражала нежданно-негаданно свалившаяся на нее популярность, огромные толпы зрителей и навязчивое присутствие журналистов. Она оседлала тигра, и отступать была некуда. Первые несколько месяцев ее кидало в дрожь при одной мысли от том что нужно принимать участие в каком-либо официальном мероприятии самостоятельно. По мере возможности Диана старалась везде бывать вместе с мужем. Она молчаливо держалась поближе к мужу, все еще не в силах побороть стеснительность. Когда ей впервые поручили выступить «соло» — зажечь праздничную Рождественскую иллюминацию на Риджент-Стрит в Лондоне, она едва не потеряла дар речи от страха. Отбубнив скороговоркой короткую речь, Диана в полуобморочном состоянии поспешила вернуться домой, в Букингемский дворец. Время шло, а Диана никак не могла привыкнуть выступать публично. Когда-то в детстве она соглашалась выйти на сцену, только если роль будет без слов, и вот теперь она — главное действующее лицо. По собственному признанию принцессы, у нее ушло семь лет, чтобы освоиться с ролью звезды. К счастью, новая королевская звезда оказалась на редкость фотогеничной: она всегда держалась просто, без

аффектации, а ее теплая улыбка приводила фоторепортеров в восторг. Лицо не выдавало душевных бурь. Беспристрастный фотообъектив на этот раз оказался орудием обмана. Нет, не потому, что на фотографиях она выглядела красавицей — так оно и было, хотя Диана не прилагала ни малейших усилий, чтобы блистать. Однако ее образ, навязанный журнальными обложками, скрывал, как чувствительна и ранима живая Диана.

Сама Диана считает, что способность улыбаться даже когда больно передала ей по наследству мать. Когда друзья удивляются, откуда у нее брались силы выглядеть столь лучезарно, Диана объясняет: «Это у меня от матери. Не показывать виду даже если на душе полный мрак. Пусть все думают, что ты счастлива и довольна. Моя мать всегда держится молодцом, и я стараюсь от нее не отставать. Это помогает бороться с трудностями». В отличие от своей сестры Сары, страдавшей анорексией, из-за которой у нее совсем не было аппетита, Диана не морила себя голодом до полного истощения. За исключением наиболее трудных периодов, у нее сохранялся нормальный вес тела, и это тоже помогало выглядеть здоровой и довольной жизнью. Она регулярно занималась спортом, не курила и почти не пила, рано ложилась спать, короче говоря, вела здоровый образ жизни, дававший силы, чтобы выдержать бремя общественного долга. Специалисты так объясняют эту особенность протекания булимии: «Страдающие булимией не признают себя больными. Они всегда улыбаются, не жалуются на жизнь, а наоборот, стараются помочь другим. Однако на деле они глубоко несчастны, поскольку не смеют дать выход подспудному раздражению». Наконец, присущее Диане чувство долга побуждало ее держать марку и не выносить, как говорится, сор из избы. Вот свидетельство близких друзей: «На людях она держалась совсем иначе, чем в частной жизни. Народ жаждал чуда: явится принцесса из сказки, и от ее прикосновения прах превратится в золото. Верили в нее, как в избавительницу, и мало кто подозревал, что она обрекла себя на крестную муку ради этой веры». Навязанная ей неслыханная популярность застала врасплох, и Диана училась на собственных шишках и ссадинах. Некому было подстраховать. От королевской родни не приходилось ждать ни совета, ни утешения. Она действовала наугад, по наитию. Придворные Чарльза привыкли к четко отлаженному режиму и устоявшимся привычкам неженатого человека. Его женитьба перевернула все вверх дном. Перед свадьбой в канцелярии принца царила паника: никак не могли подсчитать, какова будет его доля расходов в связи с предстоящими торжествами. По свидетельству одного из бывших

сотрудников, финансовые расчеты были запутаны до предела. Поток подарков, хлынувший вслед за венчанием, явился для всех полной неожиданностью. Хотя штат сотрудников был расширен, Диане самой пришлось взяться за перо, чтобы ответить на часть поздравлений и поблагодарить за подарки. Всего было получено 47 000 писем и 10 000 свадебных подарков.

Иногда Диане казалось, что все это ей снится. Еще вчера она зарабатывала на жизнь мытьем полов, а сегодня принимает пару бронзовых подсвечников в подарок от короля и королевы Швеции или ведет светский разговор с президентом такой-то республики. Хорошо еще, что благодаря аристократическому воспитанию у нее был навык подобного общения. Это пригодилось еще и потому, что в королевском семействе царит своего рода разделение труда: каждый имеет свое поле деятельности и несет за него полную ответственность.

Диана постигала секреты своей новой «профессии» принцессы Уэльской и одновременно осваивала функции хозяйки дома. На ее попечении оказались сразу два дома, которые предстояло отделать и меблировать. Чарльз был в восторге от ее вкуса и предоставил ей полную свободу в этом вопросе. Сама Диана понимала, что без профессиональной помощи не обойтись. Мать рекомендовала ей Дадли Поплака, скромного дизайнера, родом из Южной Африки, который отделал ее собственный дом. Поплак приступил к отделке апартаментов принца и принцессы в Кенсингтонском дворце и дома в усадьбе Хайгроув.

Перед дизайнером стояла нелегкая задача: использовать в интерьере максимальное количество свадебных подарков, разумеется, в рамках здравого смысла и эстетического вкуса. А подарки были самые разные: небольшой комод восемнадцатого века от герцога Веллингтонского, пара кресел конца восемнадцатого столетия в георгианском стиле от народа Бермудских островов, кованые ворота от крестьян соседней деревни Тэтбери… Перечень полученных в дар предметов включал тысячи наименований.

Почти всю беременность Диана жила в Букингемском дворце, пока плотники и маляры трудились в их новых лондонских апартаментах. Лишь за пять недель до рождения принца Уильяма супруги переехали в Кенсингтонекий дворец. Их соседями были: принцесса Маргарет, герцог и герцогиня Глостерские, принц и принцесса Кентские. К моменту переезда силы Дианы были на исходе. Она постоянно жила под прицелом фотообъектива, каждый ее шаг обсуждался в газетах. Без ведома Дианы королева уже попыталась принять меры в ее защиту: журналистов с Флит-Стрит вызвали в Букингемский дворец, где пресс-секретарь

королевы потребовал, чтобы принцессу оставили в покое. Однако это требование не выполнялось.

В феврале Чарльз с Дианой отдыхали на Багамских островах, куда за ними последовали и журналисты. Представитель одной из бульварных газет сфотографировал принцессу в бикини на фоне прибоя. Диана была тогда на пятом месяце. Увидев в печати этот снимок, принц и принцесса были в ярости, канцелярия Букингемского дворца сделала официальное заявление, в котором говорилось, что публикация фотографий является «одним из позорнейших фактов в истории британской журналистики». Этот скандал ознаменовал конец трогательной любви между прессой и принцессой.

Ажиотажный интерес средств массовой информации отнимал у Дианы немало сил, а ведь ее духовные и физические ресурсы и так были истощены до предела. Булимия, токсикоз, семейные неурядицы и ревность к Камилле — все это делало ее жизнь невыносимой. Бесцеремонное любопытство газетчиков в связи с предстоящими родами переполнило чашу терпения. Диана решила прибегнуть к стимуляции родов — вопреки рекомендациям своего гинеколога Джорджа Линкера, который, говорят, любил повторять: «Роды — естественный процесс, и с этим нужно считаться». Диана никогда не забывала печальную судьбу своего умершего во младенчестве брата Джона, однако инстинкт подсказывал ей, что она родит здорового ребенка. «Он замешан как следует», — сказала Диана одной из подруг накануне родов. Принц Чарльз отвез жену в частное отделение больницы св. Марии у Паддингтона, на западе Лондона.

Роды протекали долго и трудно. Диану непрерывно тошнило, и в какой-то момент доктор Пинкер и его коллеги даже склонялись к тому, чтобы сделать кесарево сечение. К тому же у роженицы резко подскочила температура, так что врачи серьезно беспокоились за здоровье младенца. В конце концов применили эпидуральную анестезию (инъекцию в основание позвоночника), и она родила самостоятельно, не понадобились ни операция, ни наложение щипцов.

Радость не поддавалась описанию. 21 июня 1982 года в 21 час 03 минуты Диана произвела на свет мальчика — наследника. Это послужило поводом для всенародного ликования. На следующий день посмотреть на внука пришла сама королева. Комментарий был вполне в ее духе. Взглянув на маленький сверток, королева заметила сухо: «Слава Богу, уши у него не в отца». Второй после Чарльза претендент на королевский титул несколько дней оставался безымянным, поскольку родители не могли договориться, как назвать сына. Чарльз намеревался назвать

первенца Артуром, а второго сына Альбертом. Диана выбрала имена Уильям и Гарри. Впрочем, пожелание отца тоже учли: Артур и Альберт — вторые имена его сыновей. Придет время, и Диана проявит не меньшую твердость в вопросах воспитания сыновей. Принц Чарльз планировал воспитывать детей по старой схеме — так же, как воспитывался он сам: сначала отдать их на попечение Мэйбл Андерсон, своей старой няни, а затем пригласить гувернантку, которая будет руководить начальным образованием детей в стенах Кенсингтонского дворца. Диана восстала против элитарного воспитания, обрекавшего детей на изоляцию от сверстников. Она была убеждена, что мальчики должны учиться вместе с другими детьми и нормально общаться с внешним миром, а не прятаться от него в тиши королевских покоев.

Насколько позволяли жесткие рамки придворного этикета, Диана старалась дать своим детям нормальное воспитание. Печальный опыт ее собственного детства послужил уроком на всю жизнь. Диана твердо знала, что никакая няня не заменит родную мать, и тем более плохо, когда ребенок переходит из рук в руки. Эмоциональный ущерб от такого воспитания невосполним. Диана не могла допустить, чтобы ее дети, лишенные материнской ласки, плакали в кроватке, как когда-то ее брат Чарльз и она сама. К Уильяму пригласили няню, Барбару Барнз, служившую прежде в семье лорда Гленконнера, однако с самого начала Диана дала понять, что намерена сама активно заниматься воспитанием ребенка. Она кормила грудью обоих сыновей, хотя ее старшая сестра Сара не раз пыталась ее отговорить.

На какое-то время радость материнства победила симптомы булимии, мучившей Диану целый год. На третий день после рождения Уильяма к ней в Кексингтонский дворец приехала Кэролин Бартоломью, которая впоследствии рассказывала: «От нее веяло счастьем и удовлетворением. Диана была преисполнена гордости и за себя, и за ребенка». Это настроение передалось и ее мужу. К немалому удивлению старых знакомых, Чарльз был готов часами нянчиться с новорожденным. Один из служащих принца вспоминает их разговор как-то вечером в пятницу: «Я хотел было кое-что вскопать, — сказал Чарльз, — но земля такая твердая, что не воткнешь лопату. Лучше заняться пеленками и подгузниками». Ходили слухи, что принц даже отменяет деловые встречи ради того, чтобы больше времени проводить с семьей, что он сам купает малыша, что подросший Уильям швырнул в унитаз туфли отца.

Однако из Кенсингтонского дворца просачивались не только добрые вести. Рассказывали, что Диана страдает нервным

истощением, и принц сильно озабочен состоянием ее здоровья. Более того, Диану упрекали в том, что она слишком уж прибрала мужа к рукам и оказывает все большее влияние на его друзей и служащих. На деле у принцессы возобновились симптомы булимии с тяжелой формой послеродовой депрессии. Это было закономерно: ее физические силы были подорваны болезнью, и бурные события последнего года до предела расшатали нервную систему.

Трудные роды и наступившая следом психическая реакция давали себя знать. Если раньше Диане удавалось как-то бороться с терзавшими ее подозрениями насчет Камиллы Паркер-Боулз, то теперь она буквально места себе не находила от ревности. Она впадала в панику и бросалась обзванивать знакомых, когда Чарльз не приходил домой в назначенное время; не могла сомкнуть глаз до утра, если он не ночевал дома. Один из друзей вспоминает, как принцесса звонила ему, разыскивая мужа, и по голосу было ясно, что она плачет. Однажды Диана случайно подслушала, как Чарльз, принимая ванну, с кем-то разговаривает по телефону. Ее повергли в отчаяние слова: «Что бы ни случилось, я всегда буду тебя любить».

Диана была раздражительна и плаксива, постоянно беспокоилась о ребенке. «Как там малыш, Барбара?» — то и дело теребила она няню. Свое собственное здоровье совсем запустила. К тому же в этот период ей было очень одиноко. С рождением сына общение с родственниками и друзьями свелось к минимуму. Что касается королевской родни, то с ними отношения еще более усложнились: теперь на Диану смотрели не только с озабоченностью, но и со страхом, приписывая ей вредное влияние на мужа. Родители Чарльза были крайне недовольны тем, что он в последнее время увлекся вегетарианством и решил отказаться от охоты и отстрела дичи. Королевскому семейству принадлежат обширные владения в Шотландии и в графстве Норфолк, и охота считается делом важным и полезным в хозяйстве. Родители опасались, как бы принц вовсе не потерял интерес к этим угодьям, и подозревали, что Диана приложила к этому руку. Как ни лестно было такое предположение, оно совсем не соответствовало реальному положению вещей.

Дела в молодой семье складывались таким образом, что Диана вообще не могла влиять на поведение мужа. Одно дело — выбирать галстуки и фасон рубашек и совсем другое — участвовать в принятии важных решений, как, в частности, об отказе от вековых традиций помещичьего уклада. В таких вопросах мнение Дианы в расчет не принималось. Увлечение принца вегетарианством скорее всего результат его философских

бесед с бывшим телохранителем Полом Офисером — во время долгих автомобильных поездок тот не раз с пеной у рта доказывал преимущества вегетарианского питания.

Именно в этот период Диана сделала важное открытие, проливавшее свет на истинное отношение свекра и свекрови к ее браку. Во время очередной ссоры принц Чарльз в запальчивости проговорился, что его отец, герцог Эдинбургский, якобы поставил условие: если в пятилетний срок их семейная жизнь не наладится, Чарльз сможет вернуться к своему холостяцкому образу жизни. Не известно, насколько реальна была угроза, но с этого момента Диана поняла, что должна рассчитывать каждый свой шаг по отношению к свекру и свекрови.

В Балморале ей стало еще хуже. Погода лишь усугубляла депрессию. Почти непрерывно шли дожди, и когда Диана отправилась в Лондон, заснявшие ее у выхода из дворца фоторепортеры решили, что принцессе стало скучно и она поехала за покупками. На самом деле Диана вынуждена была вернуться в Кенсингтонский дворец, чтобы серьезно заняться своим здоровьем. Она консультировалась с целым радом психотерапевтов и психологов, которые предлагали самые разные методы лечения ее хронической депрессии. Одни настаивали на медикаментозном лечении, как это было во время ее беременности, другие пытались добраться до сути, анализируя ее психику.

Некоторое время ее наблюдал известный психотерапевт, последователь Юнга, доктор Аллан Мах-Глейшен (друг Лоренса Ван-дер-Поста). Его приемная находится как раз неподалеку от Кексингтонского дворца. Его метод заключался в анализе снов Дианы. Она должна была записывать свои сны, чтобы потом обсуждать вместе с врачом их закодированный смысл. Впоследствии Диана призналась друзьям, что эта методика не внушала ей большого доверия. Доктор расстался со своей пациенткой, однако на этом его контакты с королевским семейством не прекратились. Последние несколько лет он наблюдает принца Чарльза, который регулярно является на психотерапевтические сеансы в его приемную на Слоун-Стрит.

Другой врач, Дэвид Митчелл, главное внимание уделял анализу бесед между Дианой и ее мужем. Каждый вечер он просил свою пациентку вспомнить по порядку события прошедшего дня. Диана не скрывала, что разговоры с мужем почти всегда заканчивались слезами. Ее осматривали и другие специалисты. Каждый делал свои выводы и предлагал какие-то меры, однако принцесса чувствовала, что ни один не приблизился к пониманию истинной природы ее болезни.

11 ноября врач Дианы Майкл Линнет поделился своей тревогой по поводу состояния здоровья принцессы с пианисткой Лили Снип, знавшей Диану еще по школе Вест-Хет. Мисс Снип сделала следующую запись в своем дневнике: «Диана очень похорошела, но слишком худая (доктор очень недоволен тем, как она питается). Я спросила, как чувствует себя принц Уильям — прошлой ночью он спал 13 часов! Диана сказала, что малыш просто чудо, и они с Чарльзом его обожают».

По жестокой прихоти судьбы как раз в тот момент, когда Диана все глубже погружалась в бездну отчаяния, общественное мнение обернулось против нее. Газеты перестали расхваливать принцессу-Золушку, а хором порицали ее за «безумную расточительность», кричали, что она якобы способна потратить целое состояние на новые наряды. На нее возлагали ответственность за то, что в продолжение последних восемнадцати месяцев целый ряд придворных чиновников покинули свои посты; наконец, принцессу обвинили в том, что она пытается разлучить Чарльза со старыми друзьями и не разрешает есть мясо. Даже пресс-секретарь королевы охарактеризовал взаимоотношения супругов как «весьма неровные». Именно в тот момент, когда в мозгу Дианы периодически вспыхивала мысль о самоубийстве, ведущий раздела светской хроники одной из газет назвал ее дословно «исчадием ада и монстром». Несмотря на то, что эта вопиющая ложь не имела ничего общего с реальными фактами, Диана принимала нападки журналистов очень близко к сердцу.

Брат Дианы Чарльз бросил неосторожную фразу, которую недоброжелатели тотчас взяли на вооружение. Вот его слова: «Она без лишнего шума избавилась от некоторых лизоблюдов, окружавших принца». Ссылаясь на эту фразу, говорили, что именно Диана затеяла кадровую чехарду в Хайгроуве и Кенсингтонском дворце, хотя на самом деле ее брат имел в виду не служащих, а многочисленных друзей-подхалимов, липнувших к принцу.

В этот период Диана думала только о том, чтобы выжить, и у нее не было сил затевать коренные преобразования управленческих структур при дворе принца Уэльского. Впрочем, она не боялась признать свою вину, когда было что признавать. Диана, например, не отрицала, что была резка с Джеймсом Уайтэкером — за что газеты злорадно обозвали ее «котенком, вообразившим себя львом». Диана сказала ему в сердцах: «Вы должны понять, что я не несу никакой ответственности за увольнения. Не в моей власти увольнять людей». Поводом для инцидента послужила отставка Эдуарда Эйдина, личного

секретаря принца Чарльза, принадлежащего к древнему роду, который верой и правдой служил монархии, начиная с короля Георга V.

Как раз с Эдуардом у нее складывались самые дружеские отношения. Многих из его протеже она приняла в качестве своих придворных дам. Со своей стороны, Диане очень хотелось женить старого холостяка, и она усердно выполняла роль свахи, знакомя Эдуарда с незамужними девицами.

Когда уволился Стивен Барри, преданный камердинер Чарльза, опять все свалили на Диану. А ведь он сам говорил ей, что подумывает об отставке — еще во время медового месяца в Средиземном море, когда они сидели на палубе, любуясь ярким закатом. Несколько лет спустя Стивен умер от СПИДа. А тогда Диана с грустью подумала, что его отставка наверняка вызовет кривотолки — так же, как и уход телохранителя принца — Джона Мак-Лина и некоторых других сотрудников, служивших принцу до его женитьбы. Возможно, эти люди сочли, что раз принц пристроен в «надежные руки», можно с чистой совестью удалиться.

В первые годы замужества, когда Диана осваивала трудную роль супруги наследника престола, судьба несколько раз посылала ей испытания, из которых она выходила с честью и с надеждой, что сумеет быть полезной королевскому дому и своей стране. Ее дебют в качестве представительницы королевского семейства совпал с трагическими обстоятельствами. В сентябре 1982 года принцесса Монако Грэйс погибла в автомобильной катастрофе, и Диана решила во что бы то ни стало присутствовать на похоронах. Она хотела почтить память женщины, которая проявила чуткость и доброту, поддержав невесту принца на ее первом балу восемнадцать месяцев назад. Кроме того, Диана чувствовала своего рода солидарность с принцессой Грэйс, которая, подобно ей самой, вошла в королевскую семью извне, не будучи королевской крови. Сначала она обсудила свое намерение с мужем. Чарльз воспринял новость без особого энтузиазма и сказал, что нужно получить разрешение королевы. Диана обратилась в письменной форме к личному секретарю королевы (так было принято при дворе). Тот ответил отрицательно, объяснив, что Диана заняла свой пост совсем недавно и не имеет достаточно опыта. Диана не смирилась: речь шла о вопросе, которому она придавала принципиальное значение. Она написала письмо непосредственно королеве, которая дала согласие на поездку. Диана впервые отправилась за границу одна в качестве официальной представительницы королевского дома и сумела оправдать доверие. Похороны —

мрачная церемония, которая одних отпугивает, а других располагает к мелодраматизму. По общему признанию, Диана вела себя в трудных обстоятельствах с редким достоинством, что особо отмечалось в прессе.

Вскоре после «боевого крещения» на горизонте появились новые проблемы. Принц Уэльский с супругой получили приглашение от правительства Австралии посетить страну с официальным визитом. Принц Уильям еще не начал ходить, и в газетах было много споров: как это Диане удалось уговорить королеву отпустить малыша в дальнюю дорогу. Однако королева тут была вообще ни при чем. Дело в том, что премьер-министр Австралии Малькольм Фрезер сам проявил инициативу и послал письмо, в котором заверил молодых родителей, что вполне понимает их проблемы и потому предлагает взять маленького сына с собой. До этого письма они уже практически смирились с мыслью, что придется оставить сына дома на четыре недели. Благодаря предупредительности Фрезера, принц и принцесса смогли продлить австралийское турне еще на две недели и посетили Новую Зеландию.

Во время визита принц Уильям вместе с няней Барбарой Барнз находились в обширном поместье под надежной защитой специально отобранных телохранителей. Хотя родители виделись с сыном лишь во время недолгих перерывов в предельно насыщенной программе, Диана была рада и этому. Кроме того, каждое свидание служило благодарной темой для разговоров: родители с радостью замечали, как он растет, меняется, и потом долго вспоминали и обсуждали эти изменения.

Австралийское турне стало для Дианы экзаменом на выносливость. Принца и принцессу встречали так горячо, с таким воодушевлением, с каким ей впоследствии редко приходилось сталкиваться. Из 17 миллионов жителей страны около одного миллиона наиболее ярых почитателей переезжали из города в город по всему маршруту следования высоких гостей. Восторг толпы граничил иногда с истерией. В Бризбейне ажиотаж достиг точки кипения. Трехсоттысячная толпа заполнила центр города, и достаточно было привести в движение эту массу, чтобы люди передавили друг друга. Ни сам принц, ни его придворные никогда еще не видели такого восторженного приема.

Первые дни было особенно трудно: изматывающие перелеты, нервное напряжение, приступы булимии… После первого официального посещения авиационного училища Элис-Спрингз-Скул Диана разрыдалась, оставшись наедине со своей придворной дамой Анной Бекуит-Смит. Ей так хотелось увидеть Уильяма, хотелось домой, хотелось бежать куда глаза глядят, лишь бы

подальше от этого места. Даже Анна, зрелая 29-летняя женщина, была совершенно разбитой. Сама Диана чувствовала себя как ребенок, которого учат плавать, бросив в воду на большой глубине: либо плыви, либо пойдешь ко дну. Она поднатужилась и — выплыла.

Диана, естественно, смотрела на мужа, как на советчика и руководителя, однако, реакция общественности и средств массовой информации отнюдь не способствовала взаимопониманию между супругами. Как и в Уэльсе, толпы собравшихся на улице не скрывали разочарования, если принц Чарльз выходил на прогулку без жены. Ее фотографии не сходили с первых страниц газет и журнальных обложек. Чарльзу ничего не оставалось, как подбирать букеты, брошенные к ее ногам. То же самое было, когда они ездили с трехнедельным визитом в Канаду в том же году. Один из бывших придворных принца Чарльза комментировал это следующим образом: «Он никак не ожидал подобной реакции. В конце концов, именно он был принцем Уэльским. Он выходил из машины — и толпа стонала от разочарования. Это не могло не задевать его самолюбия и в конце концов он стал ревновать. Со временем их поездки вдвоем стали походить на совместные турне двух конкурирующих поп-звезд. Увы, дух соперничества в немалой степени способствовал тому, что в настоящее время они участвуют в официальных мероприятиях порознь».

На людях принц Чарльз не показывал виду, что его раздражает падение его популярности, но с глазу на глаз он не скрывал своих претензий к жене. Не кривя душой, она говорила в свое оправдание, что вовсе не жаждет шумной славы, наоборот, внимание средств массовой информации постоянно отравляет ей жизнь. В самом деле, природа хронического заболевания, которым страдала Диана, непосредственно связана с самооценкой, с отвращением к своей внешности — поэтому ежедневно видеть свое многократно тиражированное изображение на журнальных обложках не доставляло ей никакой радости.

Несмотря на чудовищные перегрузки, в конечном счете австралийское турне стало поворотной точкой в ее жизни. Диана покинула Лондон девочкой, а вернулась взрослой женщиной. Конечно, эта перемена ни в какое сравнение не идет с той метаморфозой, которая произойдет спустя несколько лет, и все же это были первые признаки сложного процесса раскрепощения личности. В течение долгого времени ее угнетало ощущение собственной беспомощности, несостоятельности перед лицом новых задач, поставленных жизнью. Теперь, благодаря

приобретенному опыту, Диана знала, что роль официального представителя королевской семьи ей вполне по плечу. В будущем ее ждет еще немало травм, и немало будет пролито слез, но самое страшное осталось позади. Диана принялась по кусочку складывать рассыпавшуюся мозаику своей жизни. Давно, очень давно она не виделась со старыми друзьями — не хватало духу. Они — вольные пташки, им не понять каково ей, запертой в золотой клетке королевского дворца. Казалось бы, звезда мировой величины должна смотреть свысока на прежнюю жизнь с ее мелкими радостями: дружескими вечеринками, розыгрышами, веселыми уикендами… Но для Дианы эти мелочи символизировали свободу, и ей больно было думать об этом.

Да и какой она предстанет перед друзьями юности: несчастная, раздавленная, тень прежней Дианы. Подобно больному зверю она стремилась зализывать раны вдали от чужих глаз. Грандиозный успех австралийского и канадского турне вернул ей веру в свои силы. Диана принялась писать письма, возобновляя дружеские отношения с членами своей прежней лондонской компании. В их числе был и Адам Рассел, которому Диана назначила встречу в итальянском ресторане в Пимлико, в центре Лондона.

Адам увидел совсем новую Диану, не похожую на веселую, озорную девушку, с которой он познакомился среди горных вершин. Она держалась гораздо увереннее, с непринужденным остроумием поддерживала беседу, но за шутками безошибочно угадывались печаль и одиночество. «При каждом движении она слышала позвякивание золотых цепей. Чувствовалось, что Диана еще не привыкла к этому», — вспоминает Адам Рассел.

Самая большая роскошь, о которой она мечтала, — расслабиться перед телевизором, смакуя тост с запеченной фасолью. «Так я представляю себе райскую жизнь», — поведала Диана своему собеседнику. Что касается изменений в ее общественном статусе, то прежде всего бросалась в глаза фигура телохранителя из Скотленд-Ярда, маячившая за соседним столиком. Диана далеко не сразу привыкла к тому, что у нее появилась вторая тень. Постоянное присутствие вооруженного полицейского служило самым веским напоминанием, что она больше не принадлежит самой себе. Подумать только: когда-то она могла включить на полную мощность магнитофон и наслаждаться звуками любимой музыки, путешествуя в полном одиночестве на своей машине. Теперь ежеминутно приходилось считаться с желаниями и настроением постоянного спутника.

В первое время Диана позволяла себе по вечерам прокатиться с ветерком, оставив дома заботливого «опекуна». Во время одной

из таких прогулок по лондонским улицам за ее автомобилем увязались на машине несколько разгоряченных молодых арабов. Теперь принцесса предпочитает ездить к южному побережью, где можно подставить лицо свежему морскому ветру, почувствовать, как он перебирает волосы. Диана любит отдыхать у воды, на берегах реки Ди или у моря.

Присутствие вооруженного телохранителя служило постоянным напоминанием о невидимой грани, которая пролегла между Дианой и простыми смертными. Это напоминало о том, что в любой момент она может стать жертвой анонимного террориста или невесть откуда взявшегося психопата. Меры предосторожности отнюдь не были пустой прихотью: на принцессу Анну было совершено дерзкое нападение с целью похищения в самом центре Лондона, буквально в нескольких ярдах от Букингемского дворца. В последний момент был обнаружен незаметно проникший в спальню королевы безработный Майкл Фэйган. Таким образом, жизнь членов королевского семейства подвергалась постоянной опасности. Диана восприняла новый фактор своего существования с присущим ей реализмом. Она прошла курс обучения в одном из подразделений войск спецназа, где ее тренировали водить машину в экстремальных условиях, имитирующих нападение террористов или попытку похищения. «Нападавшие» бросали в ее машину гранаты и дымовые шашки, чтобы максимально приблизить урок к жестокой реальности. Кроме того, она ездила в Липиц-Хилл в графстве Эссекс, где тренируются в стрельбе офицеры Столичной полиции. Там ее научили владеть револьвером 38-го калибра системы Смит и Вессон и автоматическим пистолетом системы Хеклер и Кох, которые в настоящее время находятся на вооружении у Королевской службы безопасности.

Постепенно Диана свыклась со своей второй тенью. Более того, телохранители не докучали ей своим присутствием, а при ближайшем знакомстве оказывались приятными и умными собеседниками — часто куда более приятными, чем многие придворные, льстивые и неискренние. Сержант Аллан Петерс, инспектор Грэхем Смит — эти полицейские относились к ней по-отечески заботливо, бдительно следили, чтобы их подопечная не попала в щекотливую ситуацию, остроумной шуткой или жестким окриком пресекая любую вольность. Диана тоже по-своему опекала своих верных стражей: никогда не забывала поздравить с днем рождения, посылала записки женам, извиняясь за то, что увозит их мужей в очередное турне, и обещая лично проследить, чтобы в дороге они были «сыты, одеты и обуты». Когда у Грэхема

Смита обнаружили рак, Диана всячески старалась его утешить: пригласила отдохнуть с женой на Карибских островах, затем поехать в круиз по Средиземному морю на яхте, принадлежащей греческому магнату Джону Лацису. Диана так привязалась к этому замечательному офицеру, что когда курс лечения был успешно завершен, устроила обед в его честь, на котором присутствовали ее родственники.

В настоящее время принцессу опекает инспектор Кен Уорф, и когда она обедает с друзьями в своем любимом ресторане «Сан-Лоренцо», инспектор часто подсаживается к их столику в конце обеда и «угощает» всю компанию остроумными шутками. Кто знает, возможно, до сих пор принцесса с сожалением вспоминает своего телохранителя сержанта Барри Манаки, который охранял ее в самые тяжелые времена. Он угадал одиночество и растерянность молодой принцессы, делавшей первые неуверенные шаги в придворном лабиринте, и без колебаний подставил дружеское плечо, на которое она могла опереться в минуты слабости. Бывало, Диана позволяла себе даже всплакнуть, уткнувшись в это плечо. К несчастью, взаимная дружеская привязанность между принцессой и полицейским не понравилась его коллегам, да и самому принцу Чарльзу. Вскоре после свадьбы принца Йоркского в июле 1986 года славный офицер получил новое назначение — к немалому огорчению Дианы. Весной следующего года он трагически погиб в автокатастрофе.

В первый период жизни при дворе Диане пришлось отказаться от многих дружеских привязанностей, которыми она очень дорожила, хотя принц Чарльз и не думал отказываться от своей холостяцкой компании, особенно от общения с супругами Паркер-Боулз и Палмер-Томкинсон. Принц и принцесса присутствовали на новоселье Паркер-Боулзов, купивших усадьбу Миддлвич-Хауз, расположенную в двенадцати милях от Хайгроува. Теперь Чарльз мог регулярно навещать Камиллу под предлогом охоты на лис. Принц и принцесса редко принимали гостей у себя, в Кенсингтонском дворце или в Хайгроуве, настолько редко, что их дворецкий жаловался: мол, на принца Уэльского работать скучно. В самом деле, его не баловали заказами: раз в год Чарльз давал обед для друзей по команде поло, иногда устраивал «мальчишники», а Диана приглашала к обеду кого-нибудь из подруг — Кэтрин Сомс, леди Сару Армстронг-Джонс и другую Сару — в то время носившую фамилию Фергюсон.

Официальные поездки, переезды из одного дома в другой, ребенок, хроническая болезнь — все это легло тяжким бременем на плечи Дианы. В порыве отчаяния она обратилась к астрологу

Пенни Торнтону, которого рекомендовала Сара Фергюсон. Диана призналась Пенни, что не выдерживает тягот придворной жизни и видит один выход: порвать с этим миром. «Настанет день, когда вам дадут свободу, но вы получите свободу именно за то, что не согласитесь на развод», — поведал ей Пенни, подтверждая предчувствие Дианы, что ей не бывать королевой.

1984 год не принес облегчения, тем более что Диана была вновь беременна — принцем Гарри. На этот раз она не так сильно страдала от токсикоза, как в первую беременность, и все же по утрам чувствовала себя отвратительно. На первых месяцах беременности она одна, без мужа ездила с визитом в Норвегию. На обратном пути в самолете ей пришлось то и дело отлучаться в туалет по очереди с пресс-секретарем королевы, ныне покойным Виктором Чепменом. Тот страдал от похмелья, а бедная Диана мучилась от приступов токсикоза. Потянулись долгие месяцы ожидания, и Диана интуитивно чувствовала, что Чарльз опять встречается с Камиллой. Поводов для подозрений было сколько угодно: ночные телефонные звонки, беспричинные отлучки и прочие мелкие, но красноречивые детали поведения. Как ни странно, для обоих это был самый счастливый период их супружества. В солнечные летние месяцы перед рождением Гарри супруги жили душа в душу. Но на горизонте уже собирались грозовые тучи. Диана знала, что Чарльз страстно хочет дочку, и с болью в душе до последнего момента скрывала свою тайну: результаты ультразвукового обследования показали, что она ждет мальчика. 15 сентября в субботу в 16 часов 20 минут родился Гарри — в той же больнице св. Марии, что и Уильям. Реакция мужа способна была убить самую горячую любовь и преданность. «Надо же, мальчик. И волосы рыжие», — только и сказал Чарльз. (Рыжие волосы — в спенсеровскую породу.) После этой уничтожающей реплики он преспокойно отправился играть в поло. Вспоминая этот момент, Диана позже говорила друзьям: «У меня что-то оборвалось внутри». Рождение Гарри стало началом конца их супружества.

6. «Дорогой, мне плохо…»

Приближалось крупное событие светской жизни Англии — королевские скачки на ипподроме Аскот, которые по традиции проводятся в июне в течение четырех дней. Королева занималась подготовкой списка гостей, приглашенных в Виндзорский замок, где они будут жить вместе с королевским семейством. Диане, как обычно, было поручено рекомендовать двух незамужних девушек из хороших семей, чтобы включить их в список приглашенных. Диана предложила кандидатуры двух своих подруг: Сьюзи Фенвик и Сары Фергюсон, дочери майора Рональда Фергюсона, менеджера по поло принца Чарльза.

До начала романа с принцем Чарльзом Диана не была знакома с Сарой, энергичной и озорной девушкой, которую весь свет звал не иначе как Ферги. Они познакомились на матче по конному полу на стадионе, расположенном неподалеку от усадьбы Сариной матери, в Суссексе. Диана туда приехала «болеть» за Чарльза. Заочно же девушки давно знали друг друга: у них была масса общих знакомых, и даже обнаружилось, что они состоят пусть в очень дальнем, но все-таки родстве. Очень скоро они стали близкими подругами. Сара была в числе приглашенных на свадьбу Дианы с Чарльзом и впоследствии не раз принимала принцессу в своей квартире в южной части Лондона, недалеко от железнодорожного узла Клэпам-Джанкшн.

На одном из вечеров в доме Сары Диана познакомилась с Пэдди Мак-Нэлли, предпринимателем, занимавшимся организацией автогонок. Все знали, что у Сары с Пэдди бурный роман. В конце концов она его бросила, но в июне 1985 года именно Пэдди подвез Сару к подъезду Виндзорского замка, где ее встретил лакей, а затем одна из придворных дам королевы проводила в отведенную ей комнату. На тумбочке у постели лежала карточка с монограммой королевы, в которой указывалось время завтрака, обеда и ужина и место каждого гостя за столом. Там же лежала записка, объяснявшая, когда и каким видом транспорта (в открытом экипаже или в черном лимузине марки «дэймлер») гостей будут доставлять на скачки. Несмотря на то, что Сара была из семьи, очень близкой к придворным кругам, поначалу ей было не по себе. Точно в назначенное время она явилась в Зеленую столовую, где как раз подали аперитивы перед ленчем. Ее усадили рядом с принцем Эндрю, служившим тогда в авиации Королевских ВМС.

Они понравились друг другу с первого взгляда. Эндрю принялся заигрывать с Сарой, настойчиво предлагая пирожное, а

она кокетливо отказывалась, ссылаясь на то, что сидит, как всегда, на диете. «Все началось с пустяка — с чего-то же нужно начинать», — скажет Эндрю спустя восемь месяцев в интервью по случаю их помолвки. Ходили слухи, что именно Диана сосватала деверя и Сару, однако на самом деле она вообще долгое время не подозревала, что они неравнодушны друг к другу. Во-первых, у Сары был постоянный поклонник — Пэдди Мак-Нэлли, а во-вторых, сам Эндрю был в связи с американской актрисой Кэтрин Старк, носившей актерский псевдоним Ку. Кэтрин снималась в полупорнографических фильмах, и средства массовой информации с удовольствием комментировали эту пикантную подробность ее биографии.

Диана встречала Ку во время их романа с Эндрю и относилась к ней с симпатией. Эндрю слыл в семье сорванцом, и только Диана, знавшая его с детства, чувствовала, что под маской бесшабашной удали скрывается чуткая и ранимая натура. Чарльз только раз в жизни позавидовал брату: когда тот нес службу в качестве пилота боевого вертолета во время войны на Фолклендских островах. Хотя Эндрю не ударил в грязь лицом на войне и вернулся домой возмужавшим и повзрослевшим, никто, даже самые близкие друзья не воспринимали его всерьез. В свободное время он охотно смотрел мультфильмы и развлекательные передачи по телевизору, бродил бесцельно по королевским покоям, болтал на кухне с прислугой, любил смотреть, как жена старшего брата занимается балетом в Кенсингтонском дворце. В нем чувствовалась какая-то неприкаянность, и Кэтрин Ку-Старк, деликатная и спокойная, дарила ему искреннюю дружбу и нежность, в которой он так нуждался. Диана понимала это, и когда Эндрю начал встречаться с Сарой, заняла нейтральную позицию. Она только сказала подруге: «Если понадобится помощь — позови». По инициативе Эндрю они с Сарой провели уик-энд в Хайгроуве у Дианы. Мачеха Сары Сьюзен Фергюсон говорила: «С каждой встречей они сближались все больше. Все у них складывалось удивительно гладко, без сучка и задоринки. Никаких осложнений — прямо-таки идеальный роман. Конечно, если бы Сара не была подругой принцессы Уэльской, все было бы куда сложнее, по крайней мере, на первых порах. Благодаря принцессе, Саре проще было с ним увидеться. Ведь не следует забывать, что в его положении очень трудно встречаться с женщинами».

Далее события развивались по уже знакомому Диане сценарию. В январе 1986 года королева пригласила Сару погостить в Сандрингеме; вскоре после этого она поехала кататься на горных лыжах с Дианой и Чарльзом в Швейцарию.

Диана одолжила Саре черно-белый китель, когда они навещали принца Эндрю на борту корабля Королевских ВМС «Брейзен», который стоял на причале в лондонском порту. Она щедро делилась опытом с подругой перед ее первым публичным выступлением вместе с членами королевского семейства. К тому времени Диана сильно изменилась по сравнению с прежней робевшей дебютанткой. Она в совершенстве овладела искусством держаться перед фото- и телеобъективом, стала настоящей светской красавицей, чей изысканный вкус получил признание во всем мире.

Беременность и роды, хлопоты, связанные с устройством домашнего очага, азы супружеских взаимоотношений — первые трудности семейной жизни остались позади. Со стороны могло показаться, что Диана чувствует себя вполне комфортно в качестве члена королевского семейства. Она могла заслуженно гордиться успешным выступлением на телевидении (впервые со времени помолвки с принцем Чарльзом). Чарльз и Диана дали интервью в Кенсингтонском дворце опытному тележурналисту сэру Бэрнету. Диана была довольна собой: она отвечала на вопросы спокойно и четко, удостоившись на этот раз похвалы членов королевского дома. Вместе с тем в высшем свете долго перемывали ей косточки за импровизированное выступление на сцене Королевской оперы — Ковент-Гардена. Вместе с прима-балериной Уэйн Слип Диана втайне подготовила эффектный хореографический номер на музыку популярной эстрадной песни, причем репетировали они прямо в апартаментах принцессы в Кенсингтонском дворце.

Это произошло во время гала-концерта в Ковент-Гардене. Ничего не подозревающий принц Чарльз наслаждался музыкой, сидя в королевской ложе. Незадолго до конца представления Диана выскользнула из ложи и переоделась в костюм серебристого шелка. В условленный момент Уэйн жестом пригласила ее на сцену — и зал замер, не веря своим глазам. В полном восторге зрители смотрели, как Уэйн и Диана танцуют свой номер. Их вызывали на бис восемь раз, и Диана даже сделала реверанс в сторону королевской ложи. Чарльз публично заявил, что экспромт Дианы был для него «полной неожиданностью», а в разговоре с глазу на глаз резко осудил ее выходку. Она выглядела слишком эффектно, а это неприлично.

Диана поняла, что опять не угодила. Когда она с предельной добросовестностью выполняла свои обязанности, это воспринималось как должное. Но любая попытка самовыражения, проявление индивидуальности вызывали уничижительную реакцию. Мужа не интересовал ее внутренний мир. От его

безразличия у Дианы опускались руки. После помолвки Эндрю и Сары, когда подготовка к свадьбе шла полным ходом, принц Уэльский с супругой отправились на открытие международной выставки «Экспо» в Ванкувере. Во время этого утомительного визита холодное равнодушие Чарльза проявилось в полной мере. Еще до отъезда было много досужих разговоров о слабом здоровье принцессы, о том, что она «худая, как щепка», по выражению бульварных листков. Ходили даже слухи, что во время летнего отдыха в Балморале Диана изменила форму носа с помощью операции. За последние четыре года ее внешность изменилась до такой степени, что пластическая операция казалась наиболее правдоподобным объяснением. Никто не догадывался, что истинной причиной была болезнь. Такие хронические заболевания, как булимия и анорексия, действительно могут вызвать серьезные физиологические деформации. Диане еще повезло, что у нее не было кожных заболеваний, не выпадали волосы и зубы. Таковы обычные последствия хронического недостатка в организме жизненно важных витаминов и минералов.

События во время визита в Ванкувер дали новую пищу для разговоров. Диане стало плохо, когда они с Чарльзом осматривали на выставке стенд, посвященный Калифорнии. Приноровившись к своей хронической болезни, Диана, как правило, заставляла себя нормально позавтракать, чтобы выдержать предстоящий день. Как назло, перед отъездом на открытие «Экспо» она несколько дней практически ничего не ела, только откусила несколько кусочков от плитки шоколада «кит-кэт» во время перелета в Канаду. Переходя от стенда к стенду на выставке, она чувствовала, что силы на исходе. Положив руку на плечо мужа, она прошептала: «Дорогой, мне плохо», — и буквально упала на него всем телом. Принцессу подхватили придворная дама Анна Бекуит-Смит и помощник личного секретаря Чарльза Дэвид Ройкрофт. Ее отвели в отдельное помещение и приняли меры, чтобы привести в чувство.

Когда Диана была в состоянии вновь присоединиться к мужу, он и не думал скрывать раздражения. Чарльз с полной откровенностью дал ей понять, что падать в обморок на глазах у публики неприлично. Добравшись до апартаментов в отеле «Пан-Пасифик», Диана упала на постель и горько разрыдалась. Она была физически измучена длительной голодовкой и глубоко страдала от бессердечия мужа. Казалось бы, ко всему можно привыкнуть, но на этот раз его черствость совершенно выбила Диану из колеи.

Практически все члены делегации в один голос советовали

Диане пропустить торжественный обед, который должен был состояться вечером, и как следует отоспаться. И только Чарльз настаивал, чтобы она все же заняла свое место во главе стола, опасаясь, что ее отсутствие может вызвать лишний шум в прессе. Обморок послужил Диане предупреждением; теперь она понимала, что нуждается в серьезном лечении. Однако ей не хотелось драматизировать ситуацию, и она не стала возражать мужу. Сопровождавший делегацию врач дал ей лекарства, с помощью которых Диана смогла продержаться вечером. Пока они находились в Канаде, Диане удавалось скрывать свое состояние. К несчастью, им предстояло еще посетить Японию, и после утомительного перелета Диана совсем сдала. Бледная, вялая, она выглядела совершенно больной. По возвращении домой ее ждали очередные неприятности. Барри Манаки был переведен на другую работу, и Диана лишилась единственного преданного друга среда окружавших ее придворных, единственного, с кем она могла поделиться своими тревогами, кому могла пожаловаться на одиночество и отсутствие взаимопонимания с королевской родней. С уходом Барри она осталась в полной изоляции.

Приход в королевскую семью Сары Фергюсон, ставшей герцогиней Йоркской, внес в жизнь Дианы еще большую смуту. Новоиспеченная герцогиня вела себя на редкость самоуверенно. Диана до сих пор с трудом переносит атмосферу Балморала, а Сара в первый же приезд чувствовала себя как рыба в воде. Она ездила верхом с королевой, охотно сопровождала герцога Эдинбургского, любившего прокатиться в конном экипаже, никогда не забывала пообщаться с королевой-матерью. Приспособленчество у нее в крови. Подобно хамелеону, Сара без труда приспосабливается к привычкам и желаниям окружающих людей. В период связи с Пэдди Мак-Нэлли Сара была своей в компании его друзей, самоуверенных светских циников. Вот и теперь герцогиня Йоркская вела себя так, как будто родилась с этим титулом.

Герцогиня была не намного старше Дианы, но значительно превосходила ее по части жизненного опыта и знания света. Диана не умела скрывать свои чувства, а Сара делала это без малейшего усилия. Ферги всегда была в хорошем настроении и щебетала без умолку, в то время как Диана хмуро молчала; принцесса непрерывно болела, а герцогиня Йоркская, напротив, поражала окружающих своей неуемной энергией. Спустя годы Диана все еще вела себя отчужденно, и на нее смотрели с некоторой опаской, как на постороннюю, а Ферги тут же стала всеобщей любимицей. Она ворвалась в королевскую семью, как свежий порыв весеннего ветра, и принц Чарльз сделал сравнение

не в пользу жены. «Почему ты не можешь вести себя так же раскованно, как Ферги?» — спрашивал он Диану. Старая песня: Диана уже давно привыкла, что муж постоянно сравнивает ее с горячо любимой бабушкой, королевой-матерью. Слова изменились, однако мотив остался прежним.

Диана совсем растерялась. Ее лицо красовалось на обложках журналов, народ встречал ее восторженно, а собственный муж и его родня редко удостаивали ее похвалы или комплимента. Она никогда не отличалась самоуверенностью, и в сложившейся ситуации не нашла ничего лучшего, как последовать совету окружающих и во всем подражать популярной герцогине Йоркской. Ее подтолкнуло к этому и поведение мужа во время пребывания в Испании, где они отдыхали летом во дворце Маривент по приглашению короля Хуана-Карлоса. Непосвященные решили тогда, что отпуск «под знаком ведра и лопаты» устроила сама принцесса, чтобы улизнуть из чопорного Балморала, на самом же деле инициатива принадлежала Чарльзу. Не соответствует действительности и нелепая выдумка, что Диана и Хуан-Карлос прониклись друг к другу особой симпатией: красавец-король совсем не в ее вкусе, и вообще в то лето он общался преимущественно с Чарльзом. Что касается Дианы, то отпуск ей не пошел на пользу: почти все время она плохо себя чувствовала — к немалому огорчению гостеприимных хозяев. Весть об этом вскоре облетела все королевское семейство, и опять Диану упрекали, опять муж твердил с досадой: «Почему ты не такая, как Ферги?»

В атмосфере недоброжелательства и постоянных придирок у Дианы развивался комплекс неполноценности. Ее драма усугублялась традиционным отношением общества к королевскому дому. Обычно о мужчинах, принадлежащих к королевской семье, судят по тому, что они говорят и делают, а о женщинах — по тому, как они выглядят. Диана была хороша собой, и народ вполне этим довольствовался. Ее индивидуальность никого не интересовала. Долгое время Диана мирилась с ролью бессловесного помощника своего энергичного, целеустремленного и красноречивого мужа. По мнению астролога Дианы Феликса Лайла, «серьезной ошибкой было то, что ее заставили взойти на пьедестал, который она уже не могла покинуть, чтобы удовлетворить внутреннюю потребность самосовершенствования и самореализации, и вместо этого вынуждена была поддерживать навязанный ей имидж».

Диану славили за то, что она Диана. За то, что существует, а не за то, что способна совершить. Один из неформальных консультантов Дианы говорит по этому поводу следующее: «С

самого начала от нее ожидали двух вещей: быть покорной женой и удобной вешалкой для нарядов. Так смотрят на женщину в придворном мире, соответственно, ценят в ней главным образом умение одеваться. Самое важное, чтобы фасон твоего платья отличался от других — тогда ты молодец. Ее не хвалили, когда она что-то говорила или делала. Это попросту не было предусмотрено». Бойкая, энергичная и светская герцогиня Йоркская, по мнению принца Чарльза и всей королевской семьи, могла послужить для Дианы идеальным образцом для подражания. Этому мнению вторили и средства массовой информации. Казалось, весь мир толкает Диану следовать примеру неотразимой Ферги.

Первые признаки влияния Сары на поведение Дианы проявились еще до свадьбы, когда Сара и Диана, переодетые в полицейскую форму, пытались проникнуть на холостяцкую вечеринку принца Эндрю. Потерпев неудачу, подруга пили шампанское и апельсиновый сок в ночном клубе «Анабел», а когда Эндрю возвращался домой, бросились останавливать его машину. Строго говоря, злоупотребление полицейской формой уголовно наказуемо, и несколько наиболее придирчивых членов парламента не преминули об этом напомнить. Следом за этой эскападой в королевском семействе воцарилась атмосфера шумного веселья. После свадьбы герцог и герцогиня устроили праздник в честь организаторов бракосочетания, и неистощимая на выдумки Ферги затеяла купание в бассейне. Гости прыгали в воду не раздеваясь, кто в чем был. Ферги то и дело устраивала шумные вечеринки, а на Рождество организовала в Виндзорском замке дискотеку. На этой дискотеке Ферги и Диана изобразили нечто вроде импровизированного канкана.

Это была своего рода репетиция перед их первым совместным выступлением на публике. Дебют состоялся в Швейцарии, в Клостерсе, куда Диана и Ферги приехали вместе с мужьями покататься на горных лыжах. В первый день, по традиции, все четверо должны были позировать фоторепортерам. На постороннего наблюдателя этот ежегодный спектакль производит довольно-таки странное впечатление: около сотни фоторепортеров, навьюченных аппаратурой и альпинистским снаряжением, карабкаются по обледеневшим склонам в поисках выгодной позиции для съемок. Абсурдное зрелище до такой степени развеселило Сару и Диану, что они устроили настоящий цирк на льду. Подруги затеяли шутливую возню, толкая и пихая друг друга, пока принц Чарльз не призвал их к порядку: «Ну-ка, хватит!» Остроумная и веселая по натуре, после замужества Диана редко давала выход свойственному ей чувству юмора. Она

чаще пребывала в унылом, молчаливо-подавленном настроении. Но на этот раз фоторепортерам повезло: в тот же день, к вечеру, они случайно встретили Диану в местном кафе, веселую и оживленную. Принцесса указала на внушительных размеров медаль, приколотую к лыжной куртке, и пошутила: «Я сама себя удостоила награды за заслуги перед родиной — все равно больше некому удостаивать». Эта мимоходом брошенная фраза говорит о снедавшей Диану внутренней неуверенности больше, нежели тома биографических сочинений. Всю неделю в Клоетерсе подруги резвились и шалили, даже устраивали подушечные бои, как в юности. Однако сравнивать их поведение с поведением вырвавшихся на свободу школьниц было бы преувеличением. По свидетельству одного из членов их компании, «было очень весело, но в рамках приличий. Невольно держишь себя в узде, когда рядом особы королевской крови, особенно принц Чарльз. Приходится помнить о протоколе, и порой это очень утомляет».

Как-то во время этого отпуска Чарльз, Эндрю и Сара остались на вилле смотреть видео, а Диана отправилась в местную дискотеку. Там она много танцевала и болтала с молодыми людьми, которых пригласила в горы герцогиня Йоркская. Ферги, казалось, знает весь свет, так что имена ее знакомых с трудом умещались на страницах пухлой записной книжки. Именно поэтому принц Чарльз поручил ей пригласить в горы двух холостых молодых людей. Он зная, что жена не столь искусна в горнолыжном спорте, как он сам, и не сможет кататься с ним вместе, поэтому нужно было подобрать ей надежных спутников. Сара выбрала Филиппа Дана, владельца коммерческого банка с внешностью супермена, и Дэвида Уотерхауза, капитана королевской конной гвардии. Пока опытные лыжники осваивали самые трудные трассы, принцесса Диана вместе с Кэтрин Сомс, бывшей супругой Николаса Сомса, члена парламента от консервативной партии, в сопровождении этих двух молодых людей катались на менее галоволомных склонах. Они прекрасно проводили время. Диана находила, что Уотерхауз очень интересный человек с большим чувством юмора. Филипп был «очень мил» — не более. Зато Диана подружилась с его сестрой Милли, работавшей в то время на Столичном радио в качестве ведущей программы «Помоги детям Лондона».

По иронии судьбы именно фигура Филиппа Дана оказалась в центре внимания общественного мнения, когда летом 1992 года в прессе обсуждался вопрос о неблагополучной семейной жизни принца и принцессы. Поводом для разговоров послужил вполне невинный инцидент: мать Филиппа пригласила Диану в усадьбу Гатли-Парк, где они жили вместе с мужем, занимающим

почетный пост лорда-наместника графства Херефордшир. Супруга Дан были приглашены на уик-энд к друзьям и с радостью предоставили дом сыну и его многочисленным приятелям. Помимо «лыжной команды» в Гатли-Парк съехались еще с полдюжины других знакомых. Бульварные газеты немедленно подняли крик: принцесса Диана провела уик-энд с Филиппом Даном в доме его родителей. О том, что дом был полон народу, газетчики благополучно забыли.

Озабоченность общественности взаимоотношениями между принцем и принцессой усугублялась нарастающим раздражением, которое вызывало поведение младшего поколения королевского семейства в целом. Игриво-легкомысленное настроение, охватившее двор с появлением Ферги, начало приедаться. Астролог Дианы Пенни Торн-тон предупредила ее о грядущих неприятностях. Во время беседы весной 1987 года Пенни предсказала, что любой промах, допущенный принцессой в ближайшие несколько месяцев, будет ей дорого стоить. Она позволила себе расслабиться во время отдыха в горах, и уже в апреле пришлось расплачиваться: Диана навлекла на себя суровую критику, когда рассмеялась на глазах у публики во время парада молодых офицеров в Сандхэрсте. Впоследствии она оправдывалась тем, что ее рассмешили нелепые шутки одного из офицеров. Кроме того, ей предстояло выступить с короткой речью, и от нервного напряжения она не смогла сдержаться. Диана стала настоящей мишенью для критики. Спустя два месяца во время королевских скачек в Аскоте ее опять поймали на месте «преступления»': вездесущие фоторепортеры засняли Сару и Диану в тот момент, когда они подталкивали кончиками зонтиков сидящую впереди подругу.

Общественность не замедлила выразить принцессе порицание. «Непозволительная фривольность», — шипела «Дэйли-Экспресс», а другие издания сравнивали молодых женщин с актрисами в мыльной опере. В следующий раз Диана попала на зубок прессе в связи с бракосочетанием маркиза Вустерского и актрисы Трейси Уорд. От бдительного ока общественного мнения не ускользнуло, что принц Чарльз покинул торжества относительно рано, а его жена танцевала до утра с разными мужчинами, включая владельца картинной галереи Дэвида Кера, Джерри Фаррела, возглавлявшего агентство по продаже произведений искусства, и пресловутого Филиппа Дана. Диана предпочитала быстрые, энергичные танцы, и это вызвало нарекания, а на поведение ее мужа никто не обратил внимания. Чарльз практически весь вечер не отходил от Камиллы Паркер-Боулз.

Вскоре в газетах вновь появилось имя Филиппа Дана: якобы его видели вместе с принцессой на стадионе Уэмбли. На самом деле это был Дэвид Уотерхауз, которого засняли за разговором с Дианой. Рядом сидел виконт Линли, но его изображение на фото аккуратно вырезали. Открыв в понедельник газеты с этим снимком, Диана не в силах была сдержать слезы гнева и досады. Она ведь знала, что журналисты держат на прицеле всех мужчин, с которыми она общается, и все же допустила неосторожность: позволила Дэвиду сидеть рядом. Это был жестокий урок, тем более что в этот день Диана, как назло, облачилась в кожаные брюки, и чопорные придворные сочли ее наряд неприличным. В который раз Диана пыталась быть общительной и раскованной — как Ферги. И получила очередную оплеуху.

Худшее было впереди. 22 сентября принц Чарльз уехал в Балморал, а Диана с детьми осталась в Кенсингтонском дворце, Им предстояло провести в разлуке более месяца. И тут журналисты словно с цепи сорвались. Каждый раз, выходя из дома, Диана замечала «хвост» фоторепортеров, которые следовали за ней повсюду в надежде поймать врасплох. Ее таки сфотографировали у выхода из кинотеатра в Вест-Энде в обществе Джулии Сэмюел и Дэвида Уотерхауза. Дэвид перепрыгнул через балюстраду и попытался спастись бегством, но было уже поздно. В другой раз фотограф-любитель объявил, что ему удалось якобы заснять Диану и Дэвида в компании друзей у дома Кейт Мензис. В Шотландии репортеры тоже не теряли времени даром: Чарльза сфотографировали рядом с леди Трион, с которой он был в большой дружбе еще до женитьбы. В то же время на страницах газет ни разу не промелькнуло имя Камиллы Паркер-Боулз, хотя она, конечно же, была в числе гостей Балморалской резиденции.

Имя Камиллы Паркер-Боулз ничего не говорило широкой общественности, но Диана-то знала, какую роль она играет в жизни ее мужа. От обиды у нее все кипело внутри. Стоило ей появиться в обществе какого-нибудь мужчины, не принадлежавшего к числу родственников или сотрудников придворных служб, пусть даже в самой невинной обстановке — и газеты поднимали шум, а на отношения ее мужа с Камиллой Паркер-Боулз все смотрели сквозь пальцы. Многие знакомые Дианы: Филипп Дан, Дэвид Уотерхауз, несколько позже Джеймс Джилби и капитан Джеймс Хьюит на собственном горьком опыте убедились, что обычные дружеские отношения с принцессой Уэльской чреваты самыми неприятными последствиями, начиная с газетной шумихи и кончая кривотолками в светских гостиных.

Семейный кризис принца и принцессы обсуждался уже не

только на страницах желтой прессы, но и в серьезных респектабельных изданиях, на радио, телевидении и в зарубежных средствах массовой информации. Журналисты будоражили общество, и королевский дом на этот раз не мог оставаться безучастным. За дело взялся Джимми Савил, с мнением которого всегда считаются в придворных кругах. Чтобы снять напряжение, Джимми, большой специалист по связям с общественностью, придумал эффектный ход: в октябре Чарльз и Диана должны совершить совместную поездку в Дайфед в Южном Уэльсе — в этих местах как раз накануне произошло опустошительное наводнение. Это положит конец слухам, порочащим имя наследника престола.

Увы, надежды королевского семейства не оправдались. Диана поняла, что затея обречена на неудачу уже в самом начале короткого путешествия, встретившись с мужем у трапа самолета. Холодное отчуждение между супругами не укрылось от глаз многочисленных зрителей. Диана не питала особых иллюзий, и все же ее больно задела откровенная неприязнь со стороны мужа, когда они заняли свои места на борту самолета, летевшего специальным рейсом до Соунси. Она попыталась было рассказать, как тяжело ей жилось все это время, когда средства массовой информации следили буквально за каждым ее шагом, но муж не проявил ни малейшего сочувствия. «Господи, какая чепуха», — с досадой сказал он в ответ на жалобы, что в создавшейся обстановке ей чрезвычайно трудно выполнять свои общественные обязанности. Он не пожелал ее выслушать и почти не обращал на нее внимания во время короткого перелета. «Я чувствовала себя ужасно, — рассказывала Диана друзьям. — Мне отчаянно нужна была помощь». Вернувшись из поездки, супруги вновь разъехались в разные концы страны, и теперь уже никто не сомневался, что отношения между ними так и не наладились.

Диана поняла, что настало время остановиться и задуматься. Она хорошо помнит этот критический момент. Вырвавшись из удушливой атмосферы Кенсингтонского дворца, где за ней постоянно шпионили фоторепортеры и на каждом шагу лицемерно улыбались придворные, она помчалась на машине к морю. Диана брела вдоль пустынного пляжа и старалась освоиться с мыслью, что последняя надежда на примирение с мужем мертва. Его неприязненное равнодушие указывало, что не стоит и пытаться начать все сначала. Диана старалась изо всех сил не отстать от герцогини Йоркской, которую он всегда ставил в пример, и это закончилось настоящей катастрофой. Она не только не сумела вернуть расположение мужа, но вдобавок выставила на посмешище свой публичный имидж. Между тем,

пошло-игривый стиль, чьим воплощением служила герцогиня Йоркская, был в сущности глубоко чужд натуре подлинной Дианы Спенсер. И она поняла, что единственный выход — найти свое собственное «я». Иначе не выжить. Она должна вернуть к жизни Диану, которой не давали вздохнуть полной грудью в течение семи лет. Должна посмотреть правде в глаза. Слишком долго она плыла по течению, пассивно приспосабливалась к требованиям мужа, королевского семейства, средств массовой информации. Диана медленно шла по влажному песку, и перед ней все яснее вырисовывались задачи, поставленные самой судьбой. Настал момент, когда она должна, наконец, найти свое место в жизни.

7. «Моя жизнь изменилась…»

Диана совсем раскисла. Долгожданный отдых в горах был безнадежно испорчен сильной простудой, на несколько дней приковавшей ее к постели на вилле, которую они сняли в окрестностях Клостерса. Это было 10 марта 1988 года. Днем в ее спальню тихо вошла Ферги в халате, накинутом поверх пижамы. Бедняжке тоже не повезло: накануне она пыталась съехать по крутому склону, но споткнулась на вираже и упала на спину прямо в горный ручей.

В то время Ферги была на первых месяцах беременности принцессой Беатрис. На место происшествия примчался местный врач и горе-лыжницу перевезли на виллу. К счастью, Ферги отделалась лишь испугом. Некоторое время подруги коротали время за разговором, но вскоре снаружи послышался шум приближающегося вертолета! У обеих возникло тревожное предчувствие: что-то случилось в горах, может быть, сошла лавина и пострадал кто-нибудь из знакомых. Нервное напряжение достигла апогея, когда появился Филипп Маки, пресс-секретарь принца Чарльза. Из спальни на втором этаже Диана и Ферги услышали, как он сказал кому-то по телефону: «Произошел несчастный случай». Подождав, пока Филипп закончит телефонный разговор, встревоженные женщины спустились вниз, на первый этаж. На вопрос, что случилось, Маки отвечал уклончиво: «Вам сообщат, как только будут известны подробности». Диана прекрасно знала, что придворные умеют уходить от конкретного ответа, но на этот раз проявила настойчивость. Она не отстала от Филиппа, пока тот не признался, что в результате несчастного случая один из лыжников погиб.

Похолодев от ужаса, Диана и Сара сидели на верхней ступеньке лестницы в ожидании дальнейших известий. Несколько минут тянулись, как вечность. Наконец раздался телефонный звонок, и сообщили, что пострадавший — мужчина. Некоторое время спустя позвонил принц Чарльз. Даже по голосу было слышно, как он потрясен и расстроен. Только теперь насмерть перепуганные подруги узнали; что погиб майор Хью Линдсей, бывший конюший королевы. Новость ошеломила присутствующих. Ферги рыдала. Несмотря на мучительные спазмы в желудке (обычная реакция на нервное потрясение), Диана решила заняться конкретным делом: скоро на виллу съедутся все ее обитатели, и будет не до этого. Она сложила вещи Хью в чемодан и попросила Ферги передать его паспорт

инспектору Тони Паркеру, телохранителю принца Чарльза. Принцесса бережно положила в чемодан перстень с печаткой, часы и черный кудрявый парик. Накануне вечером Хью в этом парике изображал популярного эстрадного певца. Зрители смеялись до упаду…

Когда все было готово, Диана спустилась вниз и поставила чемодан у кровати Тони Паркера. Пусть будет под рукой, когда придет время уезжать. Весь вечер приходили и уходили какие-то люди, в доме царила суматоха. Местный следователь долго расспрашивал об обстоятельствах гибели несчастного. Катастрофа произошла на печально известном склоне «Вант», который спускается практически отвесно. Почти каждый сезон там гибнут люди. Лыжников застигла внезапно сошедшая лавина.

Хью Линдсей погиб, а Пэтти Палмер-Томкинсон получила серьезные травмы. Диане пришлось долго спорить с мужем: тот собирался на следующий же день вернуться в горы, и она потратила немало усилий, доказывая, что отпуск придется прервать. Диана решила, что муж находится в состоянии шока и не может адекватно реагировать на случившуюся трагедию. Не колеблясь, она взяла бразды правления в свои руки и, как малому ребенку, втолковывала Чарльзу, что их прямой долг сопровождать тело Хью домой, в Англию. Их долг почтить память погибшего друга и хоть как-то утешить его жену Сару. Всеми любимая сотрудница пресс-службы Букингемского дворца, Сара вышла замуж за Хью всего несколько месяцев назад и теперь ожидала рождения их первенца.

На следующий день самолет с телом Хью приземлился на аэродроме Нортолт в окрестностях Лондона. На борту находились все его товарищи. Сара Линдсей смотрела, как выносят гроб, как покойному отдают военные почести. Стоя рядом с Сарой, Диана думала: «Ты еще не знаешь, как больно будет первые несколько дней». Предчувствие не обмануло ее. Молодая вдова, которая была тогда уже на шестом месяце беременности, провела несколько дней в усадьбе Хайгроув, где Диана с сестрой Джейн пытались смягчить боль постигшей ее утраты. Она рассказывала Диане о муже, о том, как много он для нее значил, и обе плакали. Больше всего ее мучило, что он умер неожиданно и вдали от нее, за границей.

Гибель Хью Линдсея послужила серьезным уроком. Диана сделала важное открытие: в критической ситуации она не только сумела сохранить присутствие духа, но и нашла в себе силы самостоятельно принимать решения вопреки воле мужа. Трагедия в Клостерсе положила начало духовному и физическому выздоровлению, освобождению внутренней энергии, не

находившей до сих пор выхода.

Следующим толчком стал телефонный разговор с Кэролин Бартоломью. Старая подруга Дианы была одной из немногих, кто знал, насколько серьезно больна принцесса. Обнаружив, что хронический недостаток в организме таких жизненно важных минералов, как хром, цинк, калий вызывает депрессию и постоянную усталось, она позвонила Диане и потребовала, чтобы та немедленно обратилась к врачу. У Дианы, как всегда, не было ни малейшего желания общаться с медиками. Тогда Кэролин предъявила ультиматум: или Диана будет лечиться, или она, Кэролин, завтра же расскажет всему миру, что принцесса опасно больна. Диана посоветовалась с семейным врачом Спенсеров, и тот рекомендовал доктора Мориса Липседжа, который работает в больнице Гая в центре Лондона. Едва доктор Липседж вошел в ее столовую в Кенсингтонском дворце, как Диана почувствовала, что это действительно умный человек:, на которого можно полностью положиться. Не теряя времени на формальные любезности, он спросил без обиняков, пыталась ли принцесса покончить с собой. «Несколько раз», — так же откровенно ответила Диана.

Безжалостный допрос продолжался два часа, и в итоге доктор Липседж твердо заявил, что в самое короткое время поставит Диану на ноги. Более того, он наметил конкретные сроки: если она сосредоточит все усилия на том, чтобы нормально питаться и преодолевать позывы к рвоте, через полгода почувствует себя другим человеком. По заключению доктора Липседжа, источник болезни коренился не в психике Дианы, а в поведении ее мужа. В течение последующих нескольких месяцев он навещал свою пациентку каждую неделю. Приносил книги, помогавшие понять природу заболевания. Читать приходилось урывками, втайне от мужа и прислуги. Но это не смущало Диану: с каждой страницей она испытывала неимоверную радость и облегчение: «Это же все обо мне — я не одна такая на свете!» — говорила Диана Кэролин.

Советы доктора Липседжа укрепляли ее веру в себя. В самом начале борьбы за духовное и физическое выздоровление она отчаянно нуждалась в поощрении, хотя бы самом незначительном. Однако муж, как назло, выводил ее из равновесия ироническими замечаниями. За столом, глядя, как Диана ест, он говорил, например: «Неужели это все не впрок? Какая жалость!» Прогноз доктора Липседжа полностью оправдался. Спустя полгода улучшения были налицо. По отзыву самой Дианы, она чувствовала себя так, будто заново родилась. До начала лечения ее рвало, как правило, четыре раза в день. Теперь это случалось лишь раз в три недели. Правда, бывают и рецидивы, в частности, когда Диана живет со всем королевским

семейством в Балморале, Сандрингеме или Виндзорском замке: сказывается нервное напряжение и постоянный нажим со стороны. Диана плохо себя чувствует и в усадьбе Хайгроув — этот загородный дом она давно уже воспринимает как территорию принца Чарльза, где он проводит время в обществе старых друзей, среди которых почетное место принадлежит супругам Паркер-Боулз. С самого начала у нее не лежала душа к этому старинному помещичьему дому в георгианском стиле. Шли годы, и неприязнь лишь усилилась. Каждый уик-энд в Хайгроуве неминуемо кончается приступом булимии.

Твердо решив покончить с коварной болезнью, Диана поставила перед собой еще одну задачу: встретиться лицом к лицу с женщиной, которая столько лет отравляла ей жизнь. Встреча произошла на праздновании 40-летнего юбилея Аннабел Эллиот, сестры Камиллы, в доме на Хэм-Коммон, неподалеку от Ричмонд-Парка. Несколько десятков гостей были неприятно удивлены, когда принц Чарльз явился вместе с женой. Все давно привыкли к тому, что принцесса под любым предлогом избегает встреч с Камиллой Паркер-Боулз. После обеда Диана вместе с другими поднялась в верхние комнаты, но вскоре ей бросилось в глаза отсутствие ее мужа и Камиллы, и она вернулась вниз. Чарльз увлеченно беседовал с Камиллой и еще несколькими гостями. Диана попросила присутствующих оставить ее наедине с Камиллой: им есть о чем поговорить.

Соперницы остались с глазу на глаз. За дверьми гости в напряженном молчании ожидали, чем кончится выяснение отношений. Разговор получился нелегкий. Диана выложила все, что чувствовала и думала о взаимоотношениях своего мужа с Камиллой. Она не скрывала, что ей давно не нравится влияние, которое оказывают на Чарльза сама Камилла и ее компания завсегдатаев Хайгроува. Для нее давно уже не секрет, ради кого Чарльз стремится в эту загородную резиденцию: стоит нажать кнопку «последний номер на связи» на портативном телефонном аппарате принца, и на табло неизменно высвечивается номер Паркер-Боулзов. Диана неоднократно проводила этот эксперимент, когда они бывали в Хайгроуве, и всегда с одинаковым результатом. Диане прекрасно известно, что миссис Паркер-Боулз и принц Чарльз состоят в оживленной переписке. Охота на лис, отдых в Балморале или Сандрингеме — мало ли у них поводов для встреч! Диана давно уже не питает ни малейших иллюзий в этом отношении.

Жгучая ревность, раздражение и отчаяние — все, что накипело на душе, выплеснулось в этом разговоре. Решительный поступок Дианы принес самые неожиданные плоды. Она

избавилась от навязчивой идеи, истощавшей ее физические и душевные силы. Соперница и иже с ней вызывают теперь у Дианы лишь презрение.

В этот период Диана сблизилась с Марой и Лоренцо Берни, владельцами ресторана «Сан-Лоренцо» в фешенебельном районе Найтсбридж лондонского Вест-Энда. Мара была известна чисто итальянским радушием и опекала посетителей как родная мать. Постоянных клиентов она расспрашивала о значении их имени, под каким знаком зодиака они родились, какие планеты влияют на их жизнь. Диана давно посещала этот ресторан, однако близко сошлась с Марой и Лоренцо лишь в 1989 году. Как-то раз она сидела за столиком одна, поджидая подругу. Неожиданно к ней подсела Мара, которая всегда чутко реагирует на настроение своих гостей. Положив ладонь на руку Дианы, Мара сказала, что понимает, как ей сейчас трудно. Диана отнеслась к ее заявлению скептически и спросила, что имеет в виду ее собеседница. Несколькими штрихами Мара нарисовала картину ее одинокой, печальной жизни, сказала, что в ее судьбе наметился серьезный поворот, и даже указала, каким путем предстоит идти дальше. Диана молчала, ошеломленная этой необъяснимой проницательностью: ведь ей всегда казалось, что печальная подоплека ее жизни надежно скрыта от людских глаз.

Проникшись доверием к Маре, Диана стала задавать ей вопросы о будущем: сможет ли она когда-нибудь обрести счастье и освободиться от придворных оков? С этого момента «Сан-Лоренцо» стал ее любимым убежищем от безрадостного существования в Кенсингтонском дворце. Теперь ей было с кем поделиться заботами и тревогами, у кого спросить совета Хорошо знающий супругов Берни Джеймс Джилби рассказывает: «Мара и Лоренцо обладают необыкновенным тактом и чуткостью. Они видели, как измучена и несчастна Диана, и сумели поддержать ее в трудной ситуации». Общаясь с супругами Берни, Диана серьезно заинтересовалась астрологией, гаданием Таро, ясновидением и прочими явлениями из области метафизики и парапсихологии. Впрочем, интерес к запредельному не чужд всему королевскому семейству. Писатель Джон Дэйл провел ретроспективное исследование в этой области и обнаружил, что начиная с королевы Виктории, многие члены королевского дома, включая королеву-мать, правящую королеву и принца Чарльза проявляли интерес к паранормальным явлениям. Примерно в это же время Диана познакомилась с астрологом Дэбби Франк, которая консультирует принцессу последние годы. Дэбби составляет гороскоп принцессы и советует, как лучше поступать в зависимости от расположения светил. Рожденная под знаком

Рака, Диана обладает многими типичными его качествами: стремлением помогать и защищать, способностями воспитателя, упорством и чуткостью.

Ступив на путь познания духовного мира, Диана на первых порах готова была все принимать на веру. Вокруг бушевало житейское море, и она хваталась за любую соломинку, любое пророчество принимала за истину в последней инстанции. Однако месяцы упорной духовной работы не пропали даром: сегодня она воспринимает метафизические методы самоанализа и прогнозирования будущего как инструмент, своего рода компас, помогающий ориентироваться на жизненном пути, но никак не самоцель. Астрология, по ее мнению, дает серьезную пищу для размышления. Диана прислушивается к рекомендациям астрологов, сверяя их с собственной интуицией и здравым смыслом, но они отнюдь не служат для нее единственным руководством к действию. «Самопознание и самосовершенствование — наиболее важный этап нашей жизни. Это следующий шаг, который предстоит сделать Диане», — говорит подруга принцессы Анджела Серота.

Преодолевая ступеньку за ступенькой, Диана совершает трудное восхождение к открытию собственного «я» и своего места в мире. Свойственный ей непредвзятый подход к философским течениям вне магистрального направления развития западной науки в определенной мере напоминает духовные поиски ее мужа. Принц Чарльз и другие члены королевского семейства постепенно прониклись доверием к нетрадиционной медицине и холистической философии, а принцесса Диана независимо от них обратилась к альтернативным методам изучения мира. Одним из таких методов является астрология. Большую часть своей сознательной жизни Диана подчинялась воле других, в первую очередь своего мужа. В результате ее подлинное «я» подверглось серьезной деформации, и необходимо время, чтобы восстановить утраченное. Долгое путешествие к самому себе не похоже на увеселительную прогулку. Бывали дни, когда она ощущала покой и внутреннюю гармонию, но между этими светлыми мгновениями лежали недели отчаяния и мучительных сомнений. Во время приступов депрессии ей помогал врач-терапевт Стивен Твигг. Диана с глубочайшей благодарностью говорит о роли, которую сыграл этот человек в ее жизни. Начиная с декабря 1988 года он регулярно приходил в Кенсингтонский дворец на сеансы общеукрепляющего массажа. Стивен не только владеет искусством шведского массажа и приемами глубинного массажа тканей, но и проповедует целостную философию здоровья. По примеру китайской медицины, он положил в основу своей

концепции тезис о неразрывном единстве души и тела, которые требуют единого лечения.

Мнение Дианы о докторе Твигге разделяет баронесса Фокендер, в прошлом секретарь по политическим вопросам премьер-министра от лейбористской партии Хэлорда Уилсона, которая лечилась у него после операции рака груди. Вот ее мнение: «Охотно верю, что он очень помог принцессе — так же, как в свое время помог и мне. Это необыкновенная личность. В совершенстве владея искусством лечебного массажа, он в то же время предлагает целостную философию жизни, которая побуждает вас искать собственный путь развития. Он умеет расположить к себе пациента, освободить от сомнений и неуверенности, давая таким образом новый стимул к жизни».

Во время сеансов, которые продолжаются около часа, Стивен Твигг поднимает самые разные вопросы, начиная от комплекса витаминов, необходимых для жизнедеятельности организма, и кончая структурой вселенной. Его главная цель: открыть перед пациентом дорогу к самопознанию и привести в гармоническое равновесие его физическое, умственное и духовное начала. По его совету Диана начала применять курсы витаминотерапии, регулярно проводить процедуры, очищающие организм от ядов, а также обратилась к диете Хэй, которая представляет собой систему питания, основанную на раздельном потреблении белковой и углеводистой пищи. В беседах с пациентами, в том числе и с Дианой, Стивен старается высветить их положительные качества и побуждает к трезвому анализу жизненных ситуаций, которые они воспринимают как источник страха и раздражения. Так, выяснив, что пребывание в Балморале всегда выбивает Диану из колеи, Стивен говорил ей накануне очередной поездки в эту резиденцию: «Не считайте себя жертвой: если вы страдаете из-за того, что не можете отделаться от королевского семейства, то они страдают еще больше из-за того, что не могут отделаться от вас».

По словам Стивена Твигга, «не имеет значения, насколько вы богаты и какие преимущества получили от рождения. Несчастья и болезнь все сводят к нулю. Жизнь Дианы — яркий тому пример. Как и любому другому человеку, ей необходимо собрать все силы, чтобы повернуться лицом к своим проблемам, попытаться их разрешить, и тем самым изменить свою жизнь».

Диана отдала дань и другим нетрадиционным оздоровительным методам, таким как гипнотерапия и ароматерапия — древнее искусство втирания ароматических масел с целью уменьшения стресса, укрепления физического здоровья и обретения ясности ума. «Ароматерапия великолепно снимает напряжение», — заверяет Сью Бичи, которая практикует

в этой области уже двадцать лет. Ее приемная находится в Челси, одном из наиболее фешенебельных районов Лондона, и Сью сама смешивает масла перед тем, как отправиться в Кенсингтонский дворец. Принцесса часто совмещает ароматерапию с сеансом акупунктуры — иглоукалывания, которое пришло в Европу из китайской народной медицины. Искусство иглоукалывания состоит в том, что специальные иглы прокалывают кожу в строго определенных точках и стимулируют невидимые каналы энергии — так называемые меридианы, проходящие под кожей. Сеансы акупунктуры проводит квалифицированная медсестра Уна Тофоло, которая кроме Дианы лечила также ее сына принца Уильяма. Подобно Джейн Фонде и Ширли Мак-Лэйн, принцесса Уэльская верит в целебные свойства драгоценных камней.

Чтобы всегда быть в хорошей физической форме, Диана ежедневно плавает и регулярно занимается балетом как дома, так и в репетиционном зале вместе с труппой Лондонского городского балета, над которой она взяла шефство. Кроме того, под руководством личного инструктора принцесса обучается технике динамичной медитации тай-чи-хуан, весьма популярной на Дальнем Востоке. Движения этой восточной гимнастики медленны, плавны и грациозны и в конечном счете служат гармонизации функций разума, тела и духа. Принцессе это очень по душе, поскольку напоминает горячо любимый балет. Подлинное умиротворение приносит ей молитва, часто в обществе Уны Тофоло, которая совершила сложную духовную эволюцию от догматического католицизма к более широким воззрениям под влиянием нескольких лет, проведенных в Индии и на Дальнем Востоке.

Диана по-прежнему охотно читает романтическую прозу: в частности романы Дэниел Стал, которая не забывает прислать принцессе экземпляр очередного произведения со своим автографом, однако основной круг чтения теперь составляют книги по холистической философии, психологии, нетрадиционной медицине. По утрам принцесса часто изучает труды болгарского философа Михаила Иванова. Это укрепляет дух в преддверии суетного дня. Диана свято хранит переплетенный голубой кожей томик ливанского философа Хаила Джибрана под названием «Пророк». Эту книгу ей подарил Адриан Уорд-Джексон (Диана помогала ухаживать за ним, когда он умирал от СПИДа).

Общеизвестно серьезное увлечение принца Чарльза нетрадиционной медициной, философией и архитектурой. Может сложиться впечатление, что именно он способствовал расширению кругозора своей жены. Однако это не так. Как-то раз,

застав Диану за чтением книги «Перед лицом смерти», он с нескрываемой иронией посоветовал ей не тратить время попусту на изучение таких проблем. Сталкиваясь сегодня со смертью и горем людей, утративших близких, Диана не испытывает страха или растерянности и знает, как себя вести, если окружающие теряют голову от отчаяния или, наоборот, с трусливым легкомыслием отворачиваются от мрачной картины. Любовь к хоровой музыке, которая «затрагивает самые сокровенные струны», красноречиво свидетельствует о глубине и богатстве душевного мира Дианы. Если бы ее сослали на необитаемый остров, призналась как-то принцесса, она взяла бы с собой одну из месс Моцарта, реквиемы Верди и Форе.

Несколько лет интенсивного лечения методами нетрадиционной медицины, помощь друзей и мудрых наставников позволили Диане воскресить свое подлинное «я», растоптанное равнодушием мужа и косностью придворных нравов. С мифом о счастливой красавице-принцессе покончено. Упала маска, и мир увидел живое лицо. Оно ничем не напоминает наивно-кокетливый образ Золушки и не претендует на воплощение святой добродетели. Это действительно лицо живого человека, причем человека гораздо более сдержанного, замкнутого, ранимого, чем хотелось бы думать большинству окружающих. «Диана никогда не любила средства массовой информации, несмотря на их благосклонность, — замечает Кэролин Бартоломью. — На самом деле, она всегда стеснялась журналистов».

Принцесса стала зрелой женщиной и это отразилось на ее внешнем облике. Она попросила Сэма Мак-Найта сделать ей более короткую стрижку в спортивном стиле, которая больше подходит к ее теперешнему настроению и образу жизни. Ее голос также отражает внутреннюю эволюцию. Стоит Диане заговорить о «темных временах», как он становится бесцветным и вялым, понижаясь порой до шепота, словно у нее нет сил вновь заглянуть в мрачную бездну, откуда так трудно было выбраться. Зато когда принцесса в хорошем настроении и полностью владеет своими мыслями и чувствами, ее голос звучит сочно и выразительно, в нем звенит сдержанная радость жизни. Уна Тофоло впервые увидела Диану в Кенсигтонском дворце в октябре 1989 года, и сразу обратила внимание на то, что принцесса ведет себя очень застенчиво и избегает смотреть в глаза собеседнику. «За два года Диана сумела восстановить свою индивидуальность, найти точку опоры в жизни и внутреннюю свободу, которых прежде была лишена», — говорит Уна Тофоло. Объективность этого суждения подтверждают высказывания других очевидцев. Один из знакомых

Дианы описывает свою встречу с ней в 1989 году: «С первого взгляда принцесса показалась мне очень стеснительной, нелюдимой. Она сутулилась и во время разговора смотрела в пол. Весь ее облик выражал такую печаль и обреченность, что невольно хотелось помочь. С тех пор Диана сильно изменилась. Теперь у нее есть цель в жизни, она не бродит в потемках, как в дни нашей первой встречи».

Теперь Диана чувствует, что ей по плечу очень серьезные вещи, как например, проблема СПИДа. Это напрямую связано с ее внутренним преображением. Все больше времени и сил она отдает нуждам здравоохранения, в ущерб своим государственным и светским обязанностям. Это нередко вызывает нарекания. Как-то раз Диана вынуждена была присутствовать на скучнейшей встрече с чиновниками из балетной компании, которые недвусмысленно намекнули, что ей следовало бы уделять больше времени их проблемам. Задним числом Диана прокомментировала это так: «Есть проблемы поважнее, чем балет. Например, люди, умирающие прямо на улице». Зимой 1992 года Диана посетила семь ночлежек для бездомных. Обычно ее сопровождал кардинал Бэзил Хьюм, глава римско-католической церкви в Англии и Уэльсе и попечитель Общества защиты бездомных. В январе они с кардиналом Хьюмом провели почти два часа, беседуя с бездомными подростками в ночлежке на южном берегу Темзы. Среди подростков было немало больных алкоголизмом и наркоманов, некоторые старались задеть Диану злобно-агрессивными вопросами; большинство же смотрели на нее с недоумением: чего ради тратит на них время, делать, что ли, нечего?

Во время разговора в помещение ввалился пьяный шотландец. «Эй, да ты классная баба», — гаркнул оборванец, не подозревая, с кем говорит. Впрочем, когда ему объяснили, что перед ним принцесса Уэльская, он ничуть не смутился: «Все равно, классная баба!» Кардинал Хьюм готов был сквозь землю провалиться, а Диана сидела как ни в чем не бывало. Она с юмором относится к подобным выходкам и вообще ведет себя совершенно непринужденно в обществе обитателей лондонского дна. В кругу особ королевской крови и их лицемерных придворных бывает куда труднее. В 1982 году во время королевских скачек на ипподроме Аскот Диана высидела только два дня. Если сами соревнования продолжают вызывать у нее интерес, то многие красочные мероприятия, традиционно приуроченные к скачкам, кажутся теперь скучными и чересчур легкомысленными. «Меня больше не привлекают пышные празднества. Как-то неловко делается. Лучше заняться каким-

нибудь полезным делом», — призналась Диана одному из друзей.

По странному стечению обстоятельств, именно принц Чарльз помог Диане реализовать скрытые возможности и испытать свои силы. В июне 1990 года во время матча по конному поло Чарльз сломал правую руку. Он провел неделю в местном госпитале, однако лечебные процедуры оказались безрезультатными, и было принято решение сделать повторную операцию. По совету Чарльза и Пэтти Палмер-Томкинсон принц переехал в Университетскую больницу в Ноттингеме.

Несмотря на то, что больница принадлежит Государственной службе здравоохранения, принца поместили в отдельную палату, только что отремонтированную, а следом за ним из Кенсингтонского дворца прибыл дворецкий Майкл Фосетт и личный шеф-повар принца. Регулярно посещая мужа в больнице, Диана находила время и для других больных, особенно в отделении интенсивной терапии. Она несколько раз заходила к Дину Вудварду, находившемуся в критическом состоянии в результате травмы, полученной в автомобильной катастрофе. Когда больной поправился, принцесса нанесла частный визит его семье. С ее стороны это был жест спонтанного милосердия, и Диана весьма огорчилась, когда эта история получила огласку: семья больного продала информацию газетам.

В этой же больнице произошло событие, во многом определившее дальнейшую жизнь Дианы. Знаменательная встреча состоялась вдали от фоторепортеров, улыбающихся сановников и любопытных зрителей. За три дня до этого в деревне Балдертон, что близ Ньюарка, на скотном дворе своего дома внезапно потеряла сознание домохозяйка Фреда Хиклинг. Врачи поставили диагноз: кровоизлияние в мозг. Когда принцесса, приехавшая навестить Чарльза, впервые увидела ее в отделении интенсивной терапии, Фреда жила только благодаря системе поддержания жизни. Ее муж Питер сидел возле неподвижного тела, не выпуская из рук ладонь жены. Диана расспросила врача и узнала, что случай практически безнадежный. Она тихо попросила у Питера разрешения посидеть рядом с ним. Два часа она не отходила от Питера, пока врачи не сообщили, что его жена мертва. Питера, его приемного сына Нэйла вместе с подругой Сью проводили в отдельную комнату, куда за ними последовала и принцесса. Сью так испугалась при виде покойницы, что поначалу не узнала Диану — решила, что это дама с телевидения. «Называйте меня просто по имени», — сказала принцесса. Она затеяла разговор о повседневных вещах: какие условия в больнице, как себя чувствует принц Чарльз; расспросила Нэйла о его работе в лесничестве. Ей пришло в

голову, что Питеру не помешает стаканчик джина, и на поиски отправили телохранителя. Тот ушел и словно в воду канул. Тогда принцесса раздобыла джин для Питера самостоятельно. 53-летний Питер, в прошлом муниципальный служащий, вспоминает: «Она не давала нам упасть духом. Если учесть, что до этого принцесса ровно ничего о нас не знала, можно только удивляться, как профессионально она действовала: сразу нашла подход, не колеблясь принимала решения. Нэйл не раскис только благодаря Диане. Когда мы собирались уходить, он болтал с ней, как со старой знакомой, даже поцеловал в щеку на прощание».

Сам Нэйл вторит отчиму: «Диана такая внимательная, участливая. Сразу видно: можешь на нее положиться. Она знает, что такое смерть и горе».

Питер и Нэйл готовились к похоронам, когда в их дом доставили письмо на бумаге с грифом Кенсингтонского дворца. В самых теплых выражениях Диана писала о своем сочувствии горю родственников покойной. Письмо датировано 4 сентября 1990 года.

Встреча с семьей покойной Фреды Хиклинг стала событием эпохального значения в жизни женщины, которая так долго считала себя никчемной, неспособной дать миру что-либо большее, нежели красивая внешность. Это заблуждение — прямое следствие ее жизни в королевском семействе. Вот свидетельство Джеймса Джилби: «Во время визита в Пакистан она была поражена тем, что пять миллионов людей бросили свои дела, только чтобы посмотреть на нее. В ее голове постоянно идет борьба: «Неужели все эти люди действительно хотят меня видеть? А потом я вернусь домой и буду сидеть тихо, как мышка. Никто не скажет: «Молодец!» Ее сознание мучительно раздваивалось. Там, во внешнем мире — всеобщее поклонение, а дома серое, незаметное существование. Некому сказать доброе слово, не считая детей, разумеется. Окружающие считают, что это в порядке вещей. Она чувствует, что живет в совершенно чуждом мире».

«Подумаешь, какие мелочи», — скажут некоторые. Но для Дианы подобные мелочи значат очень много. Она не ищет восхвалений, но если люди просто благодарят за помощь, формальные обязанности превращаются в личное, сердечное дело. Рукоплескания толпы всегда вызывали у нее лишь недоумение. Другое дело — теплое слово или дружеское рукопожатие. Если это есть, значит, день прошел не зря. Органично присущая ей потребность помогать страдальцам, больным, умирающим стала настоящим призванием. Диана советовалась по этому поводу с деятелями церкви, в том числе

архиепископом Кентерберийским и другими выдающимися епископами. «Где бы я ни видела страдающих людей, мне хочется быть там, с ними, делать то, что в моих силах», — признается Диана. Посещение специализированных больниц для тяжелых и безнадежных больных для нее не тяжкий крест, а потребность души. В июле 1991 года Барбара Буш и принцесса Диана посетили отделение для больных СПИДом Миддлсекской больницы, и первая леди Америки сразу же обратила внимание на то, как естественно вела себя в этой ситуации Диана.

Когда прикованный к постели больной заплакал во время разговора с принцессой, она без малейшей аффектации крепко обняла его за плечи. Этот спонтанный жест растрогал не только Барбару Буш, но и других присутствующих. Когда Диана говорит о том, что больным СПИДом нужно не только доброе слово, но и тепло человеческой руки, это не абстрактный призыв: свою искренность она доказала на деле. Рядом с неизлечимо больным Диана чувствует себя гораздо лучше, чем среди придворных интриг.

Высказывания Дианы по проблеме СПИДа вызывают далеко не однозначную реакцию. Ей часто пишут анонимные письма, полные ненависти и угроз. Она не могла не включиться в дискуссию по этому вопросу, потому что вообще не может проходить мимо отверженных, мимо тех, от кого общество отвернулось со страхом и отвращением. Больные проказой, наркоманы, бездомные, дети, подвергающиеся сексуальному злоупотреблению, — Диана сталкивается с самыми страшными язвами общества. «Диана взялась за СПИД, потому что увидела категорию людей, которым никто не желает помочь. Не следует думать, что ее интересует само заболевание, сама проблема СПИДа. Ее интересуют люди, их страдания», — говорит подруга принцессы Анджела Серота.

Уход за больными СПИДом требует не только особого такта — нужны еще твердость и мужество, чтобы нарушить табу, окружающие болезнь, которая пока что не поддается излечению. Диане чуждо ханжество или слезливое сочувствие. Она понимает, что СПИД — это целый комплекс проблем, индивидуальных и социальных. «Хорошо, что она взялась за такое трудное дело, — считает ее брат Чарльз. — Это не то, что обычная благотворительность, когда знаешь, что любой справится не хуже тебя. СПИД — совсем другое. Нужна подлинная любовь к людям и самоотверженность, чтобы делать то, о чем другим страшно даже подумать». Чарльз на собственном опыте убедился, что его сестра в полной мере обладает этими качествами. Он как-то пригласил одного американского друга, умирающего от СПИДа, на крестины

своей дочери Китти и попросил его стать ее крестным отцом. Перелет из Нью-Йорка страшно утомил больного, и к тому же он, по понятным причинам, волновался в присутствии члена королевского семейства. «Диана сразу же поняла, в чем дело, — вспоминает Чарльз, — она подошла к нему сама и заговорила с истинно христианским милосердием. Весь день она была к нему особенно внимательна. Ее участие имело для него громадное значение».

Милосердие и самоотверженность — эти черты характера Дианы наиболее ярко проявились, когда она тайно ухаживала за умирающим от СПИДа Адрианом Уорд-Джексоном. Пять месяцев величайшего эмоционального напряжения — целая эпоха в ее жизни. Покойный Адриан Уорд-Джексон был видной фигурой в мире искусства, в частности оперы и балета. Общение с Адрианом, человеком редкого обаяния и кипучей энергии, доставляло ей огромную радость, и в то же время больно было смотреть, как безжалостная болезнь медленно подтачивает его силы. В середине 80-х годов, когда у Адриана обнаружили вирус СПИДа, он не сразу нашел в себе мужество стойко переносить свою судьбу. Будучи заместителем председателя Общества по борьбе со СПИДом (там они, кстати, и познакомились с принцессой), он имел полное представление о том, что его ждет. В 1987 году он поделился своей бедой со старым другом, Анджелой Серота, которая некогда выступала в труппе Королевского балета, но после травмы ноги вынуждена была покинуть сцену и заняться пропагандой и развитием балетного искусства. С этого момента Анджела, волевая, умная и практичная женщина, взяла Адриана под свою опеку, причем ухаживать за больным помогали обе ее дочери, девочки-подростки.

Адриан Уорд-Джексон возглавлял Королевский балет, был председателем Общества современного искусства, директором Театральной Музейной ассоциации. Его заслуги в области театрального искусства принесли ему широкое общественное признание. В марте 1991 года Адриана чествовали в галерее Тейт, где сопровождавшая его Анджела Серота познакомилась с принцессой Дианой. В апреле состояние Адриана резко ухудшилось, и он уже не мог выходить из своей квартиры в престижном районе Мейфер в лондонском Вест-Энде. Анджела находилась при нем почти безотлучно. С этого времени Диана тоже часто навещала больного и однажды даже привела детей — принцев Уильяма и Гарри. Ухаживая за общим другом, женщины прониклись взаимной искренней симпатией и старались поддерживать друг друга. «Одухотворенная красота Дианы

произвела на меня большое впечатление, — вспоминает Анджела. — Ее лицо освещает свет внутренней духовности, и в то же время на нем лежит печать безысходной печали. Помню, она всегда настаивала, чтобы я обращалась к ней без формальностей — меня это очень тронуло».

Анджела хорошо запомнила и тот день, когда Диана привела с собой сыновей. Это не было случайностью: принцесса считает своим материнским долгом приучать сыновей к самым разным аспектам жизни и смерти. Уильям показался Анджеле не по годам развитым и необыкновенно чутким ребенком. По ее словам, «он воспринимал болезнь совсем по-взрослому. Уже теперь чувствуются задатки, которые в будущем получат полное развитие: доброта и чувство долга».

Поначалу Анджела старалась не мешать, уходила из комнаты Адриана, чтобы они с Дианой могли спокойно поболтать о последних новостях. Принцесса дала ей прозвище «дама А» и почти всегда приходила с каким-нибудь подарком: букет цветов или что-нибудь в этом роде. «Адриан с удовольствием слушал рассказы о ее повседневных делах, о событиях общественной жизни, смеялся шуткам. Надо сказать, принцесса обращалась с ним с удивительным тактом, пониманием и искренним участием. Это личность, а не разряженная кукла, которая проплывает мимо вас в облаке духов», — вспоминает Анджела. В доме больного царила атмосфера радости — счастье, которое приходит лишь к тем, кто знает, что такое настоящая боль. «Смерть не вызывает у меня печали и уныния, — говорит Анджела. — Это как путешествие в неведомые края. Диана хорошо понимает мои чувства. В общении с больным она находила что-то очень важное для себя. В то же время на Адриана ее присутствие действовало благотворно, он черпал в нем силы». Больного поддерживали сеансами ароматерапии, Анджела читала ему вслух Библию, сочинения Хайла Джибрана и Франциска Ассизского. Большим событием стал телефонный звонок из Калькутты от матери Терезы. Ее индийские друзья привезли умирающему медальон от знаменитой подвижницы в знак любви и дружбы. На похоронах Адриана Диане вручили письмо от матери Терезы, в котором она сообщала, что с нетерпением ждет встречи с принцессой во время ее визита в Индию. К несчастью, мать Тереза серьезно заболела и уехала на лечение в Италию. Принцесса специально отправилась туда, чтобы С ней повидаться. Внимание со стороны матери Терезы очень воодушевляло Диану.

Когда Диане не удавалось прийти, она звонила по телефону, чтобы справиться о состоянии больного. Когда праздновали тридцатилетие принцессы, у нее на руке был браслет,

подаренный Адрианом в знак дружеской привязанности. Диана приняла твердое решение оставаться с умирающим другом до самого конца, однако обстоятельства складывались не в ее пользу. В августе болезнь обострилась до такой степени, что врачи настояли на переводе в больницу св. Марии, где больному могли оказать более эффективную помощь. С тяжелым сердцем Диана отправилась вместе с мужем и детьми в круиз по Средиземному морю на яхте, принадлежащей греческому миллионеру Джону Лацису. Она рассчитывала, что в крайнем случае ее доставят вертолетом на ближайший аэродром, откуда она сможет вылететь в Лондон, к умирающему. «Я дождусь Вас», — сказал ей Адриан, когда Диана зашла к нему попрощаться перед отъездом. Эти слова врезались в самое сердце, и Диана считала часы до возвращения в Лондон.

Как только приземлился самолет, доставивший их специальным королевским рейсом на лондонский аэродром, Диана помчалась прямо в больницу св. Марии. «Неожиданно в дверь постучали, — вспоминает Анджела. — Это была Диана. Мы обнялись, и я проводила ее к Адриану. Он был страшно рад ее видеть: загорелую, в легкой футболке. (Диана даже не успела переодеться)». Из больницы Диана поехала домой, в Кенсингтонский дворец, но на следующий же день вновь отправилась к больному с целой охапкой всевозможных подарков. Вместе с матерью приехал принц Уильям, который вошел в палату, сгибаясь под тяжестью жасминового деревца из оранжереи в Хайгроуве. Для Анджелы принцесса привезла корзинку с провизией, специально приготовленной ее шеф-поваром. Умирающий держался мужественно и спокойно. Поэтому Диана и решилась взять с собой сына. «Она могла быть абсолютно спокойна, что вид больного не испугает мальчика», — свидетельствует Анджела. По дороге домой Уильям попросил мать: «Если я буду в школе, когда Адриан начнет умирать, пожалуйста, сообщи мне, чтобы я тоже мог приехать».

И вновь жесткий придворный регламент заставил Диану покинуть Лондон: королевское семейство во главе с самой королевой, как всегда летом, переезжало в Балморал. Диана уехала, заручившись обещанием, что ее немедленно поставят в известность, если состояние больного станет угрожающим. По ее подсчетам, на машине она могла добраться из Шотландии до Лондона за семь часов.

В понедельник 19 августа стало ясно, что дни, а может быть, часы Адриана сочтены. Каноник Роджер Гринакр причастил умирающего. Вечером он был так плох, что сестры разбудили прикорнувшую поблизости Анджелу и попросили ее немедленно

дать знать принцессе. Диана не успела на последний рейс на Лондон и попыталась было найти частный самолет — увы, тоже безуспешно. Тогда решила ехать на автомобиле вместе с телохранителем. Расстояние от Балморала до Лондона немалое — 600 миль (965 км). Принцесса провела в дороге всю ночь и к 4 часам утра была в больнице. Еще несколько часов она не смыкала глаз: сидя у изголовья умирающего, держала его за руку и гладила по волосам. Во вторник и среду больной оставался в том же положении. «Мы ухаживали за ним попеременно, — вспоминает Анджела. — Умирал он долго и трудно». Не удивительно, что утром в среду Диана едва не падала от усталости. Она прилегла на кушетке в коридоре, как вдруг в одной из соседних палат поднялся переполох. Там, как выяснилось, лежала женщина, которой недавно сделали операцию на сердце. Ее состояние не внушало опасений, и счастливые родственники собрались у постели больной. Без видимых причин сердце отказало, и мать умерла на руках у детей. Пока врачи и сестры безуспешно пытались спасти больную, Диана утешала потрясенных родственников. Дети были в шоке: разум отказывался примириться с тем, что минуту назад мать оживленно разговаривала с ними, и вот ее нет. Диана оставалась с ними, пока они не покинули больницу. На прощание один из сыновей сказал ей: «Господь взял к себе нашу мать, но на ее место послал нам ангела».

Слухи о том, что принцесса буквально днюет и ночует в больнице св. Марии, дошли до журналистов, и в четверг у входа Диану поджидала группа фоторепортеров. «Некоторые думают, что Диана появилась в самый последний момент, — говорит Анджела. — Это какое-то недоразумение, мы разделили бремя поровну». Утром в четверг 23 августа Адриана не стало. Когда он умер, Анджела вышла в соседнюю комнату позвонить Диане. Прежде чем она заговорила, Диана сказала: «Еду». Когда она приехала, они вместе помолились за упокой души умершего, и затем Диана вышла из палаты, чтобы Анджела Могла побыть у тела друга какое-то время одна. «Я не знаю никого, кроме Дианы, кто бы сначала думал не о себе, а обо мне», — говорит Анджела. Привычка заботиться о других взяла верх над собственным горем. Диана приготовила постель для подруги в соседней комнате и уговорила ее лечь.

Диана понимала, что Анджела как никогда сейчас нуждается в поддержке родных. Пока подруга спала, она уложила ее чемодан и позвонила ее мужу во Францию предупредить, что Анджела вылетит в Монпелье первым же рейсом, как только проснется. Потом принцесса поднялась наверх, в родильное

отделение — то самое, где появились на свет ее сыновья. В этот момент ей необходимо было видеть чудо рождения рядом с только что свершившимся таинством смерти. Как ни тяжела утрата, жизнь продолжается. Последние несколько месяцев многому научили Диану. Теперь она твердо знала, что сумеет жить по-новому.

Диана чувствовала, что одержала важную победу, тем более что на этот раз у нее хватило решимости противостоять даже всемогущему придворному протоколу. Ведь принцесса покинула Балморал, не испросив предварительно разрешения королевы, и не подчинилась требованию незамедлительно вернуться из самовольной отлучки. В придворных кругах господствовало убеждение, что в сложившейся ситуации достаточно было нанести символический визит умирающему, и самоотверженность Дианы вызывала недоумение, как нечто из ряда вон выходящее. Принц Чарльз никогда не принимал всерьез ее деятельность и отнюдь не приветствовал многочасовые бдения у постели умирающего — в ущерб формальным обязанностям. Душевный порыв Дианы не нашел отклика в сердцах королевских родственников. Они не понимали, как важно для нее выполнить данное слово: до самого конца оставаться с умирающим другом, облегчая его муки. Но Диана не сдалась. В этот критический момент на внутренних нравственных весах долг милосердия перевесил долг по отношению к королевскому дому с его жестким формальным протоколом. Анджела приводит слова принцессы, отражающие ее переживания в тот период: «Вы оба нуждаетесь во мне. Как странно чувствовать, что кому-то нужна именно я — я сама. Почему именно я?»

На похоронах Диана не отходила ни на шаг от Анджелы, словно ангел-хранитель. Однако во время поминального богослужения в соборе св. Павла их разлучили: придворные чиновники, не взирая на доводы обеих подруг, настояли на соблюдении формальностей. Поскольку богослужение в соборе св. Павла, главном храме страны, считалось официальным мероприятием, членам королевского семейства полагалось сидеть справа от алтаря, а родственникам и друзьям усопшего слева. Как это уже не раз бывало в жизни Дианы, придворный церемониал равнодушно попирал самые сокровенные человеческие чувства. Присутствующие в храме не могли не заметить, как горько она оплакивает ушедшего друга, чья смерть вселила в нее веру в возможность обновления.

Принцесса больше не желала скрывать свою скорбь в угоду придворным условностям. Теперь, когда она поверила в себя, не было нужды прятаться под опостылевшей личиной. Несколько

месяцев общения с Адрианом перевернули ее представления о системе ценностей в человеческой жизни. Вскоре после его смерти она писала об этом Анджеле: «Я проникла в такие глубины собственной души, о которых прежде даже не подозревала. Мое отношение к жизни изменилось, стало более устойчивым и сбалансированным».

8. «Я не вмешиваюсь в их дела…»

Принцесса Уэльская обедала в ресторане «Сан-Лоренцо» в обществе подруги. Их беседу прервало появление телохранителя с тревожным известием: принц Уильям пострадал в результате несчастного случая в частной школе-интернате в графстве Беркшир. Принц Чарльз уже находился в пути из Хайгроува в Королевскую беркширскую больницу в городе Рединг, куда мальчика доставили на обследование. Подробности еще не были известны. Диане сказали только, что Уильям получил сильный удар по голове во время игры в гольф на одной из пришкольных спортивных площадок. Поспешно покинув ресторан, принцесса помчалась в больницу. В Беркширской больнице сделали рентгеновский снимок, чтобы установить степень повреждения головы, после чего врачи рекомендовали родителям перевезти его в детскую больницу на Грейт-Ормонд-Стрит в Лондоне. Принцесса сопровождала сына в машине «скорой помощи», а его отец поехал следом за ними на своей спортивной машине «астон-мартин». Пока мальчика готовили к операции, нейрохирург Ричард Хэйуорд, личный врач королевы д-р Энтони Доусон и несколько других врачей ввели родителей в курс дела. Медики единодушно утверждали, что мальчику необходима срочная операция. Родителей предупредили, что риск достаточно велик: во-первых, неизвестно, насколько серьезные повреждения нанесены мозгу в результате самой травмы, и во-вторых, могут возникнуть осложнения в ходе хирургического вмешательства.

Удостоверившись, что сын находится в надежных руках, принц Чарльз отправился из больницы прямо в Ковент-Гарден, слушать «Тоску» Пуччини. В этот вечер он сопровождал в театр делегацию высокопоставленных чиновников Европейского Сообщества, включая специального уполномоченного по вопросам охраны окружающей среды, прилетевшего из Брюсселя.

Уильяма повезли на каталке в операционную, а мать шла рядом, держа его за руку. Семьдесят пять минут Диана просидела в соседней комнате, со страхом ожидая исхода операции. Позже она призналась друзьям, что никогда в жизни время не тянулось для нее так медленно. Наконец вышел доктор Хэйуорд и сообщил, что операция прошла успешно и мальчик чувствует себя хорошо. Уильяма поместили в отдельную палату. Мать не отходила от него ни на шаг, а отец в этот момент садился в вагон королевского поезда, чтобы к утру прибыть в графство Йоркшир и принять участие в экспедиции по изучению экологической обстановки.

Диана сидела у изголовья сына, глядя, как каждые двадцать минут сестры измеряют ему давление, проверяют рефлексы и реакцию зрачков на свет. Еще до операции родителям Уильяма объяснили, что самое опасное послеоперационное осложнение — внезапный скачок кровяного давления, что часто случается при операциях черепно-мозговых травм. Поэтому-то сестры и приходили так часто.

Утром, измученная бессонной ночью, Диана открыла газеты и расстроилась еще больше: в репортажах о несчастном случае писали о возможности развития эпилепсии у принца Уильяма. Это было только одно из возможных осложнений; В разговоре с друзьями Диана заметила: «Наш долг — поддерживать детей и в радости, и в беде». С ней были солидарны очень многие. Журналисты, психологи, возмущенные матери хором клеймили беспечного отца, бродившего в это время по долинам Йоркшира с миссией «зеленых». «Что же это за папочка?» — язвительно вопрошал заголовок в газете «Сан».

Широкая общественность была в шоке от поведения принца Чарльза, который не пожелал даже на несколько часов отложить дела ради семьи. Однако для его жены в этом не было ничего неожиданного. Это был скорее очередной пример, подтверждающий правило, нежели из ряда вон выходящее событие. Одна из подруг, видевшая Диану буквально через несколько минут после того, как Уильяма привезли из операционной, рассказывала: «В это трудно поверить, но Диана даже не удивилась.

Она давно привыкла к подобной реакции, и поступок мужа лишь подтвердил, что дети его мало волнуют, не говоря уже о жене. Он и не подумал ее поддержать. Ни поцелуя, ни ласкового слова — ничего». Это наблюдение подтверждают слова Джеймса Джилби: «Несчастье с Уильямом повергло Диану в полный ужас. Судя по всему, опасность была чрезвычайно велика. Она не в состоянии понять поведение мужа, и потому просто не разрешает себе об этом думать. Все ее мысли и чувства сосредоточились на ребенке».

Когда принцу Чарльзу доложили о негодовании общественности, его реакция опять-таки не удивила Диану: он обвинял во всем ее. Он заявил, что жена «подняла бурю в стакане воды» из-за обычной операции и глупых сплетен насчет эпилепсии, которой якобы может заболеть будущий престолонаследник. Королева, которую принц Чарльз не посвятил в подробности происшествия, была удивлена и весьма огорчена, когда Диана рассказала ей, что операция была отнюдь не пустяковой.

Спустя несколько дней после несчастного случая, когда Диана убедилась, что ребенок идет на поправку, она решила исполнить давнее обещание и посетить Государственную больницу «Марло». Приветствовать ее собралась целая толпа, и какому-то пожилому мужчине стало плохо сердцем. Не раздумывая, Диана бросилась на помощь. Средства массовой информации отреагировали на этот жест милосердия восторженными заголовками, а принц Чарльз упрекнул жену, что она строит из себя героиню. Незаслуженная критика лишний раз напомнила Диане, какая пропасть отделяет ее от мужа. Приближалась десятая годовщина их свадьбы. В обществе с интересом и энтузиазмом ожидали этого события. Со свойственной ей прямолинейностью Диана заметила по этому поводу: «Что тут, собственно, праздновать?»

Разительный контраст в поведении супругов во время болезни сына сделал достоянием широкой общественности то, о чем до сих пор знали лишь немногие посвященные. Красивая сказка о принце и Золушке растаяла, как призрачный мираж. Они продолжали числиться мужем и женой, но на деле семьи не было. Их супружеский союз распался — осталось одно название. Да и на профессиональном поприще они стали не столько партнерами, сколько соперниками (к величайшему огорчению многих искренних друзей). Как много радостных надежд было вначале, и какой плачевный результат спустя десять лет: взаимная подозрительность и враждебность, в лучшем случае холодное равнодушие. По признанию самой принцессы, духовный союз между супругами распался еще в 1984 году, после рождения принца Гарри. С 1987 года они перестали делить брачное ложе. Это произошло во время официального визита в Португалию, и с тех пор принц и принцесса спят в разных комнатах. Не так давно в журнале «Тэтлер» появилась статья под названием «Принц Чарльз слишком уж сексуален — не в этом ли проблема?» Автор и не подозревал, как иронично звучит эта фраза, если исходить из реального положения дел.

Взаимная неприязнь настолько велика, что, по наблюдению близких друзей, само присутствие мужа раздражает и расстраивает Диану. Тот, в свою очередь, проявляет к жене равнодушие, граничащее с отвращением. На торжественном концерте в Букингемском дворце по случаю 90-лётия королевы-матери принц Чарльз демонстративно пренебрегал женой, что вызвало негативную реакцию прессы. Журналисты удивлялись, а принцесса сыронизировала: «Он давно уже пренебрегает мною везде и всюду. Попросту не замечает моего присутствия». Диане пришлось отказаться от попыток обсуждать с мужем его дела,

особенно в тех областях, которые интересуют его больше всего: архитектура, экология, сельское хозяйство. На собственном горьком опыте она убедилась, что любое, самое доброжелательное замечание встречает откровенно пренебрежительную реакцию. «Это вызывает у нее ощущение собственной интеллектуальной неполноценности, и муж постоянно поддерживает в ней этот комплекс», — утверждает один из близких друзей. В день, когда ему исполнилось 43 года, Чарльз повел жену на пьесу «Никчемная женщина». Ироническая подоплека этого поступка ясна даже посторонним.

Человек незаурядного обаяния, остроумный собеседник, Чарльз, тем не менее, беспощадно расправляется с теми, кто пытается ему противоречить. Жертвами нетерпимости принца стали несколько личных секретарей, слишком активно возражавших патрону, целый ряд других придворных чиновников и, наконец, его собственная жена. Мать Дианы также поплатилась за свое прямодушие. Это случилось во время крестин Гарри. Принц Чарльз пожаловался теще, что ее дочь наградила ребенка рыжими волосами (это наследственная черта Спенсеров). Миссис Шанд-Кид осталась верна себе. Не взирая на придворные условности, она заявила, что принц должен быть счастлив, что его второй сын вообще родился здоровым. С этого момента принц Уэльский без всякого снисхождения вычеркнул тещу из своей жизни. Зато миссис Шанд-Кид стала с большим сочувствием относиться к дочери.

Стена отчуждения, разделяющая супругов, столь высока, что уже нет смысла прибегать к маскировке, спасая их публичный имидж. Однажды незадолго до Рождества Диана должна была ехать в Плимут, чтобы принять участие в важном мероприятии вместе с мужем. Вечером по приезде она была на концерте классической музыки с принцем Эдуардом. Наутро Диана заявила, что не сможет принять участие в запланированном мероприятии, поскольку у нее начался грипп. Ей действительно нездоровилось, однако больше всего пугала перспектива провести весь день в обществе мужа. Принцесса предпочла просидеть до вечера в четырех стенах.

Придворным чиновникам приходится постоянно балансировать на краю пропасти, зияющей между реальным и номинальным статусом супругов. Эта проблема встала особенно остро, когда 29 марта 1992 года принцесса Уэльская получила сообщение о смерти своего отца. В этот момент она каталась на горных лыжах в Австрии. Принцесса собиралась лететь домой одна, рассчитывая, что муж останется с детьми. Он, однако, пожелал сопровождать жену. Диана без обиняков заявила, что

слишком поздно разыгрывать заботливого супруга. На нее обрушилось большое горе, и казалось кощунством подчиняться лицемерному протоколу в угоду публичному имиджу королевской семьи. Диана уперлась не на шутку. В гостиничном номере напротив нее сидели муж, его личный секретарь и пресс-секретарь, убеждая соблюдать приличествующие случаю протокольные формальности. Она отказывалась. Спор приобретал все более ожесточенный характер. В конце концов оппоненты Дианы позвонили по телефону в Виндзорский замок королеве, которая взяла на себя роль арбитра. Королева решила, что лететь домой следует вместе, и принцессе пришлось смириться. В аэропорту их встречала группа журналистов, которые послушно отрапортовали в средствах массовой информации, что принц Чарльз поддержал жену в минуту скорби. Правда же состояла в том, что немедленно по прибытии в Кенсингтонский дворец принц Чарльз выехал в Хайгроув, забыв о горе жены. Спустя два дня были похороны, и Чарльз подоспел на вертолете, так что все приличия были соблюдены. Подруга, которой Диана рассказала все закулисные перипетии этой истории, вспоминает: «Он вернулся домой только ради своего публичного имиджа. Диана считала, что хотя бы в тот момент, когда она оплакивала смерть отца, муж мог оставить ее в покое и не принуждать к участию в унизительном маскараде».

«Диану явно угнетает присутствие мужа, — свидетельствует один из близких друзей. — Она чувствует себя счастливой лишь тогда, когда он уезжает в Шотландию. Когда он находится в Кенсингтонском дворце, она совершенно теряется и робеет, как девчонка. Она сдает одну за другой позиции, отвоеванные, пока его не было». Присутствие мужа действует на нее физически. Даже голос меняется. Обычно ее речь выразительна и энергична, голос звучит сочно, жизнерадостно. Если же рядом муж, Диана говорит вяло, глухим голосом, кажется, даже с трудом подбирает слова, будто придавленная неимоверной усталостью. Такая же метаморфоза происходит с ее голосом, когда она рассказывает о разводе родителей или вспоминает «мрачные времена». — первый период ее жизни при дворе до конца 80-х годов, когда она пребывала в мучительном разладе с самою собой, тщетно пытаясь приспособиться к жесткому распорядку королевского семейства.

В присутствии мужа Диана начинает вести себя, как много лет назад, когда она была совсем молоденькой девушкой: ни с того, ни с сего хихикает, грызет ногти (вообще, ей давно уже удалось избавиться от этой привычки). В глазах появляется испуганно-затравленное выражение. Когда они находятся вместе под одной крышей, в воздухе повисает предгрозовое напряжение.

По наблюдению Уны Тофоло, «с появлением принца Чарльза атмосфера в королевском дворце резко меняется. При муже Диана ведет себя скованно, неестественно. Грустно наблюдать упадок и деградацию в этом доме».

Когда принц Чарльз не так давно вернулся домой из частной поездки во Францию, Диана в буквальном смысле слова сбежала из Кенсингтонского дворца — только бы избавиться от его присутствия. Она позвонила подруге, у которой накануне случилось несчастье: умер близкий человек. Подруга плакала, и Диана в порыве сострадания сказала: «Подожди, я выезжаю». Эта женщина вспоминает: «Диана примчалась тотчас же, и по ее расстроенному лицу я поняла, что у нее неприятности». «Я приехала ради тебя, но не только, — призналась она. — Явился мой муж, и мне просто необходимо было под любым предлогом вырваться».

Принц и принцесса живут каждый своей жизнью и объединяются только в тех случаях, когда нужно изобразить видимость семейного союза. Впрочем, когда они появляются вместе на публике, взаимная отчужденность бросается в глаза даже самому неискушенному зрителю. Так, например, они сидели рядом на стадионе «Уэмбли» на матче финала розыгрыша кубка по футболу, но за 90 минут, пока продолжалась игра, супруги не обменялись ни единым словом, даже не посмотрели друг на друга. От внимания наблюдателей не укрылось и то, что со времени их индийского турне принц Чарльз перестал целовать жену в щеку или в шею по окончании игры в поло. Если раньше принц и принцесса пользовались почтовой бумагой, украшенной инициалами обоих, то теперь они пишут письма каждый на своей особой бумаге с собственным вензелем.

Когда Диана живет в Кенсингтонском дворце, ее супруг предпочитает находиться в усадьбе Хайгроув или в Балморале. В их загородном доме Диана спит одна на массивном двуспальном ложе в главной спальне, а Чарльз почивает на кровати, некогда принадлежавшей его сыну Уильяму. Он облюбовал эту широкую латунную кровать несколько лет назад под тем предлогом, что на ней удобнее спать с больной рукой (незадолго до этого Чарльз сломал руку во время игры в поло.) Когда отец поправился, принц Уильям было намекнул, что пора вернуть кровать, однако Чарльз не пожелал расстаться с сепаратным ложем. «Иногда мне кажется, что у меня не двое, а трое детей», — иронически заметила как-то Диана. Счастливые дни, когда она называла его «мой дорогой муженек», давно миновали. Джеймс Джилби замечает с грустью: «Бывает, что супруги, вынужденные жить в разлуке, перезваниваются каждый вечер: «Дорогой, как дела? Как ты

провел день?» К Диане это не относится. Они с мужем живут каждый своей жизнью и не питают ни малейшего интереса к делам друг друга».

Обедая как-то с близкой подругой, матерью троих маленьких детей, Диана рассказала ей об одном случае, когда во время семейной ссоры проявились доброта и чуткость ее сына Уильяма. Это произошло в те дни, когда в Букингемском дворце было принято решение официально объявить о раздельном проживании герцога Йоркского и его супруги. Всю неделю Диана места себе не находила от тревоги. Жаль было расставаться с Сарой, интересной и веселой подругой, да и собственное будущее не сулило радужных надежд: она понимала, что в сложившейся ситуации бдительное око общественного мнения еще пристальнее будет следить за перипетиями ее семейной жизни. Между тем ее муж, казалось, вообще не замечает, какой фурор произвело сообщение о разрыве между герцогом и герцогиней.

Он продолжал день за днем объезжать старинные помещичьи усадьбы, собирая материал для своей книги о садовой архитектуре. Вернувшись в Кенсингтонский дворец, принц Чарльз выразил недоумение по поводу плохого настроения жены. Не удостоив комментария сенсацию недели, он с ходу принялся критиковать поведение жены, в частности ее решение поехать в Рим, к матери Терезе. Даже служащие, привычные к то и дело вспыхивающим ссорам, на этот раз были удивлены равнодушием принца к судьбе собственного брата и явно сочувствовали Диане, когда та заявила в ответ на колкости, что, если муж не изменит своего отношения к ее работе и к ней самой, она вынуждена будет серьезно подумать о будущем. Диана, в слезах, поднялась наверх и закрылась в ванной. Пока она приводила себя в порядок, к двери подошел принц Уильям, и просунув в щель несколько бумажных носовых платков, сказал: «Пожалуйста, вытри слезы. Мне так плохо, когда ты плачешь…»

Проблема будущего неотступно терзает Диану. На одной чаше весов чувство долга перед королевой и народом, на другой — надежда обрести наконец счастье и покой. Чтобы стать свободной, нужно развестись; если же она получит развод, то неизбежно потеряет детей, без которых не мыслит существования. Кроме того, в этом случае ее ждет всеобщее осуждение, поскольку люди не подозревают о том, как одинока и печальна ее жизнь, отождествляя по инерции ее образ с улыбающимся лицом на журнальных обложках. Изо дня в день она перебирает варианты решения этой дилеммы, каждый раз возвращаясь к исходной точке и вовлекая в это круговращение многочисленных друзей и советчиков.

В течение последних нескольких лет близкие друзья наблюдали, как их семейная жизнь превращалась в ожесточенную войну, в которой ни та, ни другая сторона не согласны ни на какие уступки. Дома они воют из-за детей и из-за связи Чарльза с Камиллой Паркер-Боулз. Необъявленная война самым плачевным образом сказывается на традиционных государственных функциях принца Уэльского и его супруги, принцессы Уэльской. Диана не желает ни в чем помогать мужу, он ей платит той же монетой. На крайний случай Диана приберегает самый убийственный аргумент: «Не забывай, я мать твоих детей». Эта бомба взорвалась во время одной из бесчисленных стычек по поводу миссис Паркер-Боулз.

В конфликт втягиваются и придворные. После дискуссии в прессе об отцовских качествах принца Чарльза его личный секретарь Ричард Эйлард попытался исправить положение. Он написал записку, в которой умолял патрона как можно чаще появляться на публике в обществе своих детей, чтобы по крайней мере создать видимость отцовской заботы. В заключение своего послания он начертал большими буквами и обвел красными чернилами одно слово: «Постарайтесь!» Уловка дала кратковременный эффект. В газетах появилось фото: принц Чарльз отводит принца Гарри в школу Уэтерби или катается верхом вместе с детьми по аллеям Сандрингемского парка. Ловкий придворный мог гордиться этой маленькой победой.

Принцесса испытывает глубокое отвращение к подобным лицемерным трюкам. Уж ей-то хорошо известно, сколько внимания уделяет принц Чарльз воспитанию детей в повседневной жизни. «Она считает его плохим, эгоистичным отцом, — говорит Джеймс Джилби, — поскольку на первом месте у него всегда собственные интересы, а уж потом дети. Он никогда не станет ради детей отменять или откладывать то, что заранее наметил. Именно так воспитывали его самого, и теперь воспроизводится старая схема. Поэтому принцесса расстраивается, глядя на фотографии, где он изображен играющим с детьми в Сандрингеме. Мы с ней говорили об этом, и ей с трудом удавалось сдерживать раздражение — ведь подобные фотографии, судя по всему, должны показать, что он хороший отец, в то время как она прекрасно знает истинное положение дел».

Диана — самоотверженная мать, она старается любить детей за двоих (обычно это бывает в неполных семьях). Уильям и Гарри окружены любовью и нежной заботой. Дети для нее — якорь спасения, источник разума и спокойствия среди уродливо искаженной реальности ее жизни. Это всепоглощающая любовь.

Как мать, Диана служит одной абсолютной цели: избавить своих сыновей от страданий, которые выпали в детстве ей самой.

Именно мать подбирает для них школу, заботится об одежде, планирует досуг. Диана подгоняет свои дела к расписанию детей. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на страницы ее рабочего дневника: расписание школьных занятий, дни спортивных состязаний и экскурсий детей жирно подчеркнуты зеленым. Дети занимают первое и самое главное место в ее жизни. Принц Чарльз считает, что достаточно послать слугу из усадьбы Хайгроув с корзинкой слив для Уильяма в его школу-интернат, а Диана обязательно выкроит время, чтобы «поболеть» за него на футбольном матче, когда он играет левым полузащитником за школьную команду. Конечно, мальчики привыкли к длительным отлучкам отца, однако время от времени они начинают тосковать. После перелома левой руки Чарльз несколько месяцев почти безвыездно жил в Шотландии, в усадьбе Балморал, и это очень огорчало принца Уильяма. Диане пришлось обратить внимание мужа на страдания ребенка. Дело кончилось тем, что Чарльз стал регулярно присылать сыну рукописные факсы, где рассказывал о своих делах.

В свое время в прессе было немало комментариев по поводу взаимоотношений принцессы Уэльской и капитана Джеймса Хьюита, а ведь они подружились именно потому, что он прекрасно ладит с мальчиками, которым явно не хватает мужского внимания. Хьюит обладает тонким чувством юмора и благородно-сдержанными манерами в стиле 30-х годов, блестяще играет в поло, и под его руководством Уильям и Гарри успешно овладевали искусством верховой езды. Во время визитов в Хайгроув он помог и Диане преодолеть страх, оставшийся со времени детской травмы, и вновь сесть верхом. Диана отдыхает душой в обществе этого симпатичного человека, их знакомство началось именно в тот период, когда ее самолюбие особенно страдало от пренебрежительного отношения мужа. Он ценил ее вкус и прислушивался к советам относительно выбора одежды, а иногда Диана сама преподносила ему в подарок какую-нибудь изящную вещицу. Принцесса несколько раз гостила в доме его родителей в Девоншире — там мальчики катались верхом вместе с капитаном Хьюитом, а Диана не менее приятно проводила время с его родителями. Она говорила, что уик-энды в этом доме — прекрасный отдых от повседневной суеты.

Их дружба постепенно пошла на убыль, однако в свое время Хьюит много значил для Дианы. Вообще друзья, целая когорта надежных друзей играют особую роль в ее жизни. На войне как на войне: и Диана, и принц Чарльз обзавелись со временем целой

армией сторонников, и теперь у каждого есть своя гвардия, готовая стать на защиту командира. Диана в тяжелые минуты ищет поддержки у самых верных приверженцев, к которым, без сомнения, относятся ее старая подруга Кэролин Бартоломью, Анджела Серота, Кэтрин Сомс, герцог Девонширский и его жена, Люсия Флеча-Де-Лима, супруга бразильского посла, сестра Джейн (она живет буквально в нескольких ярдах от Кенсингтонского дворца) и, конечно, Мара и Лоренцо Берни. Это самые близкие друзья, которым Диана доверяет полностью и безоговорочно. Кроме того, ей приятно проводить время в обществе Джулии Сэмюэл, Джулии Додд-Нобл, Дэвида Уотерхауза, а также известного актера Теренса Стампа, с которым она всегда рада поболтать за ленчем в его лондонской квартире.

Чарльз, со своей стороны, опирается на Эндрю и Камиллу Паркер-Боулз — благо те живут неподалеку от Хайгроува, в Миддлуич-Хауз; прислушивается к мнению сестры Камиллы, Аннабел и ее мужа Саймона Эллиота; к его близким друзьям относятся также Чарльз и Пэтти Палмер-Томкинсон, большие любители горнолыжного спорта; член парламента от консерваторов Николас Сомс; писатель и философ Лоренс Ван-Дер-Пост; леди Сьюзен Хасси, придворная дама королевы с большим стажем; лорд и леди Трион, а также супруга из Голландии Хью и Эмили Ван Кацем, купившие недавно поместье близ Сандрингема.

В узком кругу Диана называет этнх людей «хайгроувской компанией». Они безудержно льстят принцу Чарльзу и с тайным недоброжелательством относятся к его жене. Если возникают споры по поводу семейных отношений, воспитания детей, вообще, образа жизни принца Чарльза, они всегда принимают его сторону, игнорируя мнение Дианы. Не удивительно, что узы дружбы крепнут по мере разрушения семейных уз. Общих друзей у принца и принцессы практически не осталось: слишком много накопилось взаимного недоверия и подозрительности. Так, в свое время Диана отзывалась о Эмили Ван Кацем как о своей лучшей подруге. Именно Эмили открыла невесте принца глаза на отношения ее будущего супруга с Камиллой Паркер-Боулз. Со временем Диана перестала доверять Эмили. Как-то накануне Рождества супруги Ван Кацем устроили обед в честь принца Чарльза и его друзей. Диана не смогла прийти, поскольку именно на этот день у нее было назначено важное мероприятие, которое нельзя было отменить или перенести. Можно предположить, что на это и рассчитывали друзья ее мужа.

Вражда между принцем и принцессой неминуемо отражается на их знакомых. Никому не удается остаться в стороне. Это

особенно бросалось в глаза во время подготовки к 30-летнему юбилею принцессы Дианы. На страницах газет появились результаты опроса общественного мнения, согласно которым принцесса Диана получила высший рейтинг популярности среди членов королевского дома. Одновременно «Дэйли-Мэйл» опубликовала оскорбительную статью, недвусмысленно обвинявшую принцессу в срыве семейного праздника в Хайгроуве; В статье приводились высказывания друзей принца Чарльза, чей пафос сводился к тому, что принцесса без каких-либо веских оснований отвергла предложение мужа отметить ее юбилей вместе с ним в их загородном поместье. Когда принц Чарльз впервые выдвинул эту идею, война в Персидском заливе была в полном разгаре. Британские солдаты рисковали жизнью на военных рубежах, и Диане претила мысль устраивать шумное празднество на фоне этих драматических событий. Близкие друзья знают, что были и причины сугубо личного характера: Диане не хотелось отмечать свой собственный день рождения в кругу старинных приятелей мужа, которых он намеревался пригласить на праздник. Из статьи следовало, что обиженный принц Чарльз пожаловался на непредсказуемое поведение жены своим друзьям, и те решили выступить в его защиту. Сам принц отрицал свою причастность к публикации. Как бы то ни было, настроение у Дианы было изрядно испорчено. Она отметила день рождения очень скромно: с сестрой Джейн и их детьми. Эта история наглядно продемонстрировала, насколько серьезны противоречия между принцем и принцессой.

Негативная реакция общественного мнения вынудила обоих супругов пойти на мировую, по крайней мере, для виду. Принц Чарльз внес изменения в свое расписание и стал чаще появляться в обществе вместе с женой. Он повел ее, в частности, на концерт в Алберт-Холл и присоединился к ней на торжествах по случаю 10-летней годовщины их свадьбы, правда, ненадолго — только чтобы попозировать фоторепортерам. Хрупкое перемирие длилось всего несколько месяцев. Дождавшись, пока не уляжется шум в прессе, оба вернулись к прежнему образу жизни. Теперь уже ни для кого не секрет, что принц и принцесса расстались, и влияние «хайгроувской компании» лишь усугубляет семейный кризис. Чарльз живет в Хайгроуве один, без жены, в окружении людей, чье общество ей явно неприятно. Но это не единственная причина, почему Диана избегает приезжать в загородный дом. По ее словам, в Хайгроуве она чувствует себя, «как в тюрьме» и бывая там, почти никогда не приглашает в гости родственников или знакомых. Джеймс Джилби объясняет это так: «Диана не любит Хайгроув. Она знает, что Камилла живет по соседству. Хотя

обустройство этого дома стоило ей немалых усилий, для Дианы он так и не стал родным гнездом».

Соседство далеко не случайное. Диана получила известное моральное удовлетворение, когда в газетах появилась статья, посвященная этой теме. В статье подробно описывалось, как Камилла проводит время в своем загородном поместье, упоминался даже «форд» без номерных знаков, на котором принц Чарльз обычно ездит из Хайгроува в Миддлуич-Хауз (всего-то 12 миль). Эти сведения подтвердил бывший полицейский, служивший в Хайгроуве. За определенную мзду он согласился дать интервью, в котором, в частности, утверждал, что, «живя в Хайгроуве, принц Чарльз куда больше внимания уделяет миссис Паркер-Боулз, чем принцессе Ди». Это мнение разделяют многие знакомые Дианы.

Что же из себя представляет женщина, омрачавшая жизнь Дианы на протяжении стольких лет? Начиная с медового месяца, когда из дневника принца Чарльза выпали фотографии, и по сей день эта женщина, в которую он был влюблен еще до женитьбы, заставила Диану пройти все круги ада: постоянные подозрения, ревность, оскорбленное самолюбие, разбитые надежды… Кто же она такая? Камилла происходит из богатого провинциального рода, связанного родственными узами со многими представителями высшей аристократии. Ее отец, майор Брус Шанд — процветающий винодел, заместитель лорда-наместника графства Суссекс и глава местного охотничьего общества. У нее есть брат, путешественник и писатель Марк Шанд (он когда-то ухаживал за Бьянкой Джагер и за манекенщицей Мэри Хелвин, а теперь женат на Клио Голдсмит, племяннице миллионера-бакалейщика). Камилла состоит в родстве с леди Элспет Хау, супругой бывшего канцлера казначейства (министра финансов) и с лордом Эшкамом, миллионером, разбогатевшим на строительных подрядах. Ее прабабушка в течение ряда лет была любовницей короля Эдуарда VII и, по преданию, говаривала: «Все, что от меня требуется'— сделать реверанс и сразу в постель».

Эндрю Паркер-Боулз, кавалерийский офицер, может похвастаться самым блестящим родством: граф Дерби, граф Кадоган, герцог Мальборо… В свое время он считался одним из лучших женихов высшего света. Неотразимый Эндрю ухаживал за принцессой Анной, затем его прочили в мужья внучке сэра Уинстона Черчилля, Шарлотте, но в конце концов в июле 1973 года он обвенчался с Камиллой. Дослужившись до чина бригадира (младшее генеральское звание), он ведает армейской ветеринарной службой и носит странный титул «Серебряный жезл при дворе королевы». Благодаря этому придворному званию он

имел честь организовать праздничный парад по улице Мэлл, ведущей от Трафальгарской площади к Букингемскому дворцу, по случаю 90-летия королевы-матери.

В 1972 году Эндрю служил в Королевской конной гвардии. Он прекрасно играл в конное поло, и на этой почве сблизился с принцем Чарльзом, в то время офицером военно-морского флота. Благодаря этой дружбе Чарльз познакомился с Камиллой, за которой тогда ухаживал Эндрю. Принц влюбился с первого взгляда. Живая и остроумная, Камилла к тому же разделяла его страсть к охоте и поло. По словам Пенни Джунора, биографа принца Уэльского, «любовь была взаимной. Камилла, не раздумывая согласилась бы выйти замуж за принца Чарльза, если бы он только попросил ее об этом. Увы, он этого не сделал. Чарльз колебался, всячески оттягивая решительное объяснение. Вокруг было много красивых женщин, и Чарльзу не хотелось связывать себя женитьбой. Камилла устала ждать. И лишь потеряв ее навсегда, принц Чарльз осознал, как глубоко было его чувство».

Камилле теперь за сорок. У нее двое детей-подростков. Принц Чарльз крестный отец ее сына Тома. По официальной версии, Чарльз и Камилла старые, добрые друзья.

Принцесса Диана не скрывала от друзей, какие чувства вызывают у нее отношения ее мужа с Камиллой Паркер-Боулз. Джеймс Джилби — один из тех, кому она не раз изливала душу, кипя от гнева и унижения. По его словам, Диана так и не смогла забыть, что Чарльз был когда-то страстно влюблен в Камиллу. Все эти годы ее мучили сомнения и ревность. «В итоге их семейная жизнь превратилась в сплошной кошмар, — рассказывает Джеймс Джилби. — Одна мысль о Камилле выводит Диану из себя. И я ее пониманию. По какому праву, черт возьми, эта женщина вмешивается в ее жизнь? В этом суть проблемы. Диана не может смириться с таким положением вещей».

Джилби познакомился с Дианой, когда ей было всего 17 лет. Спустя годы они встретились на вечере у общей знакомой. До глубокой ночи проговорили о сердечных делах. Джеймс как раз расстался с любимой женщиной, а Диана горевала по поводу своего неудачного замужества. Это было летом 1989 года, когда она еще не потеряла надежду вернуть любовь мужа и вырвать его из «хайгроувской компании». «Видно было, что Диана болезненно переживает унизительность своего положения в королевском семействе, — вспоминает Джеймс Джилби. — Ее муж и весь двор не принимали в расчет ее гордость и чувство собственного достоинства».

В то Время на Диану нажимали родственники с обеих сторон,

уговаривая попытаться начать все сначала. Советовали завести еще одного ребенка, и она готова была пойти на это, лишь бы восстановить семейный очаг. К сожалению, принц Чарльз оттолкнул протянутую руку с холодной враждебностью, которая в конце концов стала нормой в их отношениях. Поначалу поведение мужа доводило Диану до исступления. Гнев и оскорбленное самолюбие жгли душу. В 1990 году принц Чарльз сломал руку, играя в поло, и вынужден был на некоторое время оставить дела. Он жил в Хайгроуве или Балморале, куда регулярно наведывалась Камилла, а Диана оставалась в Кенсингтонском дворце — брошенная жена, нежеланная, униженная. Джеймс Джилби вспоминает ее слова, сказанные в порыве отчаяния: «Джеймс, я сыта всем этим по горло. Я должна отвлечься, иначе совсем раскисну. Единственный выход — уйти с головой в работу, выбросить их из головы. Если я буду сидеть без дела, я сойду с ума».

Трудно не согласиться с комментарием одного из близких друзей: «Диана не может смириться с тем, что ее муж столько лет поддерживает отношения с другой женщиной. Разве в этом ее вина? Ей все равно не удастся вернуть мужа — слишком поздно. Нет смысла собирать осколки».

Время шло — страсти улеглись. Диана стала гораздо уверенней в себе, ее мироощущение сильно изменилось, и Камилла больше не вызывает у нее такого острого раздражения, как прежде. После крушения всех надежд она перестала бояться соперницы. Напротив, ее даже устраивает, что Камилла отвлекает на себя внимание мужа. Бывают, правда, моменты, когда безразличие мужа причиняет ей сильную боль. Незадолго перед тем как Чарльз сломал руку, супруги Паркер-Боулз провели вместе с ним отпуск в Турции — Диана смолчала; стиснув зубы, безропотно терпела пребывание Камиллы в Балморале и Сандрингеме. Спустя год Чарльз поехал отдыхать в Италию, и Диане сообщили, что миссис Паркер-Боулз жила все это время по соседству, в нескольких минутах езды. По возвращении Камилла ясно дала понять, что не усматривает в этом ничего предосудительного. Летом принц и принцесса отправились вместе с детьми в круиз на яхте. Камиллы не было среди приглашенных, но от Дианы не укрылось, что ее муж регулярно созванивался с ней по телефону.

Естественно, Диана предпочитает не видеться с соперницей. Камилла отвечает тем же. Но что поделать: и та, и другая — пленницы любовного треугольника, вечного, как мир. Время от времени они встречаются на вечерах, приемах и прочих светских мероприятиях. Вот тут-то обеим приходится проявлять чудеса

изобретательности, чтобы держаться друг от друга подальше. Диана с годами выработала привычку мгновенно отыскивать Камиллу взглядом среди гостей и затем незаметно наблюдать за ее поведением и реакцией своего мужа. Когда у нее плохое настроение, она старается отвлечься, не смотреть в их сторону. По мнению одного из друзей, эта жестокая игра граничит с самоистязанием. Иногда Диану предупреждают заранее, что Камилла будет в числе приглашенных. В этом случае у нее есть время излить досаду в разговоре с друзьями, и, когда наступает критический момент, ей легче держать себя в руках. Бывает даже забавно наблюдать, как Чарльз и Камилла украдкой переглядываются и улыбаются друг другу.

Но не всегда эти встречи проходят гладко. В декабре 1992 года Диана сорвалась, дала волю слезам. Это случилось во время панихиды по ее маленькой крестнице Леоноре, дочери леди Ромси. Шестилетняя девочка скоропостижно умерла от рака. Газетчики сфотографировали расстроенную принцессу у выхода из Сент-Джеймсского дворца, где проходило богослужение. Причиной слез было не только горе, но и негодование. На панихиде присутствовали лишь родственники и близкие друзья убитых горем родителей, поэтому Диана вышла из себя, увидев Камиллу Паркер-Боулз, которая была едва знакома с лордом и леди Ромси. В Кенсингтонский дворец принца и принцессу отвез шофер, и по дороге домой Диана, не откладывая, высказала мужу все, что накипело на душе. Она была расстроена до такой степени, что даже не зашла поздравить служащих дворца, которые как раз в этот день праздновали Рождество, а сразу уединилась в своих личных покоях. Обеспокоенный ее состоянием, заместитель личного секретаря Питер Уэстмейскот отправил утешать ее телохранителя Кена Уорфа, известного своим добродушием и тактом.

Встреча с Камиллой на панихиде дала толчок подспудно назревавшему возмущению. Диана поняла, что нельзя больше мириться с двусмысленной ролью в семье и оскорбительным равнодушием двора к ее человеческому достоинству. В разговоре с друзьями она поделилась обуревавшими ее сомнениями: чувство долга велит по-прежнему выполнять государственные обязанности, возложенные на принцессу Уэльскую, но невыносимая обстановка в семье ставит под вопрос ее дальнейшее пребывание в лоне монархической системы.

И все же, несмотря на предельно обострившийся семейный кризис, среди друзей Дианы есть и такие, кто по-прежнему считает, что ревность и раздражение — лишь внешние признаки глубоко затаенного желания помириться с мужем. Впрочем, они в

меньшинстве. Почти все настроены пессимистично. Уна Тофоло, в частности, говорит: «Еще год назад я была почти уверена, что они опять сойдутся. Теперь надежды нет. Разве что надеяться на чудо! И принц и принцесса способны сделать очень много на благо людей. Как жаль, что они не могут объединить свои усилия!»

К аналогичному выводу пришла одна из близких подруг Дианы, хорошо знакомая с историей ее брака. По ее словам, «Чарльз упустил момент. Прояви он немного внимания и такта в самом начале супружеской жизни, и разлад не зашел бы так далеко. А теперь корабли сожжены».

«Надежды больше нет», — эти слова лейтмотивом звучат в высказываниях озабоченных друзей Дианы. «Она одолела самые трудные вершины государственной и общественной работы и стала виртуозом в своем деле, — говорит одна из близких подруг. — Но Диана не может реализоваться как женщина, потому что их отношения с мужем безнадежно испорчены. В этом суть проблемы». Нет согласия в семье — значит, нет и нормальных товарищеских взаимоотношений на общественном поприще. Формально принц и принцесса являются союзниками, а на деле они выступают совершенно независимо друг от друга — своего рода конкурирующие фирмы. По свидетельству одного из бывших придворных, «почти сразу сталкиваешься с выбором: либо ты на стороне принца, либо — на стороне принцессы. Весь штат сотрудников поделен на два лагеря, и не рекомендуется пересекать невидимую линию фронта больше двух-трех раз. Стоит нарушить негласный запрет, и ты выходишь из игры. В такой обстановке трудно рассчитывать на успешную карьеру».

Какая уж тут карьера! В офисах принца Уэльского и принцессы Уэльской чиновники долго не задерживаются. В феврале 1992 года неожиданно для всех подал в отставку заведующий финансовым отделом Дэвид Арчибалд. По мнению коллег, Дэвид просто не выдержал атмосферы взаимного недоверия и соперничества между двумя враждующими офисами. Предпочел покинуть поле боя. Принц Чарльз, как всегда, возложил ответственность на жену. Перетягивание каната приводит к курьезным ситуациям. Так, однажды принц Чарльз выступил с речью об образовании, а принцесса Диана на этот же день назначила важное выступление по проблеме борьбы со СПИДом. Получилось, что и тот и другой неизбежно отвлекают часть аудитории на себя. Дух бессмысленного соперничества проявляется самым неожиданным образом. По возвращении из совместного турне по Канаде Диана написала несколько благодарственных писем в адрес государственных и благотворительных учреждений, организовавших поездку. Вслед

за тем письма поступили к ее супругу. Предполагалось, что принц внесет соответствующие дополнения от своего имени. Вместо этого принц просмотрел каждое письмо и добросовестно повычеркивал местоимение «мы», заменив его местоимением «я». И лишь тогда поставил свою подпись.

Увы, подобные накладки стали едва ли не нормой. В январе 1992 года принц Чарльз распорядился передать букет цветов матери Терезе, которая слегла от сердечного приступа. При этом он поручил своему личному секретарю Ричарду Эйларду проследить, чтобы цветы вручили только от имени принца Уэльского, а не от имени обоих супругов. На этот раз Диане удалось обойти мужа на повороте. Она специально вылетела в Рим, чтобы лично отдать дань уважения замечательной сподвижнице. В ходе подготовки к совместному визиту в Индию в январе того же года было принято решение поручить Диане тему планирования семьи. Представитель дипломатического ведомства высоко оценил работу Дианы во время предыдущего визита и выразил надежду, что она прекрасно справится с этой ответственной задачей. Принц Чарльз на это возразил с явной досадой, что сам намеревался выступить именно по этой проблеме. Чиновники растерялись, а Диана посоветовала не обращать внимания на капризы мужа. По мнению одного из близких друзей, «прошли те времена, когда Чарльз смотрел на жену, как на обузу. Теперь ей по плечу работать наравне с мужем. Но в придворном «ведомстве» ей практически не на кого опереться».

Если возникает необходимость согласовывать какие-либо вопросы, переговоры между супругами проходят обычно в атмосфере недоброжелательства и взаимной подозрительности. Как-то принц Чарльз решил обсудить с женой один щекотливый вопрос. Диану поразил его спокойный и доверительный тон — она уже отвыкла от нормального общения с мужем. Речь шла о секретном расследовании в связи со вскрывшимися фактами злоупотребления среди сотрудников Кенсингтонского дворца. Кто-то из служащих использовал бумагу с дворцовым грифом, чтобы приобретать театральные билеты, заказывать кое-какие товары в магазинах и т. д. Дела такого рода требуют особой осторожности, и не удивительно, что принц обратился за помощью к жене. Ее удивило другое: дружелюбие Чарльза.

Несмотря на нездоровую подозрительность и соперничество, препятствующие нормальному деловому режиму, Диана по-прежнему относится к мужу по-товарищески. Из-за тяжелого перелома руки Чарльз вынужден был на время отказаться от государственных и общественных дел. По этому поводу в

обществе распространялись самые нелепые слухи. И вот, перед тем как впервые после болезни появиться на публике, Чарльз решил «разыграть» репортеров и зрителей. Он распорядился доставить ему протез в виде крюка — якобы принц потерял руку. Озадаченные придворные поделились с Дианой своими опасениями: что, если принца поднимут на смех? Та дала мудрый совет: протез нужно добыть, но в последний момент «нечаянно» забыть его дома. План удался. Когда принц приехал на встречу с медицинскими работниками, которых собирался напугать железным крюком, оказалось, что протез остался дома. Чарльз ворчал, а придворные втайне радовались, что удалось предотвратить сомнительную шутку.

Годы неустанного самосовершенствования и жизненный опыт преобразили принцессу Уэльскую. Теперь она не бессловесная тень своего мужа, а равный по силам партнер. Но не следует думать, что их стартовые возможности тоже равны. Единственное преимущество принцессы — это неослабевающее внимание средств массовой информации. Все прочие козыри в руках принца Чарльза. На содержание собственного офиса нужны немалые средства. Диана может рассчитывать на доходы с герцогства Корнуолл, которое по традиции передается в собственность наследнику престола, но эти доходы контролирует ее муж. Принц Чарльз занимает более высокую ступеньку на королевской иерархической лестнице, и последнее слово всегда остается за ним. В конечном счете от него зависит решение всех важных вопросов, начиная с разработки программы совместного зарубежного турне и кончая структурой личного офиса принцессы Уэльской. В поисках средств для осуществления многочисленных благотворительных проектов, Диана задумала основать Фонд принцессы Уэльской, однако ее муж не поддержал инициативу, усмотрев в этом посягательство на финансовый и моральный капитал своего собственного благотворительного Фонда принца Уэльского.

Во время войны в Персидском заливе принцесса Диана и ее золовка, принцесса Анна, собирались посетить английские войска, дислоцированные на территории Саудовской Аравии. Обе принцессы с энтузиазмом обсуждали, как они будут встречаться с рядовыми солдатами и бесстрашно колесить по пустыне в танке. Их планам не суждено было осуществиться из-за вмешательства сэра Роберта Феллоуза, который рассудил, что столь ответственную миссию целесообразно возложить на более высокопоставленного представителя королевского дома. Таким образом, в Саудовскую Аравию отправился принц Чарльз, а Диане поручили вспомогательную роль: навестить жен и родственников

солдат, принимающих участие в боевых действиях.

Конкурирующие «фирмы» принца и принцессы действуют в обстановке строжайшей секретности. Это отнюдь не способствует плодотворному сотрудничеству. Иной раз Диана добывает необходимую для работы информацию с помощью сложных дипломатических маневров. Так, накануне своего первого самостоятельного визита в Пакистан Диана узнала, что Чарльз ведет переговоры с султаном Омана о выделении средств на строительство архитектурного колледжа. Программа визита предусматривала краткую остановку в Омане, и ей очень хотелось получить более подробную информацию. Принцесса понимала, что обращаться напрямую к мужу или к чиновникам его офиса бессмысленно: ничего определенного ей не скажут. Тогда она послала записку Ричарду Эйларду, личному секретарю принца Чарльза, с невинной, казалось бы, просьбой: дать дополнительные инструкции в связи с остановкой в Омане. Поскольку речь шла об официальном визите по линии министерства иностранных дел, принцу ничего не оставалось, как раскрыть свои карты.

С годами Диана выработала привычку соблюдать конспирацию. В атмосфере недоброжелательности и подозрительности необходима осторожность, и еще раз осторожность. За каждым шагом следят чьи-то глаза, каждое неосторожно брошенное слово ловят чьи-то уши. Полицейские видеокамеры фиксируют лица людей, которые приходят к ней в дом. Любой неосмотрительный жест дает пищу для сплетен, которые распространяются с молниеносной быстротой. Стоит ли удивляться, что, начав борьбу с булимией, Диана прятала медицинскую литературу от посторонних глаз! Точно так же, тайком, приходится читать интересующую ее литературу по астрологии или, скажем, популярный сатирический журнал, в котором публикуются остроумные карикатуры на ее мужа — ведь это может вызвать кривотолки. Она готова часами болтать по телефону с друзьями, телефон — это живая нить, связующая пленницу Кенсингтонского дворца с внешним миром.

Близкие друзья в шутку расшифровывают аббревиатуру ее титула — ПУ как «пленница Уэльская». Она действительно чувствует себя заложницей своей необычной судьбы, официального мифа о принцессе Уэльской и многочисленных табу, окружающих ее высокий титул. Диана с детства не переносит глухих стен и запертых дверей. Годы, проведенные в замкнутом пространстве придворного мира, явно обострили бессознательный страх. На это указывает следующий эпизод. Несколько лет назад ее направили на обследование в Национальную клинику в связи с жалобами на боли под

лопаткой. Врачи подозревали, что причиной тому доброкачественное новообразование на одном из позвонков, часто вызывающее защемление нервных окончаний. Нужно было сделать рентген позвоночника — обычная процедура, которую легко переносят даже дети. Тем не менее, оказавшись в глухом «ящике» рентгеновского аппарата, принцесса почувствовала такой ужас, что врачам пришлось прибегнуть к успокоительным средствам. Вместо обычных пятнадцати минут на эту простейшую процедуру ушло два часа.

Диана уже привыкла к тому, что самый невинный ее шаг может быть истолкован превратно. Раньше она считала долгом вежливости написать записку со словами благодарности в ответ на услугу, теперь же предпочитает посылать какой-нибудь сувенир в знак признательности: записка может попасть в чужие руки… Собираясь на отдых в горы, Диана мучительно колебалась: можно ли пригласить майора Дэвида Уотерхауза? С одной стороны, некрасиво бросать друга в беде (Дэвид за неделю до этого похоронил мать), но с другой — заработают злые языки, и неприятности будут не только у Дианы, но и у самого Дэвида. Как ни хотелось ей поддержать Дэвида в трудную минуту, Диана уехала без него, в компании Кэтрин Сомс и Дэвида Линли. Это звучит парадоксально, но принцесса может чаще встречаться с знакомыми благодаря… своим детям. Если она появляется в театре, в кино или на концерте вместе с сыновьями, это служит своего рода громоотводом: бдительным журналистам не к чему придраться. Но иной раз она попадает в неловкое положение. Так, однажды друзья пригласили Диану на премьеру нового мюзикла. Она повела с собой принца Гарри, и в антракте терпеливо дожидалась малыша у дверей мужского туалета.

Частная жизнь принцессы давно ужа стала объектом пристального внимания прессы. К ее мужу журналисты куда более снисходительны. В течение ряда лет он мог общаться с кем хотел и где хотел. Другое дело — его жена. Стоит «засечь» ее в обществе постороннего мужчины, пусть даже в самой невинной обстановке, и на следующий день газеты выходят с аршинными заголовками «сенсационного» содержания. Так было, когда Диана приняла приглашение Джеймса Джилби поужинать у него на квартире в фешенебельном районе Лондона Найтсбридж, или после уик-энда, проведенного в усадьбе родителей Филиппа Данна. Наученная горьким опытом, Диана поняла, что нет смысла доказывать свою невиновность или бороться за справедливость. Она предпочитает не рисковать ни своим именем, ни репутацией друзей. Когда Теренс Стамп пригласил Диану к себе на ленч, она было приняла приглашение, но затем отменила встречу: ее

предупредили, что у дома Стампа на Пиккадилли устроили «засаду» вездесущие фоторепортеры.

Если на улице подстерегают журналисты, то в королевских покоях тоже никуда не скроешься от придирчивых глаз многоопытных придворных. Даже если Диана блестяще справляется с порученной ей ролью на том или ином официальном мероприятии, она знает: за кулисами ждет суровый «режиссер», который подвергнет критике любой промах, любое, самое незначительное, прегрешение против королевского протокола. Примеров можно привести сколько угодно. Однажды итальянские знакомые пригласили Диану и ее мать погостить у них несколько дней. Член семьи хозяев дома, молодой человек приятной наружности по имени Антонио Пеццо, вызвался показать гостьям местные достопримечательности. На прощание Диана не удержалась и поцеловала гостеприимного итальянца в щеку. Этот жест спонтанной благодарности навлек на нее суровое порицание. Столь же сурово отчитали принцессу за несколько теплых слов в адрес Джона Мейджора. Диана просто по-человечески посочувствовала новому премьеру, который столкнулся со многими трудностями, но личный секретарь королевы сэр Роберт Феллоуз рекомендовал ей воздержаться от политических оценок.

Блюстители этикета неустанно воспитывают Диану в духе традиций королевского дома. Однажды она побывала на премьере фильма с участием Лайзы Минелли и после просмотра рискнула остаться на банкете: очень хотелось поближе познакомиться с талантливой актрисой. Диана и Лайза понравились друг другу с первого взгляда и проговорили до позднего вечера. На следующий день Диана получила выговор за то, что провела вечер с актерами, что не подобает статусу принцессы Уэльской. Впрочем, она сама об этом ничуть не жалеет. У них с Лайзой много общего, настоящее родство душ. Звезда Голливуда даже призналась Диане, что всякий раз, когда падает духом, вспоминает о своей заокеанской подруге и чувствует прилив сил. В тот первый вечер Лайза рассказывала Диане о своей нелегкой жизни. Задушевный разговор положил начало дружбе, которой обе женщины очень дорожат.

По понятным причинам Диана пришла к выводу, что чиновникам монархического «ведомства» нельзя доверять. Перечень людей, на которых она может положиться, очень невелик. По утрам, возвращаясь из бассейна, Диана сама вскрывает свою почту, не дожидается, пока адресованные ей письма пройдут сквозь чиновничий фильтр. Эта тактика имеет ряд преимуществ. Однажды Диана получила письмо, в котором

отчаявшийся отец умолял принцессу посетить его умирающего от СПИДа сына. Это было последнее желание обреченного юноши. В письме сообщалось, что несколько месяцев назад этот человек уже обращался в офис принцессы, но не получил никакого ответа. Диана взялась за дело сама: устроила умирающему персональное приглашение в приют для больных СПИДом, содержащийся на средства одного из благотворительных фондов. У нее как раз было запланировано посещение этого учреждения. Таким образом принцессе удалось выполнить предсмертную просьбу больного, избежав при этом упреков в нарушении протокола. Попади письмо в руки равнодушных чиновников, несчастный отец скорее всего вместо конкретной помощи получил бы ни к чему не обязывающую отписку.

Осознав, насколько малоэффективна помощь придворных, которые, по традиции, должны сопровождать ее во время визитов и других мероприятий, Диана предпочитает вообще обходиться без официальных помощников. Диана поручила функции придворной дамы сестре Саре, которая сопровождала принцессу во время официального визита в Венгрию. Иногда Диана берет «выходной» и отправляется по делам без свиты. Причиной тому горький опыт прежних дней, когда, по словам близкого друга принцессы, «дело доходило до яростных споров с придворными дамами, в особенности с Анной Бекуит-Смит, которая работала одно время личным секретарем принцессы. Ее раздражала постоянная опека верных слуг монархии».

Реальную помощь Диане оказывают те, кто критически настроен по отношению к монархической системе. Она регулярно связывается по телефону с сэром Кристофером Эри, который после неожиданной отставки с поста личного секретаря принца Чарльза поселился в своей усадьбе в графстве Девоншир. Сэр Кристофер в курсе закулисных махинаций с целью направить деятельность принцессы в русло официальной политики, и Диана всегда внимательно прислушивается к его советам. Есть и другие консультанты: Джимми Савил помогал выработать публичный имидж принцессы, а Теренс Стамп «доводил до ума» тексты ее выступлений. У Дианы есть надежная команда неофициальных помощников и консультантов, которые предпочитают держаться в тени и не афишировать свою работу. Они помогают принцессе анализировать ситуацию, составлять тексты речей, прогнозировать реакцию общественного мнения.

Диану привлекают критически настроенные умы, потому что она так и не смогла адаптироваться к чуждой по духу монархической системе. По мнению Джеймса Джилби, «Диане легче найти общий язык с аутсайдерами, нежели с официальными

чиновниками, потому что последние верой и правдой служат идее, которую она считает отжившей свой век. Налицо столкновение интересов: защитники традиционных устоев боятся перемен, которых жаждет Диана». К этому можно добавить тонкое наблюдение астролога Феликса Лайла: «Обладая благородной и возвышенной душой, Диана слишком уязвима для пагубного влияния тех, у кого более сильный характер и твердая воля. Ей пока что не под силу дать решительный бой системе».

Работа в королевском «ведомстве» изматывала Диану. «Ей было очень трудно, тем более что работать приходилось в обстановке недоверия и предвзятости», — свидетельствует одна из подруг. Поиски своего места в жизни привели Диану к мысли, что в рамках монархической системы невозможно реализовать свой истинный потенциал. Она так и говорит близким друзьям: «В королевском доме я всегда чувствовала себя изгоем. Мне казалось, что я не такая, как все — хуже всех. Слава Богу, теперь-то я знаю: это хорошо, что я не такая, как они». Диане приходилось жить как бы в двух измерениях: на людях она была кумиром толпы, объектом поклонения, а в королевских покоях ее окружали равнодушие и ревнивое недоброжелательство. Для широких масс Диана — яркий самоцвет в изрядно потускневшей короне династии Виндзоров, но в кругу королевской семьи именно ее яркость, незаурядность вызывают досаду и беспокойство. Верность долгу и традициям, строгий самоконтроль, приоритет разума над эмоциями — эти принципы Виндзоры пестовали из поколения в поколение. Принцесса Диана явно не вписывается в эту четкую схему. Слишком уж она непосредственна в проявлении чувств, слишком впечатлительна и ранима, а главное, не способна слепо подчиняться чужой воле. Королевскому семейству она кажется непредсказуемой, даже опасной: того и гляди что-нибудь сломает в чопорном мире традиций и реликвий, где на каждом шагу таблички с надписью «Руками не трогать!» Диана, со своей стороны, не рассчитывает на искреннее сочувствие и поддержку мужней родни. Даже если правда на ее стороне, голос крови сильнее чувства справедливости. Она не ищет сочувствия у свекра и свекрови, поддерживает ровные, ни к чему не обязывающие отношения, избегает острых углов — короче, соблюдает дистанцию. В этом есть свои плюсы и свои минусы. У Дианы нет надежных союзников среди членов королевского семейства, что существенно ослабляет ее позиции как в семейных делах, так и в государственных. Зато так спокойнее. «Я не вмешиваюсь в их дела, — говорит Диана, — а они не трогают меня».

Диана выросла в Норфолке, и Шотландский пейзаж мил ее

сердцу, однако в королевские резиденции Балморал и Сандрингем ее не тянет. Согласно протоколу она проводит там несколько месяцев в году вместе с другими членами королевского дома и, отбыв эту тяжелую «повинность», чувствует себя разбитой, физически и морально. Летом в Балморале, зимой в Сандрингеме — независимо от времени года Диана чувствует упадок сил, приступы булимии учащаются. Естественно, она пользуется любым предлогом, чтобы вырваться оттуда хотя бы на несколько дней. Единство и сплоченность королевского дома — миф для непосвященных, а Диана видит закулисную сторону жизни двора. Интриги, заговоры, междоусобицы характеризуют монархический уклад на протяжении столетий.

На вершине монархической пирамиды — неразлучная троица: королева-мать и две ее дочери, правящая королева и принцесса Маргарет. По меткому выражению одного из исследователей современной монархии Дугласа Кея, «убери одну из трех, и исчезнут все три». Отношения Дианы с членами королевского триумвирата складываются по-разному. Самые теплые — с принцессой Маргарет, соседкой по Кенсингтонскому дворцу. Диана искренне рада общению с ней и никогда не забывает, что именно принцесса Маргарет помогла в свое время неопытной дебютантке освоиться в особом климате королевских покоев. «Я обожаю Марго, — признается Диана. — Мне нравится в ней все, мы подружились с самого первого дня».

О королеве-матери Диана отзывается с прохладцей. По ее мнению, Кларенс-Хауз, резиденция королевы-матери, превратился в штаб-квартиру ее критиков и недоброжелателей. Приемы в этом дворце проходят по всем правилам придворного церемониала, и Диана умирает от скуки. Вообще, она предпочитает держаться на безопасном расстоянии от милой и всеми любимой старушки. Оно и понятно: невольно напрашивается сравнение с собственной бабушкой Дианы, придворной дамой королевы-матери, которая когда-то ходатайствовала перед судом о лишении своей дочери Франсис права опеки над четырьмя детьми. Суд вынес решение в пользу графа Спенсера, и мать Дианы навсегда затаила боль и обиду на ее бабушку. Можно без преувеличения сказать, что королева-мать имеет практически безграничное влияние на своего внука, принца Чарльза, а потому понятна тревога Дианы: в Кларенс-Хаузе ее не жалуют, как когда-то ее мать. «Королева-мать вбивает клин между Дианой и другими членами королевской семьи, — свидетельствует один из близких друзей. — Вполне естественно, что Диана старается ее избегать».

Зато правящая королева относится к Диане вполне

дружелюбно. Иначе и быть не может: как никак, Диана — жена ее старшего сына, наследника престола. Первое время после замужества Диана панически боялась свекрови. У нее хватало духу только на формальные любезности (при этом каждый раз, завидев королеву, нужно было сделать глубокий реверанс), так что задушевных разговоров не получалось. Когда стало ясно, что семейная жизнь принца Уэльского складывается не совсем так, как хотелось бы, королева несколько раз беседовала с его женой тет-а-тет. У нее сложилось впечатление, что болезнь Дианы — не следствие, а причина семейного разлада.

Елизавета II ясно дала понять, что неудачный брак наследника отодвигает на неопределенный срок вопрос о ее отречении от престола. Для Чарльза это болезненный удар. После обращения королевы к народу по радио в канун Рождества 1991 года, когда Елизавета II заявила о своем намерении служить нации и Содружеству еще несколько лет, принц Уэльский довольно долго избегал разговаривать с матерью. Если учесть, что он всегда был почтительнейшим сыном, такая реакция указывает на крайнюю степень раздражения. Опять посыпались упреки на принцессу Диану. Скоро все обитатели Сандрингемского дворца, где зимой собирается королевское семейство, были в курсе семейной драмы обиженного принца. Тогда Диана напомнила мужу, что он по собственной воле уступил некоторые королевские полномочия младшим братьям. Дело в том, что в случае болезни или отсутствия в стране монарха некоторые церемониальные функции выполняют государственные советники, которыми могут быть пять членов королевской семьи в порядке престолонаследия. Чарльз передал свои права государственного советника принцам Эндрю и Эдуарду. «С какой стати мать доверит ему трон, если он пренебрегает даже чисто формальными обязанностями?» — не без ехидства заметила Диана.

С годами Диана преодолела невольный трепет перед королевскими регалиями и стала вести себя в присутствии свекрови более непринужденно. Она даже позволяет себе пошутить. На одном из приемов Диана похвалила новую шляпку королевы: черный цвет очень практичен, пригодится на похоронах! Озабоченная судьбой старшего сына, королева подолгу беседует с невесткой о настоящем и будущем. Поведение Чарльза вызывает иногда у его матери тревогу и недоумение, она находит некоторые его поступки непоследовательными, даже сумасбродными. И, конечно, ей горько видеть, как страдают оба: сын и его жена.

Принцесса Диана считает, что институт монархии в целом

сильно обветшал и нуждается в реконструкции, однако лично к королеве она испытывает искреннее уважение и отдает должное мастерству и твердости, с которыми та ведет свое сложное «хозяйство» уже более сорока лет. Не скрывая страстного желания получить свободу, Диана неоднократно подчеркивала в беседах с королевой: «Я никогда Вас не подведу». Она равняется на свою свекровь даже в мелочах. Как-то, в жаркий июльский день, собираясь на традиционное чаепитие в саду Букингемского дворца, куда приглашаются официальные лица и дипломаты, Диана отказалась взять с собой веер, предложенный подругой. «Я не могу его взять, — объяснила принцесса. — Свекровь будет одета по всей форме, в чулках и перчатках, и даже не покажет виду, что ей жарко».

Как и у простых смертных, в королевской семье есть свои подводные течения. У Дианы двойственное отношение к свекру, принцу Филиппу. С одной стороны, он внушает ей искреннюю симпатию, а иной раз и сочувствие: нелегко быть мужем королевы. Но, с другой стороны, ей кажется, что принц Филипп чересчур требователен к своему старшему сыну Чарльзу. Когда ее спрашивают, как она оценивает взаимоотношения отца и сына, она качает головой: трудно ответить в двух словах… Принц Филипп хотел бы, чтобы старший сын чаще прислушивался к мнению отца и, по крайней мере, воздавал должное его заслугам в государственной и общественной сферах. Ну а принц Чарльз ожидает похвалы, одобрения, ему хочется, чтобы отец гордился успехами своего первенца. Вообще-то, у супруга королевы есть некоторые основания чувствовать себя обделенным: он слишком часто остается в тени. Так, например, именно принц Филипп поднял в свое время вопрос о защите окружающей среды. Сын подхватил эстафету, и в итоге лавры поборника здоровой экологии венчают Чарльза. Нет особой сердечности и в отношениях Дианы с золовкой, королевской принцессой — это титул сестры Чарльза Анны. Женщины королевской крови сталкиваются в жизни с особыми трудностями, прежде всего в личном плане. Диана это понимает и ценит в Анне высокое чувство долга, энергию и деловитость. Эти качества в полной мере проявляются в деятельности королевской принцессы на посту председателя Фонда защиты детей. Близкими подругами они не стали, нет. Диане даже в голову не приходит поделиться с Анной своими горестями или набрать номер ее телефона и запросто пригласить на ленч. Впрочем, дети их часто играют вместе, и обе принцессы регулярно общаются во время семейных праздников и приемов. В свое время, когда появился на свет принц Гарри, Диану упрекали за то, что она не пригласила

золовку в крестные матери. Масс-медиа раздули из этого целую историю, хотя вопрос решается очень просто: принцесса Анна и так является родной теткой малыша, и нет никакой необходимости совмещать две роли в одном лице. Психологический барьер, отделяющий Диану от золовки-принцессы крови (да и от других членов королевского семейства) — вещь вполне объективная. Диана иначе воспитана, да и по характеру — не паинька. Принцесса Анна родилась принцессой и не мыслит себе другой жизни. Естественно, время от времени возникают ситуации, когда внутренняя убежденность в своем превосходстве над «простолюдинами» прорывается наружу. Дело доходит иногда до неприятных стычек. Так случилось, в частности, летом 1991 года, когда семья собралась, как обычно, под крышей Балморалского дворца.

Погожим августовским вечером устроили пикник на лужайке неподалеку от замка. Все семейство во главе с королевой наслаждалось ужином на лоне природы. Однако исподволь нарастающее раздражение и скрытая неприязнь требуют выхода. Нужен только повод. В данном случае поводом послужила очередная затея Ферги: устроить гонки на пересекающем усадьбу шоссе. С этой целью Ферги воспользовалась дорогим автомобилем марки «деймлер», принадлежащим королеве-матери, а Диану посадила в машину, служившую для сельскохозяйственных работ в усадьбе. Импровизированное авторалли навлекло на беднягу Ферги шквальный огонь критики. Кончилось тем, что герцогиня Йоркская демонстративно покинула компанию. Диана вступилась за подругу, пытаясь объяснить, что Саре и без того было трудно все эти годы ломать характер и привычки согласно размеренному и чопорному стилю жизни при дворе. Она просила королеву быть более терпимой и снисходительной, поскольку Ферги на грани срыва. Действительно, вскоре после этого случая герцогиня Йоркская объявила друзьям, что лето 1991 года ее последнее лето в Балморале. И она сдержала слово. Спустя восемь месяцев двор дал официальное разрешение на раздельное проживание герцога Йоркского и его жены, герцогини Йоркской.

Какой разительный контраст с первым приездом Сары-Ферга в Балморалскую резиденцию! Тогда вся королевская родня была в восторге от ее жизнерадостного характера и кипучей энергии. Шли годы. Диана наблюдала, как меняется характер подруги под влиянием жесткого придворного этикета и беспрерывных наскоков прессы. Наряды Ферги, ее отношение к детям и сомнительные (с точки зрения придворного этикета) знакомства — все служило мишенью для критики. От брызжущего через край

веселья не осталось и следа. Затравленная Ферги пыталась огрызаться. Трагедия превращалась в фарс. Она окружила себя сонмом гадалок, ясновидцев, астрологов, одним словом, ударилась в мистику. Некоторых модных «пророков» приводил к герцогине ее приятель Стив Вьятт, приемный сын нефтяного магната, но большинство она откопала самостоятельно. Ферги свято верила в чудодейственную силу знаменитой прорицательницы мадам Вассо, которая сажала своих клиентов под синюю пластмассовую пирамиду, якобы избавляющую от душевных и телесных недугов.

Ферги металась, запутываясь все больше. Бывали дни, когда она несколько раз обращалась к очередному «оракулу» с просьбой предсказать ей будущее на ближайшие два-три часа. Несчастной женщине казалось, что рассчитав каждый свой шаг с помощью гадалок и прорицателей, она сумеет обмануть судьбу, вырваться из заколдованного круга неудач. Диана, впрочем, как и большинство членов королевского семейства, с интересом относится к метафизическим явлениям, однако у нее хватает здравого смысла не возводить это в степень абсолюта. К несчастью, безумие Ферги оказалось заразительным. Диана волей-неволей прислушивалась к «откровениям», которыми практически ежедневно делилась с ней подруга: королевский дом-де ждут сплошные неприятности и несчастья, грядет полная катастрофа, и вообще, нужно поскорее бежать подальше от трона. На протяжении нескольких месяцев, предшествовавших ее разрыву с мужем, Ферги была частым гостем в гостиной принцессы Дианы и каждый раз, по рассказам очевидцев, приносила очередную «сенсационную» новость. В мае 1991 года, когда в прессе возобновилась дискуссия о неблагополучной семейной жизни принца Чарльза, Ферги явилась к принцессе с потрясающим известием: ее «оракулы» предсказывают, что королем станет принц Эндрю, а она, Ферги, будет королевой. Об этом свидетельствуют друзья Дианы, присутствовавшие при разговоре.

Герцог Йоркский пребывал в замешательстве — к счастью, недолго: его жена вскоре потеряла интерес к идее сделаться королевой. Мятежный дух Ферги, для которой ловить попутный самолет — все равно, что для нормальных людей ловить попутную машину, рвался на волю из герметично закупоренного сосуда монархии. Ясновидцы продолжали предсказывать одну за другой катастрофы, грозящие королевскому дому. Называли даже конкретные даты — каждый раз невпопад, однако Ферги это не смущало. Весь ноябрь герцогиня с самым серьезным видом говорила о близкой кончине одного из членов королевского дома,

а в конце года, когда вся семья собиралась встретить Рождество в Сандрингеме, предупредила Диану, что ее ждет неминуемый разрыв с мужем. Принц Чарльз якобы потребует развода, и остановить его может только вмешательство королевы.

Как говорится, капля камень точит. Натянутые, как струна, нервы Дианы с трудом выдерживали эмоциональный напор, исходивший от энергичной Ферги. Та гнула свою линию: уговаривала Диану последовать ее примеру и немедленно порвать с королевским семейством. Должно быть, это было серьезным испытанием для женщины, давно потерявшей надежду на счастье в браке. И все же Диана не поддалась искушению, доказала, что руководствуется здравым смыслом, а не спонтанными эмоциональными порывами.

В марте 1992 года герцогиня приняла окончательное решение разъехаться с мужем и покинуть королевское семейство. Диана восприняла известие о крушении брака Ферги с горечью и тревогой. Прежде всего ей бросилось в глаза, как быстро придворные королевы ополчились против опальной герцогини. Они не прощали даже малейшего промаха, утверждали, что легкомысленная герцогиня бросила тень на престиж королевского дома. Нашлись наиболее ярые критики, приписавшие Ферги попытку подзаработать на семейной драме: якобы она заключила договор с издателями, которые должны были широко освещать в прессе скандал в королевском семействе. По меткому выражению одного из корреспондентов Би-Би-Си: «в Букингемском дворце на герцогиню Йоркскую повесили всех собак». Для Дианы это послужило серьезным уроком: теперь она знала, что ее ждет, если она пойдет по стопам неукротимой Ферги.

9. «Я сделала все, что в моих силах…»

Хмурым январским днем, как раз накануне 40-летней годовщины вступления Елизаветы II на престол, к ней в Сандрингемский дворец приехали герцог Йоркский и его жена Сара. Предстоял трудный, но неизбежный разговор. О чем? Легко догадаться: вот уже несколько месяцев вся королевская родня ломала голову над семейной дилеммой. После пяти лет совместной жизни супруги пришли к выводу, что им лучше расстаться. Читатель уже знает, что герцогиня Йоркская с годами все больше тяготилась придворным образом жизни, а бесконечные нотации и придирки, как со стороны родственников, так и в средствах массовой информации, доводили ее до белого каления. Впереди не было никакого просвета. Наоборот, газетчики напоследок посыпали солью раны герцогини: на страницах светской хроники замелькали крикливые заголовки о ее отношениях со Стивом Вьяттом. Поводом для сплетен послужили фотографии, запечатлевшие герцогиню в обществе Стива и еще нескольких знакомых на отдыхе в Марокко. Фотографии выкрал и продал газетам какой-то ловкий мошенник.

Королева настояла на двухмесячном «тайм-ауте», чтобы супруги еще раз всесторонне обдумали роковое решение. Это время герцогиня прожила затворницей в своей загородной усадьбе, лишь изредка появляясь на официальных мероприятиях. Зато она часто встречалась с юристами, обсуждая планы на будущее, и делилась своими переживаниями с родственниками, в первую очередь с принцессой Дианой и золовкой, принцессой Анной.

Одним из первых узнал о случившемся принц Чарльз. В разговоре с герцогиней он посетовал на свой собственный неудачный брак и подчеркнул, что по конституции он является прямым наследником престола, а потому о разводе с Дианой не может быть и речи. На это Ферги язвительно заметила: «Что ж, я, по крайней мере, верна самой себе». Этот ответ вскрывает самую суть дилеммы, стоящей и перед принцессой Уэльской. Она остро ощущает фальшь своего положения и противоестественность традиционных устоев современной монархии.

Длящийся годами семейный кризис принца Уэльского так же, как и крах брака принца Эндрю — не только их личная драма. Это тревожный симптом неустойчивости современной монархии перед лицом необратимых исторических процессов. В свое время

решение Георга V дать своему сыну, герцогу Йоркскому, согласие на брак с «простолюдинкой», леди Элизабет Боуз-Лайон, было обусловлено трагическими последствиями первой мировой войны. С исторической сцены были сметены несколько европейских царствующих династий, и ряды женихов и невест королевской крови значительно поредели. Этот брак пробил брешь в королевской цитадели, и замкнутая каста, допускавшая лишь браки между равными, начала медленно превращаться в обычную социальную группу. Несмотря на аристократическое происхождение женихов и невест, практически все попытки привить «дичок» на генеалогическое древо Ганноверской династии закончились плачевно. Счастливым исключением являются королева-мать и правящая королева. Развод, раздельное проживание, либо сохранение формального союза при фактическом разрыве — вот обычный итог «неравных» браков. За примерами далеко ходить не надо: принцесса Маргарет и Энтони Армстронг-Джонс, принцесса Анна и Марк Филлипс, герцог Йоркский и его жена Сара, принц Уэльский и принцесса Диана… Где ключ к решению проблемы?

Где истоки кризисных явлений: в изменившемся характере общества? Или же их следует искать внутри королевского дома, в отношении его членов к пришельцам извне? Очевидно, что, выйдя замуж за принца Чарльза, леди Диана Спенсер вошла в совершенно обособленный семейный клан со своими ритуалами и табу — вроде туземцев какого-нибудь Богом забытого острова, которые и не подозревают о существовании остального человечества. Самоизоляция служит надежной защитой от бурь и тревог внешнего мира, однако постороннему, не знакомому с правилами игры, выжить в этих условиях практически невозможно. Вспомним афоризм драматурга Алана Беннетта: «У каждой семьи есть свой секрет, и секрет состоит в том, что у каждой семьи он свой, не похожий на другие». Так и королевское семейство. Елизавета II и ее сестра принцесса Маргарет — представители последнего поколения, сохранившего иммунитет к реальной жизни. С самого рождения обе жили в безвоздушном пространстве дворцов, бережно хранимые от сквозняков внешнего мира. Обе привыкли к стерильной среде обитания и другой жизни себе не мыслят. Им не приходится ходить по магазинам с кошелкой в руке, стоять в очередях, думать о том, как свести концы с концами. Так живут обычные люди — зато на свободе. Родившись в золотой клетке, птичка не рвется на волю. Несмотря на полчища слуг, сверкающие лимузины, личные яхты и самолеты, королева и ее сестра не вольны распоряжаться собой: каждый их шаг предопределен традицией и контролируется

общественным мнением. Долг, самопожертвование, служение короне — эти добродетели лежат в основе их существования и в основании трона. Стремление к личному счастью не в счет. Когда принцесса Маргарет хотела выйти замуж за капитана Питера Тоунсенда, разведенного, ей пришлось пожертвовать любовью ради освященной традицией королевской морали.

Елизавета II, с младых ногтей воспитанная в духе державной морали, безукоризненно справлялась с ролью венценосца. Более того, она подняла планку так высоко, что вряд ли ее преемникам удастся достигнуть рекордной отметки. Они сделаны из другого теста — слишком много посторонних примесей. По словам леди Элизабет Лонгфорд, подруги Елизаветы II и автора ее жизнеописания, королева сознательно стремилась воспитывать детей в контакте с внешним миром. Получился своего рода гибрид: поколение ее детей по-прежнему связано неразрывной пуповиной с миром традиций и ритуалов, но в то же время они уже познали вкус вольной жизни, и ничто человеческое им не чуждо. Небезопасно выпускать королевских детей за ограду дворцов и замков. Прямое тому доказательство некоторые поступки принца Уэльского. Ветер свободы посеял в его душе сомнения и неуверенность, поколебавшие традиционную веру в абсолютное превосходство королевского дома над простыми смертными.

Те же, кто родился на воле, с большим трудом акклиматизируются в особой атмосфере королевских покоев. В клетке, пусть даже золотой, выживают далеко не все. Принцесса Маргарет развелась с лордом Сноудоном, полным крахом закончился брак принцессы Анны и Марка Филлипса. Между тем и тот, и другой могли отвлечься от нудных дворцовых мероприятий благодаря профессиональной деятельности (Лорд Сноудон занимался фотографией, а Марк Филлипс — конным спортом). У герцогини Йоркской и принцессы Уэльской не было такой отдушины. Принцесса Диана слишком долго варилась в котле придворной жизни, слишком много времени и сил отдавала протокольным обязанностям. Может быть, именно поэтому она пришла к горькому выводу: двор с его особой моралью и особым мироощущением потерял живую связь с реальностью, объективным ходом событий. Королевское семейство живет как бы в ином измерении, откуда не видны эволюционные процессы, происходящие в обществе. Попытки восстановить обратную связь малоэффективны. Как-то за ужином в Сандрингемском дворце Диана осторожно завела разговор о судьбе британской монархии в контексте интеграционных тенденций в современной Европе. Присутствующие посмотрели на нее, как на сумасшедшую, и до

конца вечера продолжали с увлечением обсуждать важный вопрос: кто подстрелил последнего фазана на сегодняшней охоте.

По свидетельству одного из друзей, «Диана считает, что институт монархии отгородился глухой стеной от реальной жизни и не поспевает за ходом истории. Если члены королевского дома не изменятся сами, назревающие в обществе перемены застанут их врасплох, неподготовленными».

Консультант Дианы Стивен Твигг разделяет ее мнение. По его словам, «если члены королевского семейства не осознают необходимость перестройки своих отношений с обществом, их ждет тупик, вырождение. Монархия утратит функции полезного социального инструмента. Чтобы этого не произошло, необходимо гибко и динамично реагировать на изменения. При этом общество также должно внести коррективы в свое отношение к королевскому дому. Давайте спросим себя: чего мы ждем от королевской семьи? Хотим ли мы, как встарь, падать ниц перед королевскими регалиями или же представители династии должны заслужить искреннее восхищение народа стойкостью и благородством, с которыми они принимают многочисленные вызовы нашей бурной эпохи? Восхищаться — значит, учиться у своего кумира, следовать его примеру».

Несмотря на то, что Диана ведет упорную борьбу с широко распространенным мифом о принцессе-кукле, озабоченной лишь красивыми тряпками и модными фасонами, многие по-прежнему относятся к ней с известным предубеждением. Она привыкла к добродушно-снисходительному тону. «Я сталкиваюсь с этим на каждом шагу, — признается принцесса близким друзьям. — Интересно наблюдать за реакцией людей. Вступая в разговор, они думают одно, а поговорив со мной немного, начинают вести себя совсем по-другому». Диана не приемлет и формальную маску королевского величия — слишком долго она сама отстаивала свое право на естественные человеческие чувства. Ей чуждо лицемерие. Неподдельная доброта и милосердие, которые проявляются в повседневном общении с людьми, — не поза, а нормальное состояние души. Порфироносец вознесен высоко над земной юдолью, однако Диану не устраивает традиционное королевское воспитание, прививающее «иммунитет» к бедам и заботам простых смертных. Она твердо знает, что ее сыновья должны воспитываться иначе, нежели предыдущие поколения венценосцев. Маленькие принцы и принцессы когда-то чуть ли не с пеленок приучались скрывать свои мысли и чувства от чужих любопытных глаз. Пядь за пядью возводилась невидимая стена, отделяющая особу королевской крови от простолюдинов. Диана же стремится воспитывать в сыновьях искренность и прямоту.

Они должны реально оценивать свои возможности и воспринимать жизнь во всем ее многообразии, а не возноситься над нею на контурах королевского величия. Как мать, Диана озабочена прежде всего тем, чтобы сыновья твердо стояли на земной почве. Уверенность в себе питает безграничная материнская любовь и нежность. Диана признается, что любит своих детей до безумия и отдает им каждую свободную минуту. Дети, обделенные родительским вниманием и любовью, вырастают с изъяном в душе, им труднее противостоять житейским бурям.

Диана не хочет, чтобы ее сыновья выросли чопорными и высокомерными. Пусть не стесняются открыто выражать свои чувства — в этом нет ничего неприличного. Однажды принцесса взяла с собой Уильяма на финальную встречу Уимблдонского турнира, где выступала знаменитая немецкая спортсменка Штеффи Графф. По окончании встречи мать с сыном покинули королевскую ложу и спустились в раздевалку для спортсменов, чтобы лично выразить свое восхищение прославленной теннисистке. В пустом полутемном коридоре они столкнулись со Штеффи, которая выглядела такой усталой и одинокой, что Диана не раздумывая обняла и поцеловала ее, а Уильям тоже бросился ей на шею и горячо поздравил Штеффи с победой.

В свое время, когда Диана ухаживала за умирающим от СПИДа Адрианом Уорд-Джексоном, она сознательно познакомила с ним Уильяма, преподав ему тем самым наглядный урок жизни и смерти. И мальчик усвоил урок. Узнав о смерти Адриана, Уильям сказал матери: «Теперь он избавился от страданий и стал по-настоящему счастливым». Разумеется, Диана не успокаивается на достигнутом. На ней лежит громадная ответственность: согласно закону о порядке престолонаследия Уильям — первый претендент на корону после отца, а Гарри — второй, и их воспитанию уделяется самое серьезное внимание. В первую очередь она приучает их к порядку и самодисциплине. Каждый вечер мальчики усаживаются за письменный стол и пишут письма благодарности родственникам и знакомым. Эту привычку воспитал в ней отец, граф Спенсер. Даже вернувшись домой из гостей далеко за полночь, Диана не ложится спать, пока не напишет несколько теплых слов хозяину дома или другим людям, которые оказали ей в этот день какую-либо услугу.

Подрастая, мальчики все яснее осознают, что их судьба предопределена рождением в королевской семье. Как-то раз зашел разговор о том, кто кем хочет быть. «Когда вырасту, обязательно стану полицейским и буду тебя охранять, мамочка!» — весело объявил Уильям (ему было тогда 10 лет). Восьмилетний

Гарри тут же вмешался: «Как же, полицейским — тебе придется стать королем!»

По свидетельству их дяди, графа Спенсера, в жизни мальчики совсем не соответствуют тому имиджу, который создают им средства массовой информации. «Газеты изображают Уильяма как этакого «командира», ну а Гарри — тихоня, младший братец, — рассказывает граф Спенсер. — На самом деле Уильям очень подтянутый, дисциплинированный и не по годам развитый ребенок. Он застенчив, даже слишком. Он ведет себя немного скованно, и манеры у него, как у взрослого». А вот Гарри как раз озорник и непоседа. Граф Спенсер поделился своими наблюдениями за поведением мальчика во время перелета с одного из островов в Карибском море, где они были на отдыхе: «Стюардесса принесла завтрак. У Гарри на голове были наушники, а на коленях он держал компьютерную игру. Тем не менее ему во что бы то ни стало хотелось съесть рогалик, не расставаясь со своей электронной сбруей. Когда ему, наконец, удалось намазать рогалик маслом и засунуть его в рот, на его мордашке было написано торжество победителя. Непередаваемое выражение!»

Кэролин Бартоломью уверяет, что ее крестник Гарри необыкновенно «милый и непосредственный ребенок, так и хочется его приласкать». Принц Уильям, по ее мнению, характером очень напоминает мать — «такой же чуткий и восприимчивый». Поначалу ей казалось, что будущий венценосец растет сорванцом: «Он был непослушным и часто капризничал». Но когда у Кэролин появились собственные дети, она поняла, что «в определенном возрасте они все капризничают. На самом деле у Уильяма доброе сердце, как и у его матери. Он готов отдать вам последнюю конфетку. Так и вышло однажды; у него была только одна конфетка, и видно было, что ему ужасно хочется ее съесть. Но он-таки отдал ее мне!» В другой раз он обшарил все карманы и, собрав несколько пенсов — единственную наличность, торжественно вручил деньги в подарок Кэролин.

Впрочем, по признанию самой Кэролин, принц Уильям отнюдь не ангелочек. Однажды, приехав погостить в Хайгроув, она наблюдала такую сцену. Диана вышла из плавательного бассейна и, переодевшись в белый махровый халат, ждала Уильяма, который никак не мог наплаваться. Внезапно мальчик отчаянно забил по воде руками и камнем пошел ко дну. Перепуганная мама не знала, что и подумать: а вдруг это не розыгрыш? Она рванула застежку, пытаясь сбросить халат, но, сообразив, что время не терпит, прыгнула в воду как была, одетая. Уильям тут же вынырнул из воды. Он хохотал во все

горло в восторге от удачной шутки. Матери, прямо скажем, было не до смеха.

Не будем забывать, что все мальчишки не прочь пошалить. Вообще же Уильям серьезный и вдумчивый ребенок, у него не по годам развито чувство ответственности. По отзывам друзей дома, Уильям и Гарри живут в дружбе и согласии. Это просто замечательно: когда Уильям вырастет и в один прекрасный день взойдет на английский престол, ему будет на кого опереться. Интуиция подсказывает Диане, что братья пронесут тесную дружбу через всю жизнь и сумеют разделить бремя королевской власти. Это тем более важно, что принц Чарльз, как ей кажется, никогда не станет королем Карлом III.

Диана души не чает в своих мальчишках. «Дети — все для меня», — часто повторяет принцесса, и это понятно: вряд ли она выбралась бы из тьмы отчаяния и тоски, если бы их не было рядом. В 1993 году Гарри, следом за старшим братом, поступил в частную школу-пансион «Лудгроув», и принцесса сразу почувствовала, как пусто стало в Кенсингтонском дворце. «Ребята выпорхнули из-под маминого крылышка, — говорит Джеймс Джилби, — и Диана почувствовала, что близится к завершению важнейшая глава в повести ее жизни».

Теперь мальчики возвращаются в родительское гнездо лишь на время каникул. С их отъездом жизнь во дворце стала еще более тягостной, тем более что к тому времени Диана лишилась и старой подруги — герцогини Йоркской. Как никогда остро стоит перед ней проблема выбора. С одной стороны, семейная жизнь не сложилась, но с другой — работа в королевском «ведомстве» приносит ей истинное удовлетворение, поскольку она может реально помогать больным и обездоленным; она задыхается в тенетах придворной рутины, но в то же время все яснее отдает себе отчет, что положение члена королевской семьи обеспечивает небывалые возможности для работы во имя милосердия.

Вопрос остается открытым. Диана склоняется то в одну, то в другую сторону. Амплитуда колебаний ее настроения характеризуется довольно резкими скачками, но в целом преобладает тенденция к сохранению существующего положения. Принцесса пока не готова покинуть королевское «ведомство». И это вполне объяснимо: многие вещи, причинявшие когда-то жестокую боль, отошли на второй план. Проржавевший механизм монархии вызывает скорее досаду, чем отчаяние; к мужу она относится ровно, по-товарищески — прежнего трепета нет и в помине; Камилла Паркер-Боулз не вызывает у Дианы припадков отчаянной ревности, лишь холодное презрение. Но это не главное. Решающее значение имеет растущий интерес к

монархической системе и поиск путей ее преобразования и совершенствования. Диана всерьез размышляет над тем, как наиболее эффективно использовать монархический механизм во благо общества, прежде всего наименее социально защищенной его части. Это веское основание, чтобы оставить все как есть. В то же время не выходит из головы решительный поступок герцогини Йоркской, указавшей путь к свободе.

Разрубить гордиев узел нелегко. Диана — молодая женщина, эмоциональная, часто непоследовательная, подверженная резким перепадам настроения. «Диана из тех женщин, которые легко уступают нажиму со стороны более волевого и сильного человека, — проницательно замечает астролог Феликс Лайл. — У нее явная склонность к депрессии, и в то же время в любой момент может взять верх инстинкт самоуничтожения. Не считаясь с доводами разума, она пошлет все к черту и хлопнет дверью. Вообще же, она напоминает нераспустившийся бутон. Настанет день, и лепестки раскроются».

Сегодня она вдумчиво и серьезно размышляет над фундаментальными вопросами бытия, беседуя с Джорджем Кери, епископом Кентерберийским. Завтра весь вечер беспечно проболтает с приятелями за партией в бридж. «Она часто противоречит сама себе, когда разговор заходит о том, чтобы сбросить наконец бремя ответственности, которое она приняла на свои плечи», — говорит Рори Скотт, который по-прежнему часто встречает принцессу в обществе.

Другая на ее месте давно могла стать брюзгой и занудой. «Диану выручает природное чувство юмора, — замечает в связи с этим ее брат, граф Спенсер. — Рядом с ней любой чувствует себя непринужденно. Чопорность ей чужда, наоборот, она часто подшучивает сама над собой или вызывает смех у собеседников, указав на какую-нибудь нелепость, которая им тоже бросилась в глаза, но они постеснялись об этом сказать». Пропахший нафталином королевский протокол, скучнейшие церемонии во время официальных визитов служат для Дианы неисчерпаемым источником шуток и пародий. По долгу «службы» Диана терпеливо слушает концерт фольклорного ансамбля, вежливо хвалит блюда национальной кухни, с трудом заставив себя проглотить кусочек. Потом звонит друзьям и с юмором делится впечатлениями. «Чего не сделаешь на благо Англии!» — часто говорит принцесса.

По словам Анджелы Серота, «Диана воспринимает внутреннюю сущность человека, а не внешние атрибуты поведения». Тонкая интуиция и врожденный дар настраиваться на «волну» собеседника помогают принцессе в общении с людьми.

Однако сама Диана считает, что природных способностей недостаточно, необходима научная и профессиональная база. Посредственные успехи в средней школе не отбили у нее желания учиться. «Мне необходимо знать все о человеке», — говорит принцесса. В первую очередь ее интересуют исследования в области психологии и философии. Нужно признать, что Диана питает известную слабость к обладателям дипломов и ученых степеней. И все же, чистая наука не для нее — больше по душе люди с практической жилкой, энергичные и деятельные, а не созерцатели. Директор авиакомпании Ричард Брансон, миллионер Джекоб Ротшильд (он в свое время занимался реставрацией фамильной усадьбы Спенсеров), двоюродный брат Дианы Дэвид Линли — об этих людях она говорит с неподдельным восхищением. Диана с одобрением отзывается о решительном поступке виконта Линли, который бросил карьеру придворного чиновника и занялся живым практическим делом. Кроме того, по словам одного из друзей, «она немного завидует Дэвиду: ведь он может свободно расхаживать по улицам без телохранителей». Когда-то низкая самооценка и неуверенность в собственных интеллектуальных возможностях заставляли Диану смотреть снизу вверх не только на мужа, но и на окружавших его высокопоставленных придворных сановников. Теперь ее не узнать: выработав самостоятельную позицию, она не боится отстаивать свою точку зрения, в том числе и по политическим вопросам. Результат налицо. Даже известные своим консерватизмом чиновники Министерства иностранных дел отдают должное дипломатическому искусству принцессы. В Форин-Офисе высоко оценили ее работу во время первого самостоятельного визита в Пакистан, центр исламского фундаментализма, где периодически вспыхивают антибританские страсти, и «Юнион Джек», государственный флаг Соединенного Королевства, подвергается ритуальному сожжению. Диана не без гордости говорит, что к ней, наконец-то, стали относиться, как ко взрослой.

В юности Диана панически боялась выступать перед большой аудиторией. Этот страх тоже удалось преодолеть. Теперь она почти каждую неделю выступает с речами и пользуется славой хорошего оратора. Тексты речей она пишет либо самостоятельно, либо с помощью небольшой команды референтов, в первую очередь личного секретаря Патрика Джефсона, своего верного союзника и единомышленника. «Штаб» принцессы — это гибкая структура, в задачи которой входит обсуждение главных вопросов, о которых намерена говорить принцесса, подготовка статистических выкладок и составление текста выступления.

К сожалению, интересную и полезную работу приходится совмещать с чисто протокольными обязанностями, которых требует всемогущий придворный регламент. В один и тот же день она присутствует в качестве «свадебного генерала» на открытии выставки «Идеальный дом», а через два-три часа выступает с пламенной речью о проблеме СПИДа. Так случилось в марте 1992 года. Это был обычный рабочий день принцессы, но стоит остановиться; на нем поподробнее: два события разделяет всего несколько часов и — целая эпоха в эволюции мировоззрения Дианы. Посещение выставки организовали дворцовые бюрократы. Все было расписано, как по нотам: от тщательно выверенного списка гостей до фоторепортеров. Кстати, на следующий день взахлеб комментировали ответ принцессы на вопрос журналистов, какие у нее планы на предстоящую Неделю семьи. Диана сказала, что не строит никаких планов именно потому, что это сугубо семейный праздник. Диана переходила от стенда к стенду в сопровождении пестрой свиты придворных и гостей, суетились репортеры, сверкая фотовспышками, одним словом, протокольное мероприятие прошло без сучка и без задоринки. Диана виртуозно исполнила выученную назубок роль: дежурная улыбка для обложек, традиционный набор любезностей в адрес организаторов… Зрители получили то, что ожидали.

Вечером того же дня состоялся ужин в лондонской гостинице «Клареджез» с участием известных экспертов по проблеме СПИДа Майкла Адлера и Маргарет Джей и представителей массовой информации. На этот раз она не играла, слова о том, что наболело, лились из самого сердца. Потом Диана отвечала на вопросы с мест, откровенно, не избегая острых углов. Это был первый случай за всю ее придворную карьеру, когда принцесса согласилась принять участие в спонтанной дискуссии, и надо сказать, справилась с этой задачей блестяще. Это событие стало важной вехой на ее жизненном пути, хотя газеты уделили ее выступлению гораздо меньше внимания, чем традиционным придворным шоу. Общественная деятельность Дианы, выходящая за рамки традиционных представлений о «профессии» принцессы Уэльской, нравится далеко не всем как во дворце, так и вне его.

Родственники Дианы, особенно сестры Джейн и Сара и брат Чарльз в курсе проблем Дианы и всегда готовы прийти ей на помощь. Рассудительная Джейн не раз давала ей добрые советы, да и Сара, когда-то завидовавшая славе сестры, теперь ее верный друг и союзник. Вообще, как заметил один из друзей, «когда говоришь с Дианой, невозможно на нее сердиться». С матерью Диана видится реже, чем хотелось бы, но каждая встреча — радость для обеих. Диана была возмущена до глубины души,

узнав, что ее отчим, Питер Шанд-Кид увлекся другой женщиной и оставил Франсис. У Дианы всегда были очень нежные отношения с отцом, однако незадолго до его смерти вскрылась неприятная история, причинившая ей много огорчений. Дети графа Спенсера узнали о тайной распродаже сокровищ из фамильного гнезда, Олторпской усадьбы. Принцесса вынуждена была написать ему довольно резкое письмо, о котором впоследствии горько сожалела. В тот момент она не смогла сдержаться: уж очень вызывающе реагировала на упреки детей их мачеха, Рейн Спенсер. Вмешался даже принц Чарльз, призывая к порядку неистовую Рейн. Семейная тяжба закончилась примирением отца с детьми. Отправившись в круиз вокруг света, граф Спенсер радовался и удивлялся популярности принцессы Уэльской в разных странах мира. С дороги он отправил младшей дочке теплое письмо, в котором признавался, что очень ею гордится.

Большое значение имеет для Дианы поддержка немногочисленных, но надежных друзей и помощников. Эти люди знают настоящую, живую Диану, а не куклу, выставленную на потребу обывателям. Они ценят неоспоримые достоинства принцессы, но не закрывают глаза и на ее слабости. Диана легко поддается отчаянию и в такие минуты видит все в черном свете. После бегства герцогини Йоркской отвращение Дианы к придворной рутине предельно обострилось. Ясно, что неустойчивое равновесие может нарушиться в любой момент. По свидетельству друзей, у принцессы однажды вырвалось такое признание: «Люди называют меня Мерилин Монро восьмидесятых годов и думают, что это большое счастье. На самом деле не было ни одного момента, когда я могла сказать: «Вот здорово!» Ни одного. Я только исполняла свой долг и буду делать то, что положено принцессе Уэльской, пока в этом есть необходимость. Надеюсь, что пятнадцати лет жизни будет достаточно».

Самопожертвование Дианы граничит иногда с самоистязанием. Джеймс Джилби сделал интересное наблюдение: «Когда Диана чувствует себя в безопасности, она распрямляется и рвет путы. Но, заслышав бряцание оружия, отступает, уходит от прямого столкновения». Иной раз складывается впечатление, что сама себя казнит, не дожидаясь, пока причинит боль кто-нибудь, кого она ценит и любит. Страхом перед возможным предательством объясняется, по всей видимости, поведение принцессы в первый период семейной жизни, когда она отчаянно нуждалась в поддержке друзей, и тем не менее сознательно обрекла себя на самоизоляцию.

Принцесса Диана, словно канатная плясунья, скользит по туго натянутой проволоке, чудом сохраняя равновесие. Далеко

внизу восхищенные зрители. Никто не подозревает, как трудно балансировать над бездной. Головоломка собственной судьбы неотступно мучает Диану. Это стало почти навязчивой идеей. Кэролин Бартоломью, как всегда, горячо защищает подругу: «Попробуйте не зациклиться на своих проблемах, когда весь свет следит за каждым вашим шагом». Диана может часами говорить о сложных взаимоотношениях с мужем, с членами королевского семейства, о своем двусмысленном положении в королевском «ведомстве». Сколько ни говори, проблемы не решаются. Под ногами все та же проволока, и нельзя выпустить из рук балансир. Джеймс Джилби точно сформулировал суть дилеммы: «Она никогда не будет счастливой, если не вырвется на волю. Для этого принц Чарльз должен сам потребовать свободы. Но он никогда этого не сделает — из-за матери. Значит, они оба никогда не будут счастливы. У каждого будет своя жизнь, но формально они останутся мужем и женой — ради пресловутого единства королевского дома».

Верная подруга и наперсница Дианы, Кзролин Бартоломью замечает, как с годами деформируется ее характер: «Она добра и благородна, но печаль и отчаяние разъедают душу. Единственное противоядие — чувство юмора. Она и красавица, и умница, но радости в ее жизни так мало».

Что сулит ей будущее, неизвестно. Будь ее воля, Диана дала бы свободу принцу Чарльзу: может, он сумеет найти счастье с другой женщиной. Ей нужно только одно: спокойно воспитывать детей, готовить Уильяма к трудной роли будущего монарха. Эта мечта так же несбыточна, как желание принца Чарльза оставить свой пост и заняться сельским хозяйством где-нибудь на ферме в Италии. Диана не вольна распоряжаться собой. У нее есть заветное желание: съездить на уик-энд в Париж. Еще она надеется прослушать курс лекций по психологии, больше времени уделять игре на фортепьяно, вернуться к занятиям живописью. Казалось бы, скромные желания, но и это ей заказано: рабочий день принцессы Уэльской загружен до предела, тем более что приходится совмещать обязательные протокольные мероприятия с общественной деятельностью, которой она занимается по зову сердца. В минуты слабости Диана признается друзьям, что готова хоть сейчас бросить все и уехать за границу, во Францию или в Италию. Но судя по всему, она не сможет отказаться от своего призвания: работы во имя милосердия в различных общественных и благотворительных структурах. Именно в этой работе она нашла себя, поверила в свои силы. По словам Чарльза Спенсера, «у Дианы недюжинный характер. Она умеет добиваться своего. Отвоеванные за десять лет позиции она не сдаст без боя и, скорее

всего, сохранит их за собой и в будущем».

Девочкой она предчувствовала, что судьба ее сложится не так, как у других. Став взрослой женщиной, Диана по-прежнему прислушивается к внутреннему голосу, голосу интуиции. Верная чувству долга, она старается безукоризненно исполнять официальные обязанности принцессы Уэльской, чтобы не уронить этот громкий титул в глазах общественного мнения. Семейная драма и противоборство с косной монархической системой не сломили Диану, наоборот, она упорно искала свое призвание. Выбрав свой собственный путь, она идет по нему, не сворачивая. Вместе с тем Диана не вступает в открытую конфронтацию с монархической системой, она готова на разумный компромисс. «После трудного дня, добравшись, наконец, до постели, я говорю себе, что сделала все, что могла», — заявляет принцесса Диана, и это правда…